

T. 12 • № 4 • 2018

THE WORLD OF NEW ECONOMY

ISSN 2220-6469 (Print)
ISSN 2220-7872 (Online)

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

DOI: 10.26794/2220-6469

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67300
от 30 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67300
of 30, September, 2016

Периодичность издания – 4 номера в год

Publication frequency – 4 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 42131 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 42131 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 12 • No. 4 • 2018

WORLD OF NEW ECONOMY

DOI: 10.26794/2220-6469

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

 NEICON
ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

 RePEc

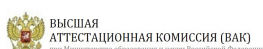
 ROAR

 СОЦИОНЕТ

 EBSCOhost

 Google
Scholar

 OCLC
WorldCat®

 ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

 CYBERLENINKA

 DOAJ
DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Леочи П., д-р, профессор Университета Саленто г. Лечче (Италия);

Мазараки А., ректор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина);

Симон Г., д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи энд маркетинг консалтенс» (Германия)

Хан С., д-р, профессор, руководитель Департамента экономики Блумсбургского университета, (США);

Хирш-Крайсен Х., д-р, профессор Дортмундского технологического университета (Германия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Порфирьев Б.Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, зам. директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН;

Агеев А.И., д-р экон. наук, проф., директор Института экономических стратегий (ИНЭС);

Балацкий Е.В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

Герасименко В.В., д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой «Маркетинг» МГУ;

Головнин М.Ю., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, первый заместитель директора по научной работе Института экономики РАН;

Ершов М.В., д-р экон. наук, проф. Финуниверситета, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов;

Иванов В. В., канд. техн. наук, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, заместитель президента РАН;

Миркин Я.М., д-р экон. наук, проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН;

Могилевский Л.М., д-р техн. наук, проф., генеральный директор РОАО «Москва златоглавая»;

Нуреев Р.М., д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

Сорокин Д.Е., д-р экон. наук, проф., член-корр. РАН, научный руководитель Финансового университета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сильвестров С.Н., главный редактор, д-р экон. наук, проф., действительный член (академик) Российской академии естественных наук, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности;

Казанцев С.В., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф., заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН;

Подвойский Г.Л., заместитель главного редактора, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

Юданов А.Ю., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф. Департамента экономической теории Финансового университета;

Варнавский В.Г., д-р экон. наук, проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН;

Звонова Е.А., д-р экон. наук, проф., руководитель Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета;

Куприянова Л.М., канд. экон. наук, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» Финансового университета;

Медведева М.Б., канд. экон. наук, проф. Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета;

Сумароков В.Н., д-р экон. наук, проф., советник при ректорате Финансового университета;

Рубцов Б.Б., д-р экон. наук, проф., заместитель руководителя департамента по НИР Финансового университета;

Толкачев С.А., д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института промышленной политики и институционального развития.

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Leoci P., Doctor, Professor of the University of Salento, Lecce (Italy);

Mazaraki A., Rector of Kyiv National University of Trade and Economics (Ukraine);

Simon G., Doctor, Professor, President of "Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy" (Germany);

Khan S., Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University (USA);

Hirsch-Kreisen H., Doctor, Professor of Dortmund Technical University (Germany).

EDITORIAL COUNCIL

Porfiriev B.N., Doctor of Economics, Chairman of the Editorial Board, Professor, Academician of RAS, Deputy Director of the Institute of Economics Forecasting of RAS;

Ageev A.I., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Economic Strategies (INES);

Balackij E.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Gerasimenko V.V., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair "Marketing", Lomonosov Moscow State University;

Golovnin M.Yu., Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, First Deputy Director of scientific work of the Institute of Economics of RAS;

Yershov M.V., Doctor of Economics, Professor of the Financial University, Major Director of Financial Research of the Institute of Energy and Finance;

Ivanov V. V., PhD. (Tech. Sciences), Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Vice-President of the Russian Academy of Sciences;

Ya. M. Mirkin, Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets Department IMEMO;

Mogilevskiy L.M., Doctor of Technical Sciences, Professor, CEO of Russian public company "Moscow of Golden Domes";

Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Science and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Sorokin D.E., Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of RAS, Science and Research Coordinator of the Financial University.

EDITORIAL BOARD

Silvestrov S.N., Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, full member (academician) of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security;

Kazantsev S.V., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of The Institute of Economics and Industrial Engineering (Siberian Branch of RAS);

Podvoiskiy G.L., Deputy editor-in-chief, PhD in Economics, Leading Researcher of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Yudanov A.Yu., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Varnavskiy V.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences;

Zvonova E.A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Global Finance Chair of the Financial University;

Kupriyanova L.M., PhD in Economics, the assistant manager of the Economy of Intellectual Property Chair of the Financial University;

Medvedeva M.B., PhD in Economics, Professor of the Global Finance Chair of the Financial University;

Sumarokov V.N., Doctor of Economics, Professor, Adviser at administration of the Financial University;

Rubtsov B.B., Doctor of Economics, Professor, the deputy head of Chair on NIR of the Financial University;

Tolkachev S.A., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Institute of Industrial Policy and Institutional Development.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

© Журнал
«МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ».
Свидетельство
ПИ № ФС77-67300
от 30 сентября 2016 г.
Издается с 2007 г.
Учредитель: ФГБОУ ВО
«Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации»

Учредитель журнала
и главный редактор с 2007
по 2015 год д-р экон. наук,
профессор Н.Н. Думная

Главный редактор
С.Н. Сильвестров

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю.М. Анютин

Корректор
С.Ф. Михайлова

Переводчик
З. Межва

Верстка
С.М. Ветров

**Оформление подписки
в редакции**
по тел.: (499) 943-94-59
e-mail: ASOstrovskaya@fa.ru
Островская А.С.

Адрес редакции:
123995, ГСП-5, Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 53, к. 5.6
Тел.: 8 (499) 943-98-02.
E-mail: julia.an@mail.ru;
<http://www.fa.ru>.

Подписано в печать:
04.12.2018
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 1186
Усл. печ. л. 13,95
Отпечатано
в Отделе полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, 49)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Григорьев Л.М., Бриллиантова В.В., Павлюшина В.А.

Евразийский экономический союз: успехи и вызовы интеграции.....6

Балацкий Е.В., Юревич М.А.

Прогнозирование инфляции:

практика использования синтетических процедур 20

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА

Басаев З.В.

Цифровизация экономики:

Россия в контексте глобальной трансформации 32

Перелет Р.А.

Экологические аспекты цифровой экономики..... 39

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Головнин М.Ю., Никитина С.А.

Современные тенденции динамики международных потоков капитала 46

Ушкалова Д.И.

Эволюция специализации России

во взаимной торговле со странами ЕАЭС 57

Ревенко Л.С., Ревенко Н.С.

Отраслевое сотрудничество стран БРИКС:

потенциал и приоритеты реализации..... 67

Барышников П.Ю.

Преимущества и недостатки подписания всеобъемлющего экономического

и торгового соглашения (СЕТА) для экономик стран ЕС и Канады 77

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Екимова Н.А.

Международные санкции в отношении России: неявные выгоды..... 82

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Зарицкий Б.Е.

Роль банков и фондового рынка в экономике Германии 93

Решетова Л.В.

Диалектическая взаимосвязь типов денежно-расчетной

системы и системы разделения труда 109

Содержание журнала «Мир новой экономики» за 2018 г..... 117

ECONOMIC THEORY

Grigor'ev L.M., Brilliantova V.V., Pavlyushina V.A.

Eurasian Economic Union: Achievement and Challenges of Integration.....6

Balatskiy E.V., Yurevich M.A.

Inflation Forecasting: The Practice of Using Synthetic Procedures 20

THE ECONOMY OF THE XXI CENTURY

Basaev Z.V.

The Digitalisation of the Economy:

Russia in the Context of Global Transformation 32

Perelet R.A.

Environmental Issues in a Digital Economy 39

WORLD ECONOMY

Golovnin M. Yu., Nikitina S.A.

Current Trends in the Dynamics of International Capital Flows..... 46

Ushkalova D. I.

The Evolution of Russia's Specialisation

in Mutual Trade with the Countries of the EAEU 57

Revenko L.S., Revenko N.S.

Sectoral Cooperation of the BRICS Countries:

Potential and Implementation Priorities 67

Baryshnikov P. Yu.

**Advantages and Disadvantages of Signing a Comprehensive Economic
and Trade Agreement (CETA) for the Economies of the EU and Canada..... 77**

ECONOMIC POLICY

Ekimova N.A.

International Sanctions Against Russia: Implicit Benefits..... 82

FINANCIAL ANALYTICS

Zaritskiy B.E.

The Role of Banks and Stock Market in the German Economy..... 93

Reshetova L.V.

Dialectical Interrelation of Types of Monetary

and Settlement System and Division of Labour 109

Content of the Magazine "World of New Economy" for 2018..... 117

© "WORLD OF NEW
ECONOMY" Journal
Certificate
ПИ № ФС77-67300.
of September, 30, 2016
Issued since 2007.
Founders: Financial
University Under The
Government Of The
Russian Federation

Founder and editor of the
magazine from 2007 to
2015 Doctor of Economics,
Professor N.N. Dumnyaya

Editor-in-chief
S.N. Silvestrov

*Science journal editorship
manager*

V.A. Shadrin

Publishing editor
Yu.M. Anyutina

Proofreader
S.F. Mihaylova

Translator
Z. Mierzwa

Makeup
S.M. Vetrov

Editorial office address:
123995, GSP-5, Moscow,
Leningradskiy prospekt,
53, room 5.6
Tel.: 8 (499) 943-98-02.
E-mail: julia.an@maul.ru;
<http://www.fa.ru>.

Signed off to printing:
04.12.2018
Format 60 × 84 1/8
Order № 1186
Relative printer's sheet 13,95
Printed in the Department
of Polygraphy of the
Financial University
(Leningradskiy prospekt, 49)

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-6-19
УДК 338.1,338.43,338.45,338.46,339.3(045)
JEL O11, O18, O21, R11

Евразийский экономический союз: успехи и вызовы интеграции

Л.М. Григорьев,

Департамент мировой экономики НИУ ВШЭ, Аналитический центр
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0003-3891-7060>

В.В. Бриллиантова,

Управление научно-исследовательских работ Аналитического центра
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-9818-7373>

В.А. Павлюшина,

Банковский институт НИУ ВШЭ, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-7125-6287>

АННОТАЦИЯ

Тема Евразийской интеграции вызывает большой интерес у политиков и в академических кругах по многим причинам. Во-первых, это единственное действующее и развивающееся интеграционное объединение на пространстве бывшего СССР. Во-вторых, это объединение действует рядом с Европейским союзом. В-третьих, это объединение находится близко к кругу важных торговых и инвестиционных интересов Китая. И наконец, немаловажно, что ЕАЭС образовался уже после 2014 г. — начала «санкционного» периода в жизни России и мира. Интеграция на евразийском пространстве — это уникальный случай, когда ранее тесно взаимосвязанные страны в рамках системы центрального планирования, пережив крах экономической реальности и все еще находясь в затяжном трансформационном процессе, восстанавливают экономические связи в новой рыночной форме. В случае с СНГ по ряду политических причин реинтеграция не сложилась, несмотря на наличие определенных экономических предпосылок для нее. В данной статье, помимо анализа макроэкономических и институциональных параметров стран, приведены результаты классификации регионов четырех стран ЕАЭС: Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана. Для оптимизации межстранового сравнения классификация была упрощена в соответствии с особенностями административного деления других участников ЕАЭС.

Ключевые слова: евразийская интеграция; экономический рост; человеческий капитал; качество институтов; ведение бизнеса; взаимная торговля; региональное неравенство; специализация региона

Для цитирования: Григорьев Л.М., Бриллиантова В.В., Павлюшина В.А. Евразийский экономический союз: успехи и вызовы интеграции. *Мир новой экономики.* 2018;12(3):6-19. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-6-19

Eurasian Economic Union: Achievement and Challenges of Integration

L.M. Grigor'ev,

HSE Department of World Economy, Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3891-7060>

V.V. Brilliantova,

Department of scientific research of the Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9818-7373>

V.A. Pavlyushina,

HSE Banking Institute, Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7125-6287>

ABSTRACT

The question of Eurasian integration is of great interest to politicians and academics for many reasons. First, it is the only existing and developing integration association in the former Soviet Union. Second, this association is valid in the neighbourhood of the European Union. Thirdly, this association is close to the sphere of important trade and investment interests of China. And finally, it is important that the EAEU was formed after 2014 – the beginning of the “sanctions” period in the life of Russia and the world. Integration in the Eurasian space is a unique case when previously closely interconnected countries within the framework of the central planning system, having survived the collapse of the former economic reality and still being in a protracted transformation process, restore their economic ties in a new market environment. In the case of the CIS, reintegration has not developed for some political reasons, despite available economic conditions. In addition to the analysis of macroeconomic and institutional parameters of the countries, the article presents the results of the classification of the regions of four EAEU countries: Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan. To optimise the cross-country comparison, we simplified the classification by the peculiarities of the administrative division of other EAEU members.

Keywords: Eurasian integration; economic growth; human capital; quality of institutions; doing business; mutual trade; regional inequality; specialisation of the region

For citation: Grigor'ev L.M., Brilliantova V.V., Pavlyushina V.A. Eurasian Economic Union: Achievement and challenges of integration. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):6-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-6-19

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ПАРАМЕТРЫ ИНТЕГРАЦИИ

Евразийский экономический союз был создан относительно недавно, но различные аспекты, связанные с ним, нашли уже свое отражение в отечественной и зарубежной академической литературе. Важно отметить, что для более глубокого понимания предпосылок создания, основных сложностей на пути интеграции ЕАЭС, а также перспектив Союза необходимо обратиться к истории трансформационного кризиса и интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

К числу значимых исследований по данной тематике относятся работы С. Глазьева, В. Чушкина, С. Ткачука [1], А. Суздальцева [2], Л. Косиковой [3], А. Либмана [4], Л. Григорьева, С. Кондратьева и М. Салихова [5]. Ретроспективный анализ в данных исследованиях охватывает вопросы особенностей социально-экономического развития стран постсоветского пространства, политическую и институциональную составляющие их интеграции. Ряд работ посвящен предпосылкам создания ЕАЭС, перспективам Союза и трудностям, присущим процессам интеграции на евразийском пространстве: А. Кнобель [6]; М. Кротов и В. Мунтиян [7]; А. Быков [8], У. Батсайхан и М. Домбровски [9] и др.

Возрастающее внимание уделяется группировке и в зарубежной литературе. Ряд публикаций интерпретирует мотивы создания ЕАЭС как скорее идеологические, нежели содержательные (особенно в экономическом смысле) и указывает, например, на то, что страны — участницы объединения «стремятся минимизировать обязательства и максимизировать гибкость своего участия» [10]. Кроме

того, в западной литературе освещаются вопросы политической стабильности в Евразийском регионе, перспективы создания устойчивых экономических связей и положение ЕАЭС в меняющемся глобальном экономическом ландшафте [11].

Винокуров, Галимов и др. уже на раннем этапе существования Союза предприняли попытку подвести промежуточные итоги интеграции [12] и количественно оценить ее эффект для экономик Союза [13].

Одним из важных направлений исследования стали вопросы взаимодействия Союза с другими интеграционными объединениями, такими как Европейский союз [14], АСЕАН [15] и др., странами Шелкового пути [16], а также возможности расширения членства Союза [17]. Существует также ряд зарубежных публикаций, в которых рассматривается возможный механизм включения ЕАЭС во взаимодействие с инициативой «Один пояс — один путь» [18]. Другие прикладные аспекты, привлекающие внимание научного сообщества, включают вопросы унификации финансового регулирования в ЕАЭС [19], дискуссию о траекториях развития энергетических рынков стран Союза [20] и формировании общих сырьевых рынков [21], проблемы трудовой миграции [22], личных переводов [23] и т.д.

Экономические союзы в истории человечества образовывались с различными текущими целями, но должны были создавать условия для развития, снимать барьеры для торговли и инвестиций, выравнивать уровни жизни. Естественно, это предполагает формирование единой — в той или иной степени — системы социально-экономических институтов, которая в дальнейшем может развиваться

и охватывать более широкие сферы общественной жизни, как мы это видим на примере Европейского союза. Процесс интеграции в ЕС стартовал в 1950-х гг. с создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), в котором основные страны-участницы исторически были конкурентами в традиционных отраслях промышленности. В случае НАФТА основную роль сыграла важность существующих связей, а МЕРКОСУР — необходимость укрепления слабых торговых связей.

Интеграция на евразийском пространстве — это уникальный случай, когда ранее тесно взаимосвязанные страны в рамках системы центрального планирования, пережив крах экономической реальности и все еще находясь в затяжном трансформационном процессе, восстанавливают экономические связи в новой рыночной форме. В случае с СНГ по ряду политических причин реинтеграция не сложилась, несмотря на наличие определенных экономических предпосылок для нее.

Особенностью интеграции в рамках ЕАЭС в этом смысле является специфика экономик стран-участниц, которые сочетают характеристики бывших социалистических стран и стран с формирующимися рынками. Под первым понимается наличие относительно широкой материально-ресурсной базы, сформировавшаяся система образования, социальных льгот, система пенсионного обеспечения, избыточное предложение труда вследствие деиндустриализации и др. Под вторым — подверженность внешним шокам, сравнительно высокая волатильность основных макроэкономических показателей, менее развитая финансовая система, большая амплитуда циклических колебаний [24].

Именно наличие материальной базы и инфраструктуры, сформированных благодаря масштабным плановым инвестициям, а также человеческого капитала и природных ресурсов обусловило взаимодополняемость экономик ЕАЭС. Несомненно, в отдельных сферах (нефть, импортные поставки) существует разумное конкурентное напряжение. Но внутренние социально-политические проблемы стран ЕАЭС, свойственные странам на этапах трансформации, равно как и торговые трения, не привели к конфликтам в острой форме, как это было в ряде государств бывшего СССР.

Проблемы ЕАЭС заключены в объективных факторах развития в прошлом — неравномерности уровня экономики еще в составе СССР; характере созданных тогда и сохраненных за двадцать лет трансформации производственных активов и пе-

реносе моноцентричной модели взаимодействия в современные реалии, а значит, и сохранении высокой зависимости конъюнктуры экономик ЕАЭС от российской хозяйственной конъюнктуры. Кроме того, после распада СССР появились еще две важные особенности, которые влияют на интеграционные процессы, а именно — выраженная ориентация на внешних торговых партнеров и преобладание межотраслевого разделения труда над внутриотраслевым [24]. Еще одним определяющим фактором характера интеграции являются особенности географического положения стран. ЕАЭС — это пять исключительно континентальных стран, четыре из которых не имеют выхода к морю вообще, а большая часть территории пятой страны — России — также значительно удалена от моря. При этом у государств — членов ЕАЭС есть три физические границы: «Беларусь — Россия» и «Россия — Казахстан» (с которых, по сути, стартовали интеграционные процессы) и «Казахстан — Кыргызстан», которая, тем не менее, характеризуется напряженностью по ряду хозяйственных вопросов с 2010 г. Армения же вообще не граничит ни с одной из стран ЕАЭС. Кроме того, евразийское пространство характеризуется значительными пустотами расселения и инфраструктуры, что влечет за собой дополнительные издержки — транспортные, институциональные, политические, и ощутимо тормозит интенсификацию торговли. К примеру, возобновление железнодорожного сообщения между Россией и Грузией через Абхазию, которое было прекращено в конце 1990-х гг., могло бы существенно облегчить транспортировку грузов между Россией и Арменией. Возвращаясь к вопросу об ориентации стран ЕАЭС на внешних партнеров, стоит отметить, что географическое положение Беларуси, а именно, граница с ЕС, позволяет ей успешно взаимодействовать с европейскими рынками.

Интеграция в ЕАЭС стартовала в крайне сложных экономических условиях. Прежде всего, это огромные потери производства и благосостояния национальных экономик в 1990-х гг. в начале трансформации экономических, социальных и политических систем (табл. 1). Так, существенное сокращение ВВП в ряде стран (–53,1% в 1993 г. в Армении и –49,3% в 1995 г. в Кыргызстане от уровня 1990 г.) обусловило продолжительное восстановление утраченных возможностей. Мировой экономический и финансовый кризис 2008–2009 гг. стал причиной высокой неопределенности дальнейшего развития (в особенности для Армении и России). Критической проверкой экономик на устойчивость стал внешний

Таблица 1 / Table 1

Рост ВВП по ППС, 1990–2017 гг., 1990 = 100 / GDP growth in PPP, 1990–2017, 1990 = 100

	1990	1998	2007	2008	2009	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Армения	100	62,0	155,3	166,0	142,5	145,7	163,5	168,9	175,0	180,5	180,9	194,5
Беларусь	100	81,1	152,1	167,6	167,9	180,9	194,3	196,4	199,7	192,1	187,2	191,8
Казахстан	100	61,6	137,1	141,6	143,3	153,7	173,0	183,4	191,1	193,4	195,6	203,4
Кыргызстан	100	60,9	89,7	97,3	100,1	99,6	105,5	117,0	121,7	126,4	131,9	137,9
Россия	100	57,5	106,4	112,0	103,2	107,9	117,7	119,8	120,7	117,3	117,0	118,8
<i>Справочно:</i>												
Грузия	100	35,8	65,6	67,2	64,7	68,8	78,4	81,1	84,8	87,3	89,7	94,2
Молдова	100	34,9	52,3	56,4	53,0	56,8	60,2	65,9	69,0	68,8	71,9	75,1
Узбекистан	100	90,5	150,4	163,9	177,2	192,3	225,3	243,3	262,3	283,3	305,3	321,5
Украина	100	41,1	72,8	74,5	63,4	66,1	69,9	69,9	65,3	58,9	60,3	61,8

Источник / Source: Всемирный банк / the World Bank.

ценовой шок 2014–2015 гг., который привел к существенному сокращению экспортных и финансовых возможностей всех стран Союза. В частности, объемы экспорта России и Казахстана сократились более чем на четверть.

Экономическая рецессия в России в 2015–2016 гг., вызванная во многом снижением мировых цен на нефть, через торговые и финансовые каналы отрицательно сказалось на экономиках Армении, Беларуси и Кыргызстана. По данным Евразийского банка развития (ЕАБР), эластичность реального ВВП стран ЕАЭС по ВВП России в среднем составляет 0,52. Наиболее чувствительными к изменениям конъюнктуры в России являются Армения и Кыргызстан, наибольшую устойчивость демонстрирует экономика Казахстана¹.

За десятилетие с 1998 г. сформировался существенный разрыв между значениями показателя душевого ВВП по ППС в странах Союза: если соотношение значений для России и Кыргызстана в 1998 г. составляло 6,1 раза, то в 2007 г. — уже 8,7 раза. Общий подъем в мире, Европе и на постсоветском пространстве в начале 2000-х гг. дал свои положительные результаты, которые, естественно, определялись также неравномерностью уровня развития экономик, сформировавшихся еще в составе СССР, а также успехами проведенных реформ в период трансформации. За-

метим, что на постсоветском пространстве остается еще ряд стран, у которых уровень ВВП по ППС к 2017 г. остался ниже отметки 1990 г. (см. табл. 1). В начале столетия значения показателя душевого ВВП по ППС в странах — членах Союза находились в диапазоне от 14,1 тыс. межд. долл./чел. в России до 2,1 тыс. межд. долл./чел. в Кыргызстане, а в 2017 г. границы диапазона расширились до 3,3–25,4 тыс. межд. долл./чел. (табл. 2).

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ: ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ИНСТИТУТОВ

В период существования Союза страны-члены существенно улучшили качество своих институтов. Институциональные реформы вывели отдельные страны (а именно, Россию и Армению) по качеству институтов на довольно высокий уровень, однако все еще заметно отстающий от развитых стран. Наиболее уязвимые места институциональных преобразований связаны с частной собственностью, что объясняется незавершенными процессами приватизации в регионе. Кроме того, по данным исследования ЕАБР, существенные проблемы развития институтов присутствуют, например, в энергетическом секторе Беларуси². Важно пони-

¹ Восстановление взаимного товарооборота в странах ЕАБР. Макрообзор ЕАБР, май 2017 г.

² European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). 2017. *Transition for All, Transition Report 2016–17*. London (EBRD).

Таблица 2 / Table 2

ВВП на душу населения по ППС (цены 2011 г.), тыс. долл., население млн чел., 2000–2017 /
GDP per capita at PPP (2011 prices), thousand dollars, population, million, 2000–2017

	ВВП на душу населения по ППС (цены 2011 г.), тыс. долл.			Население, млн чел.		
	2000	2009	2017	2000	2009	2017
Армения	2,9	6,4	8,6	3,1	3,0	3,0
Беларусь	7,6	15,0	17,2	10,0	9,5	9,5
Казахстан	10,0	18,8	23,9	14,9	16,2	18,2
Кыргызстан	2,1	2,8	3,3	4,9	5,4	6,3
Россия	14,1	22,1	25,4	146,4	143,1	144,0
<i>Справочно:</i>						
Грузия	3,2	6,2	9,8	4,4	4,0	3,7
Молдова	2,3	3,6	5,2	3,6	3,6	3,5
Узбекистан	2,5	4,1	6,3	24,5	27,4	32,1
Украина	5,0	7,8	7,9	48,7	45,8	42,3

Источник / Source: МВФ / IMF.

Таблица 3 / Table 3

Страны ЕАЭС в рейтинге Doing Business-2018 и его подрейтингах (место из 190), 2007, 2015, 2018 / The EEU countries in the Doing Business rating of the 2018 and sub-ratings (of total 190 countries) in 2007, 2015, and 2018

Год	Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2007	Doing business	34	129	63	90	96
	Создание предприятий	46	148	40	41	33
	Регистрация собственности	2	96	76	31	44
	Обеспечение исполнения контрактов	18	36	27	38	25
	Торговля через границы	119	113	172	173	143
2015	Doing business	45	57	77	102	62
	Создание предприятий	4	40	55	9	34
	Регистрация собственности	7	3	14	6	12
	Обеспечение исполнения контрактов	119	7	30	56	14
	Торговля через границы	110	145	185	183	155
2018	Doing business	47	38	36	77	35
	Создание предприятий	15	30	41	29	28
	Регистрация собственности	13	5	17	8	12
	Обеспечение исполнения контрактов	47	24	6	139	18
	Торговля через границы	52	30	123	84	100

Источник / Source: Doing business Index Reports, World Bank group, 2018.

Таблица 4 / Table 4

Индекс человеческого развития, 1990–2017 гг. / The human development index, 1990–2017

Страна	Место по ИЧР в мире	Значение ИЧР				
		1990	2000	2014	2015	2017
Армения	83	0,634	0,644	0,741	0,743	0,755
Беларусь	53		0,681	0,798	0,796	0,808
Казахстан	58	0,690	0,685	0,793	0,794	0,800
Кыргызстан	122	0,615	0,593	0,662	0,664	0,672
Россия	49	0,733	0,720	0,805	0,804	0,816

Источник / Source: Доклад об Индексе человеческого развития ООН / UN Human Development Index Report.

мать, что улучшенные институты будут служить основой для увеличения экономической активности и инвестиций.

Структурные сдвиги в качестве институциональной среды во многом обусловлены интеграционными процессами, которые нашли отражение в ряде оценочных показателей. Общий показатель деловой среды в ЕАЭС начал заметно опережать соседние страны (кроме Грузии). Так, в частности, за последнее десятилетие страны ЕАЭС продемонстрировали существенный прогресс по опросному показателю качества деловой среды (Doing Business Index), поднявшись в рейтинге. Россия (с 96 в 2007 г. до 35 в 2018 г.) и Беларусь (с 129 до 38 соответственно), Казахстан (с 77 до 36 соответственно) и Кыргызстан (с 102 в 2015 г. до 77 в 2018 г.) реализовали рывок именно в период участия в ЕАЭС (табл. 3). Страны ЕАЭС демонстрируют высокие значения по таким важным показателям, как создание предприятий и регистрация собственности, а также по ключевому (в том числе и в институциональной теории) пункту — обеспечение выполнения контрактов, с единственным исключением — в Кыргызстане. С точки зрения интеграции выполнение контрактов важно именно как всеобщее благо и фактор доверия в ведении бизнеса на пространстве Союза в целом.

Индекс человеческого развития (ИЧР), разрабатываемый ООН, представляет собой комбинацию уровня ВВП на душу населения, уровня образования и продолжительности жизни. В 2000-е гг. все страны постсоветского пространства демонстрировали значительное улучшение показателей доходов и при этом сохраняли высокие значения (при мировых сравнениях) показателей образования и других социальных параметров. Рецессия 2014–2016 гг. не привела к заметному спаду значений показателя

в странах ЕАЭС. В 2000 г. показатели ИЧР стран ЕАЭС находились в пределах 0,593–0,720, а к 2017 г. поднялись до 0,672–0,816. Значение ИЧР выросло у всех стран ЕАЭС, однако максимальное увеличение было у Беларуси (на 0,127), а минимальное — у России (на 0,096) (табл. 4).

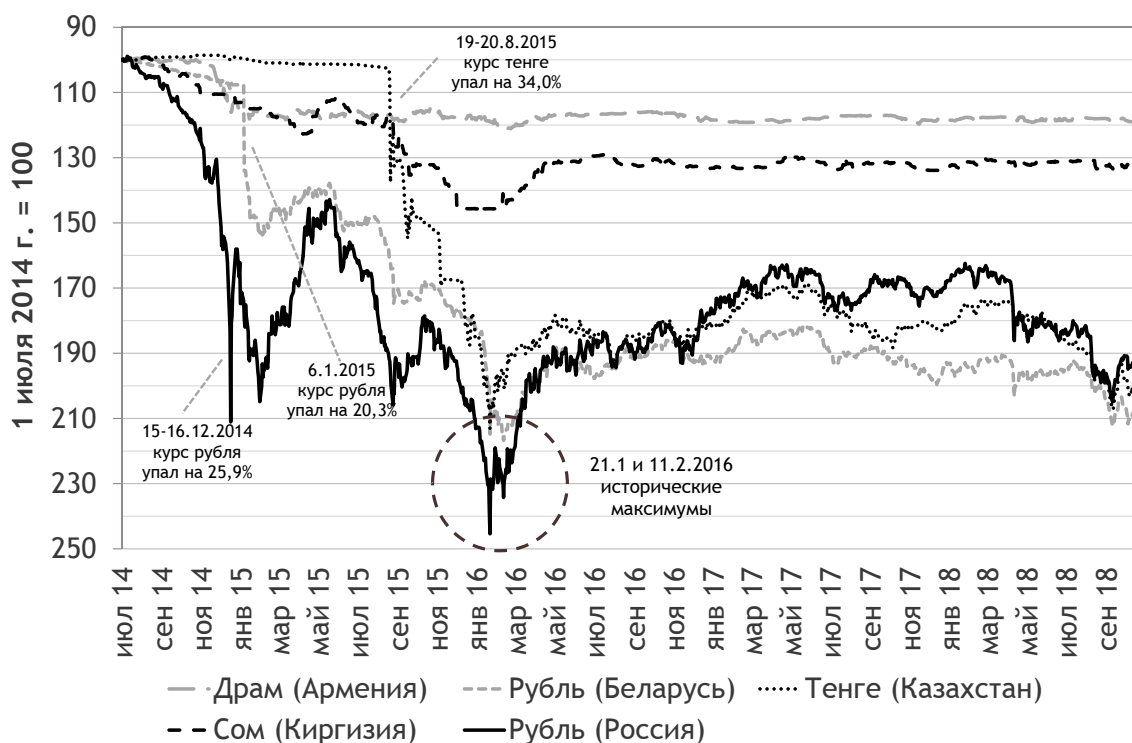
КУРСЫ ВАЛЮТ И ЛИЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Внешние шоки, внутренняя макроэкономическая политика и мировой деловой цикл увеличивают волатильность национальной валюты развивающихся стран. Это вынуждает центральные банки стран адаптироваться к внешним шокам и кризисам платежных балансов. Это характерно и для стран ЕАЭС: политика центральных банков Кыргызстана и Армении привела к высокой устойчивости курса сома и драма.

Поскольку экономика стран ЕАЭС во многом зависит от состояния экономики России, сильная девальвация российского рубля в 2014 г. привела к ослаблению национальных валют других стран относительно доллара США, особенно сильно — белорусского рубля и казахстанского тенге (см. рисунок). Следствием этого стало снижение долларовой объема экспорта и физического объема импорта, сокращение расходов домохозяйств, ВВП страны. Так, например, темпы прироста экономики Беларуси были отрицательными в 2015–2016 гг. (–3,9% и –2,6%), промышленное производство в 2016 г. сократилось на 0,4%, оптовый товарооборот снизился на 10,4%, розничный — на 4,1%, а инвестиции в основной капитал — на 17,9%.

Благодаря политике центральных банков, киргизский сом и армянский драм девальвировались к доллару США существенно меньше (на 20–30%) в середине 2016 г. по отношению к середине 2014 г.,

Динамика курсов валют стран ЕАЭС к доллару, 2014–2018 гг. / Dynamics of exchange rates of the EAEU countries to the dollar, 2014–2018

Примечание. Подписаны крупнейшие 1–2-дневные девальвации / Note: the largest 1–2-day devaluations have been signed.

Источник / Source: Thomson Reuters.

Таблица 5 / Table 5

Личные переводы,% ВВП / Personal remittances,% of GDP

	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Армения	9,5	17,9	16,3	16,6	18,0	17,7	18,0	19,7	17,9	14,1	13,1	13,3
Беларусь	0,9	0,6	1,0	1,0	1,0	1,4	1,6	1,6	1,6	1,6	2,0	2,2
Казахстан	0,4	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2
Кыргызстан	0,2	18,5	23,8	20,9	26,4	27,6	30,8	31,1	30,0	25,3	29,3	32,9
Россия	0,2	0,4	0,3	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,5	0,5	0,5
Справочно:												
Грузия	6,7	8,7	8,3	10,3	10,2	10,7	11,2	12,1	12,0	10,4	10,6	11,8
Молдова	13,8	33,9	31,2	24,9	30,2	25,8	27,3	27,4	26,0	23,6	21,5	20,2
Узбекистан	н/д	7,6	10,2	6,1	7,3	9,3	11,0	11,6	9,2	4,6	3,7	н/д
Украина	1,3	3,7	3,8	5,1	4,8	4,8	4,8	5,3	5,5	9,3	10,2	10,8

Источник / Source: Всемирный банк / the World Bank

а курсы российского и белорусского рубля, казахского тенге за аналогичный период ослабли практически вдвое.

Политика центральных банков Армении и Кыргызстана направлена на сохранение устойчивости курса национальных валют во многом потому, что в экономике стран большую роль играют личные переводы мигрантов. Именно они являются источником средств для личного потребления и капиталовложений внутри стран. В Кыргызстане личные переводы численно сопоставимы с национальными сбережениями. Важным фактором относительной устойчивости драма являются частные денежные переводы, которые увеличивают спрос на национальную валюту. Но текущие переводы пострадали из-за значительной девальвации российского рубля относительно и драма, и доллара. Однако сам объем накопленных сбережений в национальных валютах в обеих странах в основном сохранил свою долларовую стоимость.

В 2017 г. личные денежные переводы в Кыргызстан составили 32,9% ВВП (более 90% из которых поступили из России). Доля личных переводов в ВВП в Кыргызстане среди стран ЕАЭС максимальна. Это во многом связано с упрощением миграционной политики и увеличением объемов маятниковой миграции. В период экономической рецессии в России отношение личных переводов к ВВП в Армении несколько снизилось (с 19,7% в 2013 г. до 13,1% в 2016 г.), однако в 2017 г. увеличилось до 13,3%. Отношение личных переводов к ВВП в России, Беларуси и Казахстане остается на традиционно низком уровне.

ТОРГОВЛЯ

Объем внутрисоюзной торговли заметно уступает обороту внешней торговли Союза, что связано с ориентацией крупных экономик — России и Казахстана — на экспорт за пределы ЕАЭС. Взаимная торговля между экономиками ЕАЭС тем не менее продемонстрировала значительно большую устойчивость к кризису 2015–2016 гг. в России, чем внешняя торговля Союза, что было главным образом связано с неблагоприятной внешней конъюнктурой, в том числе динамикой цен на энергоносители, которые доминируют в экспортных поставках больших экономик Союза в третьи страны.

В структуре внутренней торговли Союза на минеральные топлива в среднем приходится почти 1/3 стоимостного объема, при этом более 84% товар-

ного оборота минеральных топлив на рынке ЕАЭС обеспечивает Россия, из которых свыше 70% — это экспорт сырой нефти из России в Беларусь для дальнейшей переработки и экспорта в страны Европы. Второй по величине товарной категорией являются «Машины и оборудование» — на нее в среднем приходится около 17,5% товарного оборота внутри ЕАЭС. Торговля товарами данной категории в ЕАЭС происходит в основном между Россией и Беларусью — свыше 96% стоимостного объема торговли товарами данной категории приходится на две эти страны. Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — третья по величине товарооборота категория на внутреннем рынке ЕАЭС (в среднем около 15,7% взаимного товарооборота в стоимостном выражении). Практически 54% торговли товарами в этой категории происходит с участием Беларуси, 35% — с участием России. На долю металлов и изделий из них в среднем приходится около 11,8% взаимного товарооборота стран Союза. Свыше 60% товарооборота происходит с участием России. Кроме того, растет доля Казахстана — с 17,8% в 2015 г. до 25,2% в 2017 г.

Объем взаимной торговли в 2017 г. вырос относительно 2015 г. в основном за счет товарных категорий «Металлы и изделия из них» (+47,8%), «Машины и оборудование» (+33,9%), «Продукция химической промышленности» (+24,6%), а также «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» (+17,7%).

По данным UN Comtrade, в 2017 г. 60,0% экспортных и 31,4% импортных поставок внутри Союза пришлось на Россию — единственного нето-экспортера в Союзе, 27,4 и 38,4% соответственно — на Беларусь (табл. 6). В целом взаимная торговля этих стран обуславливает достаточно высокую степень интеграции внутри Союза. Так, Беларусь, несмотря на близость к европейским рынкам, 46,4% стоимостного объема своих экспортных поставок направляет в страны ЕАЭС, 56,9% импорта — ввозит из стран Союза. Экспорт машиностроительной и продовольственной продукции Беларуси в Россию остается фактором стабильности производства в стране.

Россия является основным направлением внутрисоюзного экспорта для Армении (97,5% в 2017 г.), Беларуси (94,5% в 2017 г.) и Казахстана (88,2% в 2017 г.). Экспортные поставки Кыргызстана направляются в Казахстан (52,3%) и Россию (46,2% в 2017 г.). В географической структуре в 2017 г. внутрисоюзного импорта на Россию пришлось 96,5%

Таблица 6 / Table 6

Матрица внешней торговли между странами ЕАЭС в 2017 г., млн долл. США /
The matrix of foreign trade between the EAEU countries in 2017, million \$US

	Мир	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Внутри ЕАЭС, %
В	Экспорт						
Из							
Армения	2145,0	–	6,9	4,9	1,8	540,5	25,8
Беларусь	29 267,1	34,5	–	587,9	123,4	12 835,3	46,4
Казахстан	48 342,1	4,4	95,5	–	503,2	4515,2	10,6
Кыргызстан	1790,8	0,0	8,6	297,2	–	262,2	31,7
Россия	359 152,0	868,8	15 537,4	11 924,2	1388,7	–	8,3
В	Импорт						
Из							
Армения	3893,5	–	37,6	4,0	0,1	1165,7	31,0
Беларусь	34 230,7	7,1	–	96,8	6,6	19 359,5	56,9
Казахстан	29 345,9	4,6	508,6	–	255,2	11 472,9	41,7
Кыргызстан	4481,3	0,6	83,1	586,0	–	1180,5	41,3
Россия	228 212,8	427,6	10 691,6	4599,7	169,2	–	7,0

Источник / Source: Trademap по данным UN Comtrade / Trademap according to UN Comtrade dataset.

совокупных поставок в Армению, 99,4% — в Беларусь, 93,7% — в Казахстан, 63,8% — в Кыргызстан.

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕГИОНОВ СТРАН ЕАЭС ПО УРОВНЮ РАЗВИТИЯ

Классификация территорий по уровню экономического развития позволяет определить вектор регионального развития с учетом специфики групп регионов. Задача классификации регионов оказывается актуальной при выявлении приоритетов региональной политики государства: возникает необходимость очертить, а впоследствии — обосновать список территорий, становящихся объектами правительственной поддержки. Чем выше неоднородность страны в региональном плане, тем сложнее ее развитие, тем выше требования к эффективной региональной политике. Страны со средним уровнем дохода, как правило, характеризуются высоким региональным и социально-экономическим неравенством [25]. В странах ЕАЭС ярко выражены оба вида неравенства.

МЕТОДОЛОГИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

Используемая в данной работе синтетическая классификация регионов России была опубликована в 2011 г. и обновлена в июне 2017 г. [26] В соответствии с данной классификацией регионы были поделены на 9 типов, объединенных в 4 группы по уровню развития. Устойчивость классификации регионов неоднократно подтверждалась в исследованиях в 2013–2016 гг. [27]

В данной статье синтетическая классификация применяется для четырех стран ЕАЭС: Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана. Для оптимизации межстранового сравнения классификация была упрощена в соответствии с особенностями административного деления других участников ЕАЭС. В результате регионы сгруппированы в 4 категории:

- столицы и финансово-экономические центры;
- развитые регионы (как правило, с заметной концентрацией обрабатывающей промышленности);

Таблица 7 / Table 7

**Доля населения и добавленной стоимости в типах регионов стран ЕАЭС, %, 2016 г. /
The share of population and value-added in the types of regions of the EAEU countries, 2016, %**

	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан	
	Доля насел.	Доля ВРП	Доля насел.	Доля ВРП	Доля насел.	Доля ВРП	Доля насел.	Доля ВРП
Фин-эк. центры	36,0	75,0	20,7	32,6	15,2	32,9	16,2	36,9
Развитые	21,8	11,3	41,0	38,4	42,1	36,8	22,5	29,9
Среднеразв.	32,0	9,7	38,4	28,9	29,2	17,2	28,2	20,7
Менее развитые	10,2	3,9			13,5	13,1	33,1	15,0

Источник / Source: статистические ведомства Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, МВФ, расчеты авторов / statistical agencies of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, IMF, authors' calculations.

- среднеразвитые регионы (как правило, с заметной концентрацией добывающей промышленности);

- менее развитые.

Степень развитости региона оценивается в каждой стране отдельно. Анализ ограниченной региональной статистики (структура производства и уровни ВРП на душу населения) показывает, что наиболее подходящий метод для классификации регионов стран ЕАЭС опирается на использование показателя «вмененный ВРП по ППС на душу населения».

Региональная статистика в каждой из стран представлена в национальной валюте, что затрудняет межстрановое сравнение. Сущность использованного метода заключается в распределении ВВП по ППС по регионам страны пропорционально удельному весу ВРП регионов в суммарном ВРП страны в национальной валюте. Подушевые показатели рассчитываются путем деления вмененного ВРП по ППС на численность населения региона. Этот метод обеспечивает возможность сравнения между собой регионов разных стран за счет перехода к паритетам покупательной способности, а также элиминирует разницу между суммарным ВРП и ВВП страны. Так как в Армении официальная статистическая служба не рассчитывает ВРП, для анализа был применен условный ВРП по использованию (сумма объема строительства, розничных продаж и услуг) для каждого региона. Классификация регионов стран ЕАЭС рассчитана по данным 2016 г. в связи с тем, что национальные статистические органы публикуют статистику в региональном разрезе с запаздыванием.

Классификация регионов четырех стран ЕАЭС основана на нескольких принципах. Столицы всех стран и крупные финансовые центры выделены в отдельную категорию, что позволяет, в частности, оценить различия в уровне благосостояния столичных и провинциальных регионов.

При формировании группы «развитые регионы» использовано два показателя: относительно высокий уровень вмененного ВРП на душу населения и тип хозяйства. Для этой группы характерна относительно более высокая доля добавленной стоимости обрабатывающей промышленности в ВРП, а также высокая доля занятости во вторичном и третичном секторах экономики.

Среднеразвитые регионы по классификации принадлежат к промышленно-аграрным по типу хозяйства. В эту категорию включены регионы с вмененным ВРП на душу населения примерно равным и ниже среднего значения по стране. В структуре добавленной стоимости в регионах этого типа чаще всего превалирует добывающая промышленность.

Менее развитые регионы в основном относятся к категории аграрно-промышленных. Вмененный ВРП на душу населения регионов этого типа ниже среднего по стране, а в структуре добавленной стоимости и занятости большую долю занимает сельское хозяйство.

Доли различных групп регионов в общей численности населения и добавленной стоимости существенно варьируются в зависимости от страны (табл. 7). В Беларуси, Кыргызстане и Казахстане доля населения в финансово-экономических центрах составляет 20,7, 16,2 и 15,2% соответственно (36,0% в Армении). Отличительная особенность

Классификация регионов ЕАЭС*, 2016 г. / Classification of the EAEU regions*, 2016

Страна	Финансово-экономические центры	Развитые	Среднеразвитые	Менее развитые
Армения	Ереван (18,0)	Котайкский (6,4) Сюникский (4,8) Арагатский (2,5)	Лорийский (3,2) Ширакский (3,0) Армавирский (2,4) Гегаркуникский (2,0)	Тавушский (3,5) Арагацтнский (3,2) Вайоц Дзорский (3,4)
Беларусь	Минск (28,6)	Минская (20,8) Гродненская (15,7) Гомельская (14,1)	Брестская (13,9) Могилевская (13,6) Витебская (13,4)	
Казахстан	Алматы (58,1) Астана (48,0)	Атырауская (82,2) Мангистауская (34,4) Карагандинская (25,8) ЗКО (30,4) Актюбинская (23,5) Павлодарская (25,1)	Акмолинская (19,9) ВКО (19,3) СКО (15,7) Кызылординская (16,3) Костанайская (16,6)	Алматинская (10,5) Жамбылская (10,2) ЮКО (9,3)
Кыргызстан	Бишкек (8,1)	Иссык-Кульская (5,3) Чуйская (4,4)	Ош (4,0) Нарынская (2,6) Джалал-Абадская (2,3)	Ошская (1,3) Баткенская (1,7) Таласская (2,9)

*В скобках указаны расчетные ВРП на душу населения, тыс. межд. долл./чел. / The calculated GRP per capita is given in parentheses, thousand \$US.

Источник / Source: статистические ведомства Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, МВФ, расчеты авторов / statistical agencies of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, IMF, authors' calculations.

Армении состоит в самой высокой неравномерности распределения добавленной стоимости по регионам разных типов: отношение доли добавленной стоимости финансово-экономического центра (Еревана) к аналогичному показателю менее развитых регионов составляет 19,1 раза, что во многом объясняется крайне высокой ролью столичного региона в стране, отсутствием производства в менее развитых регионах страны и отчасти — особенностями расчета. Аналогичный показатель в Казахстане и Кыргызстане равен 2,5 раза, а в Беларуси, региональное неравенство в которой наименьшее, — 1,1 раза. В Беларуси и Казахстане наибольшую долю добавленной стоимости обеспечивают развитые регионы (38,4 и 36,8% соответственно).

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕГИОНОВ СТРАН ЕАЭС

Столицы четырех стран и самые крупные финансовые центры выделены в отдельную категорию, что позволяет, в частности, оценить различия в уровне благосостояния между «столичной жизнью» и «провинцией» (табл. 8). Наиболее высокие значения ВРП по ППС на душу населения

у Алматы (58,1 тыс. межд. долл./чел.) и Астаны (48,0 тыс. межд. долл./чел.). Значения показателя значительно выше, чем у Минска (28,6 тыс. межд. долл./чел.), Еревана (18,0 тыс. межд. долл./чел.) и Бишкека (8,1 тыс. межд. долл./чел.). Важно заметить, что в реальности вмененный ВРП по ППС столичных регионов выше за счет высокой доли финансовых и внешнеэкономических услуг, которые статистически не распределены по регионам.

В категорию «развитые регионы» вошли 14 регионов из четырех стран ЕАЭС. В этой группе доминирует промышленное производство, а вмененный ВРП нефтедобывающей Атырауской области (82,2 тыс. межд. долл./чел.) в Казахстане превышает значения аналогичного показателя для финансово-экономических центров.

Среднеразвитые области по классификации принадлежат к промышленно-аграрным по типу хозяйства. Их число сравнимо с числом развитых регионов — 15 в 2016 г. В этой категории весьма значительные различия между средними уровнями вмененного ВРП по ППС на душу населения, в частности между областями Казахстана (среднее значение — 17,5 тыс. межд. долл./чел.),

Беларуси (11,5 тыс. межд. долл./чел.) и Кыргызстана (3,0 тыс. межд. долл./чел.), Армении (2,6 тыс. межд. долл./чел.).

Менее развитые области в основном относятся к категории аграрно-промышленных. Отметим, что

Беларусь отличается наиболее равномерным региональным развитием, поэтому ни один из регионов страны не относится к группе «менее развитые регионы». В Армении, Казахстане и Кыргызстане по три региона отнесены к этой группе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глазьев С. Ю., Чушкин В. И., Ткачук С. П. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. М.: ООО «ВИКОР МЕДИА»; 2013.
2. Суздальцев А. И. Постсоветское пространство: единство и многообразие. *Россия и мир. Новая эпоха*. 2008;(12):384–410.
3. Косикова Л. С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика. М.: РАН, Институт экономики, Отделение международных экономических и политических исследований; 2008.
4. Либман А. Экономическая интеграция на постсоветском пространстве: институциональный аспект. *Вопросы экономики*. 2005;(3):142–156.
5. Григорьев Л., Кондратьев С., Салихов М. Трудный выход из трансформационного кризиса. *Вопросы экономики*. 2008;(10):77–95.
6. Кнобель А. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия. *Вопросы экономики*. 2015;(3):87–108.
7. Кротов М. И., Мунтиян В. И. Евразийский экономический союз: история, особенности, перспективы. *Управленческое консультирование*. 2015;11 (83):33–47.
8. Быков А. Н. Евразийская интеграция, ее перспективы и возможности. *Российский экономический журнал*. 2014;(1):24–39.
9. Batsaikhan U., Dabrowski M. Central Asia — twenty-five years after the breakup of the USSR. *Russian Journal of Economics*. 2017;3(3):296–320.
10. Zhang X., Li L., Gabuev A. Competition or coordination? The Eurasian Economic Union and China's one belt, one road initiative. *Russian Analytical Digest (RAD)*. 2016;183.
11. Dutkiewicz P., Sakwa R. and Lukyanov F., eds. Eurasia on the Edge: Managing Complexity. URL: <https://carleton.ca/eurus/wp-content/uploads/Eurasia-on-the-Edge.pdf>.
12. Vinokurov E. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. *Russian Journal of Economics*. 2017;3(1):54–70.
13. Галимов Д. И. и др. Межотраслевые эффекты торговой интеграции России в ЕАЭС. *Вопросы экономики*. 2017;(10):123–139.
14. Лагутина М. Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях. *Управленческое консультирование*. 2015;11(83):124–136.
15. Зеленева И. В., Концова Е. А. АСЕАН и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества. *Управленческое консультирование*. 2015;11(83):112–123.
16. Скриба А. С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2016;11(3):67–81.
17. Лапенко М. В. Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2016;16(1):71–76.
18. Wolczuk K., Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power. Chatham House; 2017.
19. Табах А. В., Подругина А. В. Наднациональное мегарегулирование: зарубежный опыт и перспективы ЕАЭС. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2015;(4):122–143.
20. Логинов Е. Л., Борталевич С. И. Нефтяные и газовые рынки России и ЕАЭС: пути развития в условиях макроэкономической нестабильности. Монография. М.: Ин-т проблем рынка РАН; 2016.

21. Телегина Е.А., Халова Г.О., Студеникина Л.А. Энергетическая интеграция в ЕАЭС: особенности и перспективы. М.: Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова; 2016.
22. Топилин А.В. Общий рынок труда и миграция: новые возможности в рамках ЕАЭС. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2015;(10):69–76.
23. Боженко В.В. и др. Влияние дифференциальной интеграции на потоки денежных переводов трудовых мигрантов в ЕАЭС и ЕС. *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2014;(5):102–107.
24. Буторина О. Особенности евразийской модели экономической интеграции. *Современная Европа*. 2016;(2):28–32.
25. Григорьев, Л.М., Павлюшина, В.А., Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России. *Мир новой экономики*. 2017; (3): 58–71.
26. Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. Григорьева Л.М., Зубаревич Н.В., Хасаева Г.Р., ред. М.: ТЕИС; 2011.
27. Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах. М.: Аналитический центр; 2014. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf>.

REFERENCES

1. Glaz'ev S. Yu., Chushkin V. I., Tkachuk S. P. The European Union and the Eurasian Economic Community: similarities and differences in the processes of integration. Moscow: ООО «VIKOR MEDIA; 2013. (In Russ.).
2. Suzdal'tsev A. I. Post-Soviet space: unity and diversity. *Rossiia i mir. Novaya epokha*. 2008;(12):384–410. (In Russ.).
3. Kosikova L. S. Integration projects of Russia in the post-Soviet space: ideas and practice. Moscow: RAN, Institut ekonomiki, Otdelenie mezhdunarodnykh ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy; 2008. (In Russ.).
4. Libman A. Economic integration in the post-Soviet space: institutional aspect. *Voprosy ekonomiki*. 2005;(3):142–156. (In Russ.).
5. Grigor'ev L., Kondrat'ev S., Salikhov M. Difficult way out of the transformational crisis. *Voprosy ekonomiki*. 2008;(10):77–95. (In Russ.).
6. Knobel' A. Eurasian Economic Union: development prospects and possible obstacles. *Voprosy ekonomiki*. 2015;(3):87–108. (In Russ.).
7. Krotov M. I., Muntiyani V. I. Eurasian Economic Union: history, features, prospects. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2015;11(83):33–47. (In Russ.).
8. Bykov A. N. Eurasian integration, its prospects and opportunities. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2014;(1):24–39. (In Russ.).
9. Batsaikhan U., Dabrowski M. Central Asia — twenty-five years after the breakup of the USSR. *Russian Journal of Economics*. 2017;3(3):296–320.
10. Zhang X., Li L., Gabuev A. Competition or coordination? The Eurasian Economic Union and China's one belt, one road initiative. *Russian Analytical Digest (RAD)*. 2016;183.
11. Dutkiewicz P., Sakwa R. and Lukyanov F., eds. Eurasia on the Edge: Managing Complexity. URL: <https://carleton.ca/eurus/wp-content/uploads/Eurasia-on-the-Edge.pdf>.
12. Vinokurov E. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. *Russian Journal of Economics*. 2017;3(1):54–70.
13. Galimov D. I. et al. Cross-sectoral effects of Russia's trade integration in the EAEU. *Voprosy ekonomiki*. 2017;(10):123–139. (In Russ.).
14. Lagutina M. L. The EU and the EAEU: problems and prospects of cooperation in the current geopolitical realities. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2015;11(83):124–136. (In Russ.).
15. Zeleneva I. V., Kontsova E. A. ASEAN and the Eurasian Economic Union: problems and prospects of cooperation. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2015;11(83):112–123. (In Russ.).
16. Skriba A. S. Pairing the EAEU and the Silk Road economic belt: the interests of the participants and the challenges of implementation. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 2016; 11(3):67–81. (In Russ.).

17. Lapenko M.V. The external outline of the EAEU: potential for expansion and search for optimal mechanisms of interaction. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016;16(1):71–76. (In Russ.).
18. Wolczuk K., Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power. Chatham House; 2017.
19. Tabakh A.V., Podrugina A.V. Supranational mega-regulation: foreign experience and prospects of the EAEU. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. 2015;(4):122–143. (In Russ.).
20. Loginov E.L., Bortalevich S.I. Oil and gas markets of Russia and EAEU: ways of development in the conditions of macroeconomic instability. Monographs. Moscow: Market Economy Institute of RAS; 2016. (In Russ.).
21. Telegina E.A., Khalova G.O., Studenikina L.A. Energy integration in the EAEU: features and prospects (pp. 72–79). Moscow: IMEMO RAS; 2016. (In Russ.).
22. Topilin A.V. A common labour market and migration: new opportunities in the framework of the EAEU. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2015;(10):69–76. (In Russ.).
23. Bozhenko V.V. et al. The impact of differential integration on the remittance flows of labor migrants in the EAEU and the EU. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*. 2014;(5):102–107. (In Russ.).
24. Butorina O. Features of the Eurasian model of economic integration. *Sovremennaya Evropa*. 2016;(2):28–32. (In Russ.).
25. Grigor'ev L.M., Pavlyushina V.A., Social inequality as a problem of Russia's economic strategy. *Mir novoi ekonomiki*. 2017;(3):58–71. (In Russ.).
26. Grigor'ev L.M., Urozhaeva Yu.V., Ivanov D.S. Synthetic classification of regions: the basis of regional policy. In Russian regions: economic crisis and modernisation problems. L.M. Grigor'ev, N.V. Zubarevich, G.R. Khasaev, eds. Moscow: TEIS; 2011. (In Russ.).
27. Golyashev A.V., Grigor'ev L.M. Types of Russian regions: Stability and shifts in 2003–2013. Moscow: Analiticheskii tsentr, 2014. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонид Маркович Григорьев — кандидат экономических наук, ординарный профессор, научный руководитель Департамента мировой экономики, НИУ ВШЭ; главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

lgrigor1@yandex.ru

Влада Владимировна Бриллиантова — научный сотрудник Управления научно-исследовательских работ, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

vladibri94@gmail.com

Виктория Александровна Павлюшина — стажер-исследователь Банковского института НИУ ВШЭ; заместитель начальника управления научно-исследовательских работ, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

pa_victoria@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Leonid M. Grigoriev — Cand. Sci. (Econ.), Professor, Head of the HSE Department of the World Economy; chief adviser to the Head of the Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

lgrigor1@yandex.ru

Vlada V. Brilliantova — research fellow, Department of research and development, Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

vladibri94@gmail.com

Viktoriya A. Pavlyushina — research intern at the HSE Banking Institute, Deputy head of the Research Department at the Analytical centre under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

pa_victoria@mail.ru

Прогнозирование инфляции: практика использования синтетических процедур

Е.В. Балацкий,

Финансовый университет, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

М.А. Юревич,

Финансовый университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0003-2986-4825>

АННОТАЦИЯ

В статье представлена общая типология моделей прогнозирования инфляции. Подробно рассмотрены однофакторные модели, включая модели случайного блуждания, прямой авторегрессии, рекурсивной авторегрессии, стохастической волатильности с ненаблюдаемой составляющей и интегрированные модели авторегрессии со скользящей средней. Помимо этого, обсуждаются возможности различных модификаций моделей на основе кривой Филлипса (включая «треугольную модель»), векторных авторегрессионных моделей (включая факторно-расширенную модель векторной авторегрессии Б. Бернанке), динамических моделей общего равновесия и нейронных сетей. Рассмотрены сравнительные преимущества указанных классов моделей, выявлен новый тренд в прогнозировании инфляции, состоящий во внедрении синтетических процедур учета частных прогнозов, полученных на основе разных типов моделей. Сделан важный вывод о превосходстве экспертных оценок по сравнению со всеми имеющимися моделями. Важным аспектом сравнения разных классов моделей является зависимость успешности их применения от таких факторов, как величина лагов для объясняющих регрессоров, величина горизонта планирования, тип экономики моделируемой страны и т.д. Авторами показано, что в условиях большого числа альтернативных способов моделирования инфляции выбор наиболее адекватного подхода в конкретных условиях (например, для российской экономики нынешнего периода времени) представляет собой нетривиальную процедуру. Опираясь на данный вывод, авторы обосновывают тезис, согласно которому большие прогностические возможности заложены в смешанных стратегиях использования разных методических подходов, когда на разных стадиях моделирования применяется разный модельный инструментарий, в частности многофакторная эконометрическая модель и искусственная нейронная сеть.

Ключевые слова: инфляция; индекс потребительских цен; центральный банк; динамические модели общего равновесия; нейронные сети

Для цитирования: Балацкий Е.В., Юревич М.А. Прогнозирование инфляции: практика использования синтетических процедур. *Мир новой экономики*. 2018;12(4):20-31. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-20-31

Inflation Forecasting: The Practice of Using Synthetic Procedures

E.V. Balatskiy,

Financial University, Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

M.A. Yurevich,

Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0003-2986-4825>

ABSTRACT

The article contains a review of inflation forecasting models, including the most popular class of models as one-factor models: random walk, direct autoregression, recursive autoregression, stochastic volatility with an unobserved component and of the integrated model of autoregression with moving average. Also, we discussed the possibilities of various modifications of models based on the Phillips curve (including the “triangle model”), vector autoregressive models (including the factor-extended model of B. Bernanke’s vector autoregression), dynamic general equilibrium models and neural networks. Further, we considered the comparative advantages of these classes of models. In particular, we revealed a new trend in inflation forecasting, which consists of the introduction of synthetic procedures for private forecasts accounting obtained

by different models. An important conclusion of the study is the superiority of expert assessments in comparison with all available models. We have shown that in the conditions of a large number of alternative methods of inflation modelling, the choice of the adequate approach in specific conditions (for example, for the Russian economy of the current period) is a non-trivial procedure. Based on this conclusion, the authors substantiate the thesis that large prognostic possibilities are inherent in the mixed strategies of using different methodological approaches, when implementing different modelling tools at different stages of modelling, in particular, the multifactorial econometric model and the artificial neural network.

Keywords: inflation; consumer price index; central bank; general equilibrium dynamic models; neural networks

For citation: Balatskiy E.V., Yurevich M.A. Inflation forecasting: The practice of using synthetic procedures. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):20-31. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-20-31

ВВЕДЕНИЕ

Уровень цен считается одним из ключевых показателей состояния экономики, а его прогнозирование — важнейшей задачей центральных банков и аналитических компаний. В этой области мировая научная мысль накопила существенный опыт, позволяющий применять широкий набор инструментов для предсказания динамики цен на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды. Существует не только множество конкурирующих формализованных моделей и вычислительных приемов, но и почти безграничный перечень индикаторов, продемонстрировавших свои предиктивные свойства по отношению к инфляции. Однозначное выдвижение лучшего способа прогнозирования динамики уровня цен едва ли осуществимо в силу того, что все модели в той или иной степени применимы к определенному состоянию или типу экономики и к ограниченному временному интервалу. Между тем, появление так называемых черных лебедей подрывает надежность, казалось бы, непревзойденных в плане объяснения и предсказания моделей, открывая возможности для разработки альтернативных подходов с учетом появления новых аналитических инструментов.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении возможностей наиболее популярных инструментов прогнозирования инфляции, выяснении их сравнительных недостатков и преимуществ, а также в выявлении нового тренда в использовании накопленного разнообразия методов предсказания будущих изменений цен. Кроме того, в статье будет в общих контурах сконструирована наиболее плодотворная синтетическая схема осуществления прикладных краткосрочных прогнозов инфляции.

ТИПОЛОГИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИНФЛЯЦИИ

Все многообразие подходов прогнозирования динамики уровня цен можно условно разделить на три обособленные группы: опросы; математические методы; моделирование с учетом экспертных оценок.

Систематические исследования инфляционных ожиданий стали проводиться в 70-х гг. XX в. и включали как опросы ученых и специалистов в области функционирования экономики [например, в США Опрос профессиональных прогнозистов (Survey of Professional Forecasters) или Экономические показатели Blue Chip (Blue Chip Economic Indicators)], так и исследования мнений рядовых субъектов экономической деятельности [ежемесячный опрос Университета Мичигана (University of Michigan: Inflation Expectation)] [1].

Вторую группу методов составляют математические модели, которые, в свою очередь, также подразделяются на две субгруппы: однофакторные и многофакторные. В первом случае помимо «трендирования» показателей инфляции (дефлятор ВВП, ИПЦ или т.д.) часто используется процедура Бокса-Дженкинса [интегрированная модель авторегрессии — скользящего среднего (ARIMA)], имеющая широкий функционал по учету лагированных значений оцениваемой величины. Многофакторные модели прогнозирования инфляции наравне с моделями, содержащими качественные переменные или экспертно устанавливаемые коэффициенты влияния, стали активно разрабатываться в конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого столетия [2]. Именно в рамках этих моделей было накоплено наибольшее количество различных приемов и технических инструментов построения прогнозов инфляции. К настоящему времени насчитывается порядка 20 типов таких моделей [3], среди которых выделяются:

- модели на основе Кривой Филлипса;
- векторные авторегрессионные модели (VAR);
- динамические модели общего равновесия (DSGE);
- нейронные сети.

Появление множества субклассов моделей прогнозирования инфляции в основном связано с применением ряда типовых математических приемов, повышающих точность предсказаний. К их числу относится использование показателя «разрыва» (gap) инфляции, который демонстрирует разницу между

Базовые модели анализа экономики, применяемые центральными банками / Central banks' basic models of economy analysis

Центральный банк	Основная модель
Федеральный резервный банк США	Новая кейнсианская DSGE модель «большой» открытой экономики
Европейский центральный банк	Новая кейнсианская DSGE модель «большой» открытой экономики
Банк Англии	Новая кейнсианская DSGE модель «малой» открытой экономики
Банк Швеции	DSGE модель «малой» открытой экономики
Банк Испании	Модели коррекции ошибок (прогноз инфляции выполняется моделью на основе кривой Филлипса)
Банк Дании	Модели коррекции ошибок
Банк Японии	Несколько моделей, основная – DSGE
Банк России	DSGE – модель «малой» открытой экономики (прогноз инфляции строится методом комбинирования прогнозов различных моделей)

Источник / Source: составлено по [5–8] / compiled according to [5–8].

равновесным и фактическим значением уровня цен. Этот прием получил особую популярность в рамках авторегрессионных моделей и моделей на основе кривой Филлипса [3]. Другим примером усиления предиктивной способности стандартных моделей выступает их калибровка на больших данных или объединение прогнозов, полученных различными способами. Вторая задача решается, в частности, при помощи равновзвешенного усреднения (Equal-weighted averaging), вычисления весов частных прогнозов, исходя из параметров качества моделей [например, среднеквадратичная ошибка прогноза (RMSPE)] или методом байесовского усреднения моделей, позволяющим отсеивать статистически значимые объясняющие переменные исходя из оценки большого числа спецификаций модели [4].

Что касается практического применения всего множества моделей, то здесь уже сформировалась генеральная линия, предполагающая использование процедур синтеза частных прогнозов, сделанных на базе моделей разного класса и типа. Например, центральные банки почти всех стран используют комбинацию различных инструментальных подходов (табл. 1), включая экспертные, после чего все прогнозы усредняются по одной из указанных выше схем.

Ниже мы более подробно рассмотрим недостатки и преимущества наиболее популярных классов моделей прогнозирования инфляции.

ОДНОФАКТОРНЫЕ МОДЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИНФЛЯЦИИ

Подобные модели демонстрируют свою пригодность в основном на краткосрочном временном интервале. Их главными достоинствами являются простота применения и легкость интерпретации полученных зависимостей. В качестве независимой переменной нередко используется уровень инфляции в предыдущих периодах, однако и другие регрессоры также отлично вписываются в такого рода модели (например, модель, основанная на канонической кривой Филлипса). К типовым однофакторным моделям относится целый ряд популярных моделей.

1. *Модели случайного блуждания (RW)*. RW-модели широко распространены в разных научных областях, что позволяет анализировать нестационарные процессы, лишенные цикличности или трендовой составляющей. При анализе инфляции зачастую используется вариация, предложенная Аткинсоном и Оханианом [9]:

$$\pi_{t+h} = \frac{1}{4} \sum_{i=1}^4 \pi_{t+1-i} + \varepsilon_{t+h}, \quad (1)$$

где π_t – величина инфляции в период t ; h – горизонт планирования; ε_{t+h} – случайная ошибка.

2. *Модели прямой авторегрессии (DAR)*. Данные модели выглядят следующим образом:

$$\pi_{t+h} = a + \sum_{i=1}^p b_i \times \pi_{t-i} + \varepsilon_{t+h}, \quad (2)$$

где π_t — величина инфляции в период t ; a, b — коэффициенты при переменных; h — горизонт планирования; ε_{t+h} — случайная ошибка.

3. *Модели рекурсивной авторегрессии (RAR)*. Модели этого типа имеют вид:

$$\pi_t = a + \sum_{i=1}^p b_i \times \pi_{t-i} + \varepsilon_t, \quad (3)$$

где π_t — величина инфляции в период t ; a, b — коэффициенты при переменных; ε_t — случайная ошибка.

Горизонт планирования, превышающий один временной интервал, достигается путем поэтапного проведения итераций с шагом в один период. Следует отметить, что модели DAR и RAR крайне редко используются в последние годы как в исследовательской, так и в практической сфере.

4. *Модели стохастической волатильности с ненаблюдаемой составляющей (UCSV)*. UCSV-модели имеют некоторое сходство с моделями случайного блуждания, но добавление случайной ненаблюдаемой переменной позволяет моделировать необъяснимые рыночные шоки. Высокие прогностические свойства подобной модели были, в частности, продемонстрированы на примере США [10].

5. *Интегрированные модели авторегрессии — скользящего среднего (ARIMA)*. Модель ARIMA (p, d, q) имеет вид:

$$(\Delta^d \pi_t) = a + \sum_{i=1}^p b_i \times \Delta^d \pi_{t-i} + \sum_{j=1}^q c_j \times \Delta^d \varepsilon_{t-j} + \varepsilon_t, \quad (4)$$

где p — порядок авторегрессии; q — порядок скользящего среднего; d — порядок разности; π_t — величина инфляции в период t ; a, b, c — коэффициенты при переменных; ε_t — случайная ошибка.

Модели ARIMA широко применяются в экономическом анализе, в том числе и для прогнозирования инфляции. В частности, с конца 2003 г. сотрудниками Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара раз в месяц публикуются прогнозы около 50 российских макроэкономических показателей, получаемые при помощи модели ARIMA [8].

МОДЕЛИ НА ОСНОВЕ КРИВОЙ ФИЛЛИПСА

Идея о связи между инфляцией и уровнем безработицы была высказана Филлипсом еще в 1957 г. Спустя десятилетие Фридман и Фелпс обнаружили,

что в долгосрочном периоде эта взаимосвязь нестабильна, так как экономические агенты обладают инфляционными ожиданиями, которые и оказывают решающее воздействие на процесс принятия решений. С учетом этой критики была разработана так называемая треугольная модель [11], в которой темпы инфляции задаются тремя переменными: уровнем безработицы, шоками издержек и прошлыми значениями инфляции.

$$\pi_t = a + b\pi_{t-L} + cu_{t-L} + dz_{t-L} + \varepsilon_t, \quad (5)$$

где π_t — величина инфляции в период t ; a, b, c, d — коэффициенты при переменных; u_t — уровень безработицы; z_t — переменная, характеризующая шок предложения; L — величина лага; ε_t — случайная ошибка.

Модель успешно прошла апробацию на данных США — инфляция была выражена динамикой цен на продовольственные продукты и энергоресурсы, а шоки издержек представлялись в виде динамики средних импортных цен [12]. Кроме того, в модель были введены фиктивные переменные, характеризующие меры государственной политики по регулированию уровня заработных плат.

Другим направлением доработки кривой Филлипса является введение предпосылки о некотором постоянном уровне безработицы, которая не ускоряет инфляцию (NAIRU). Как следует из названия концепции, при отклонении от равновесного или естественного уровня безработицы инфляция либо ускоряется, либо замедляется. Главной проблемой является определение этого естественного уровня и его изменений в долгосрочном периоде. До 1990-х гг. модель NAIRU пользовалась большим спросом, но для США стали проявляться демографические и технологические шоки, не позволяющие эффективно применять эту концепцию без существенных математических доработок [13].

В рамках новой кейнсианской модели экономики кривая Филлипса была дополнена отклонением средних предельных издержек производства от их равновесного уровня. Это нововведение строилось на гипотезе о большой рыночной власти фирм-монополистов, которые скорее не воспринимают изменения уровня цен как нечто заданное, а выступают агентами, непосредственно устанавливающими эти цены [14].

Еще одним дополнительным фактором, повысившим предиктивную точность моделей на основе кривой Филлипса, стал способ «открытия» экономики. Так, инфляция, помимо всех указанных ранее переменных, объяснялась еще и динамикой обменного

курса валют, инфляцией в странах-партнерах в сфере торговли и другими параметрами [15]. В частности, подобная модель была построена для Великобритании, что позволило установить равнозначный вклад в формирование будущих значений инфляции факторов безработицы и средних импортных цен, которые преимущественно зависели от реальных мировых цен на нефть [16]. Для стран Еврозоны (в целом и отдельно для 9 государств) модель с «открытой» экономикой, выраженной стоимостью импортных промежуточных товаров, оказалась точнее по сравнению с ее стандартной спецификацией [17].

Что касается применения кривой Филлипса для моделирования инфляционных процессов в России, то отечественным экономистам также удалось накопить существенный опыт в этом вопросе. И хотя в ряде работ [например, 18, 19], посвященных обнаружению отрицательной зависимости инфляции от безработицы в 1990-х и 2000-х гг., были получены выводы о ценообразовании в России, отрицающие гипотезу Филлипса и его последователей, в дальнейших исследованиях искомую связь все-таки удалось идентифицировать. Так, была обнаружена статистически значимая зависимость индекса потребительских цен (ИПЦ) от уровня безработицы, инфляционных ожиданий, цены на нефть и обменного курса рубля для 2003–2007 гг. [20] Более того, по месячным данным за период с 1999 по 2013 г. была обнаружена зависимость текущего значения ИПЦ как от прошлых значений, так и от будущих, т.е. от инфляционных ожиданий. В данной модели вместо безработицы был использован «разрыв» ВВП [21], что соответствует зарубежной практике. Нельзя не отметить и тот факт, что в данных работах цель построения прогнозов инфляции в России как таковая не ставилась, так как акцент делался именно на обнаружение традиционных взаимосвязей, однако включение в модель лагированных значений переменных автоматически открывает широкие прогностические возможности построенных моделей.

В последние десятилетия связь между инфляцией и безработицей все активнее ставится под вопрос. С одной стороны, утверждается, что возросшая конкуренция, в том числе глобальная, не позволяет фирмам повышать цены, а работникам требовать более высоких заработных плат в ответ на рост внутреннего спроса. С другой стороны, центральные банки существенно расширили свои возможности по управлению инфляцией, манипулируя инфляционными ожиданиями населения и компаний, что привело к меньшей чувствительности среднего уровня цен в экономике к колебаниям рыночной конъюнктуры

[22]. Тем не менее, несмотря на обширную критику кривой Филлипса, данная концепция с существенными модификациями по-прежнему активно применяется при моделировании инфляционных процессов, хотя на уровне поддержки принятия управленческих решений уже не столь широко.

ВЕКТОРНЫЕ АВТОРЕГРЕССИОННЫЕ МОДЕЛИ

Модели векторной авторегрессии стали доминирующими в эмпирическом анализе монетарной политики, начиная с работы Симса [23] 1992 г., в которой экономика была представлена в виде системы одновременных уравнений. В исследуемую выборку было включено 5 стран (США, Великобритания, Германия, Франция и Япония) и 6 переменных (процентная ставка, денежный агрегат M1, ИПЦ, индекс промышленного производства, обменный курс национальной валюты и индекс оптовых цен). В общем виде модели VAR записываются:

$$\begin{cases} Y_{1t} = a_1 + b_1 Y_{1t-1} + c_1 Y_{2t-1} + d_1 X_{1t-1} + e_1 X_{2t-1} + \varepsilon_{1t} \\ Y_{2t} = a_2 + b_2 Y_{1t-1} + c_2 Y_{2t-1} + d_2 X_{1t-1} + e_2 X_{2t-1} + \varepsilon_{2t} \end{cases} \quad (6)$$

где Y_{1t}, Y_{2t} — эндогенные переменные; X_{1t}, X_{2t} — экзогенные переменные; a, b, c, d, e — коэффициенты при переменных; $\varepsilon_{1t}, \varepsilon_{2t}$ — случайные ошибки.

Один из главных выводов, полученных на основе приведенной модели, заключается в постоянном и стремительном увеличении уровня цен в экономике при повышении процентной ставки (т.е. из-за шока со стороны монетарной политики). Это явление получило название «парадокс цен» и самим Симсом объяснялось присутствием некоторого скрытого эндогенного фактора, выражающегося в изменении ставки процента как реакции регулятора на экономическую ситуацию.

Другим известным идеологом VAR-моделей прогнозирования инфляции является экс-глава ФРС США Б. Бернанке. Им была предложена факторно-расширенная модель векторной авторегрессии (FAVAR) [24], позволяющая учитывать динамику не только основных переменных, но и их главных компонент. Это нововведение позволило нивелировать эффект «парадокса цен», поскольку компоненты, состоящие из линейной комбинации объясняющих переменных, имеют возможность фиксировать импульсные отклики на шоки любой переменной, входящей в состав фактора. Также метод главных компонент позволил рассмотреть порядка 120 переменных, объединенных в группы: выпуск и доход; занятость; потребление; разрешения на строительство и продажу недвижимости; запасы

и ордера (заказы); фондовые индексы; обменные курсы; процентные ставки; денежные и кредитные агрегаты; индексы цен; средняя заработная плата.

Свое дальнейшее развитие векторные авторегрессионные модели получили в виде увеличения масштаба анализа — путем перехода к глобальным VAR-моделям (GVAR). Такие модели строятся в два этапа: во-первых, определяются зависимости между переменными в рамках каждой из обследуемых стран; во-вторых, страновые VAR-модели объединяются в единую систему с учетом взаимного влияния каждой из стран. Этот прием был использован, в частности, для стран Еврзоны [25]. Одним из непосредственных результатов такого подхода стало доказательство реакции уровня цен в европейских странах на шоки монетарной политики в США.

Основной сферой применения VAR-моделей и их спецификаций [к примеру, для больших данных — байесовская дополненная факторами векторная авторегрессия (BFAVAR)] стало моделирование действий центральных банков для вычисления реакции на них основных экономических индикаторов. В частности, имитация «шоков» выступала важным подспорьем для принятия решения об изменении ключевой ставки или ее аналогов. В то же время VAR-модели позволили обнаружить ряд парадоксов, которые были разрешены в процессе эволюции и усложнения самих моделей. Так, упомянутый «парадокс цен» был обнаружен в России при использовании стандартной модели векторной авторегрессии, но применение метода главных компонент эту гипотезу опровергло [26].

Преимуществом и одновременно недостатком VAR-моделей принято считать отсутствие каких-либо ограничений со стороны экономической теории в части взаимозависимостей переменных [27]. С практической точки зрения высокий уровень точности прогнозирования, очевидно, куда более важен по сравнению с беспрекословным соблюдением догматов экономической теории, что и объясняет высокую востребованность VAR-моделей, особенно в байесовской спецификации, среди сотрудников органов государственного регулирования.

ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБЩЕГО РАВНОВЕСИЯ

С точки зрения учета максимально возможного числа объясняющих переменных динамические модели общего равновесия (DSGE) не имеют себе равных. Обратной стороной медали является высокая сложность их построения из-за трудоемкости сбора исходных данных и определения систем взаимосвя-

зи используемых индикаторов. Вместе с тем результатами симуляций становятся прогнозы не одной-единственной переменной, а всей моделируемой экономики.

Среди первых попыток описания «малых» экономик при помощи DSGE-моделей выделяются работы Фюрера [28] и Дель Негро совместно с Шорфайдом [29]. В обоих исследованиях фигурировали всего три наблюдаемых переменных: совокупный выпуск, уровень инфляции и ставка процента.

Прорывные DSGE-модели «средних» экономик, включающие уровень цен, были представлены в работах Сметса и Воутерса [30, 31]. В их более ранней статье была смоделирована экономика Еврзоны с учетом экономической деятельности домохозяйств, фирм и влияния технологий. Помимо среднего уровня цен, в качестве эндогенных переменных экономики фигурировали: совокупный выпуск, объемы потребления и инвестиций, уровень заработной платы, фонд рабочего времени и ставка процента. В сравнении с VAR-моделями DSGE-модель показала высокую точность. В исследовании, посвященном американской экономике, использовался почти идентичный подход за исключением нескольких технических изменений. Полученные результаты также продемонстрировали превосходство DSGE-модели над разновидностями VAR-моделей.

DSGE-модель «большой» экономики была создана сотрудниками Федеральной резервной системы США [32]. Усложнение модели выразилось в разделении совокупного потребления на потребление товаров кратковременного использования и услуг и потребление товаров длительного пользования; инфляции — по той же схеме; совокупных инвестиций — на инвестиции домохозяйств и бизнеса. Как было показано в работе, увеличение числа наблюдаемых переменных способствовало росту точности прогнозирования всей моделируемой системы.

Любопытные оценки качества упомянутых DSGE-моделей были получены при сопоставлении их точности прогнозирования не только с VAR-моделями, но и с экспертными оценками [33]. Если VAR-модели проигрывали как каждой из DSGE-моделей в отдельности, так и усредненному прогнозу, то прогнозы, опубликованные в Зеленой книге ФРС США, также оказались ближе к реальным значениям.

Дальнейшее развитие DSGE-моделей происходило в русле их усложнения, т.е. добавления наблюдаемых переменных, «открытия» экономики, внедрения более изощренных математических приемов описания связей между параметрами. Модели такого класса

уже стоят на вооружении центральных банков в разных странах помимо США (например, в Европейском центральном банке, центральных банках Канады, Швеции, Чехии, Швейцарии, а также в Международном валютном фонде) [34] и выступают в качестве рабочего инструмента прогнозирования динамики уровня цен. Вместе с тем динамические модели общего равновесия подвергаются серьезной критике, которая в конечном счете сводится к неспособности предсказания финансовых кризисов.

НЕЙРОННЫЕ СЕТИ

Нелинейность взаимосвязей между зависимыми и независимыми переменными не позволяет определить оптимальную форму модели. В последние годы эти проблемы стали решаться путем построения искусственных нейронных сетей, которые хоть и не имеют четкой аналитической формы, но характеризуются более точными предикативными возможностями.

Одной из первых работ в этой области стало прогнозирование месячных цен на живой скот и пшеницу в 1995 г. [35] Индекс потребительских цен предсказывался в США в 1999 г. [36] — нейросеть оказалась точнее регрессионных моделей. Превосходство нейронных сетей над моделями ARIMA и VAR было продемонстрировано на примере инфляции в Еврозоне [37]. Исследования в данной сфере охватили как инфляцию в глобальной экономике (например, прогноз инфляции в странах ОЭСР [38]), так и флуктуации уровня цен в отдельных странах (Индия [39], Пакистан [40], Турция [41] и др.).

Отечественная научная мысль также не осталась в стороне от нового начинания. В 2005 г. было опубликовано исследование, посвященное построению нейросети месячной инфляции в РФ за 2003–2004 гг. [42] В качестве зависимых переменных рассматривались ИПЦ на продовольственные товары, ИПЦ на непродовольственные товары и ИПЦ на потребительские услуги, а в качестве объясняющей — индекс цен производителей с лагами от 0 до 12 месяцев. Более широкий период (с 1991 по 2008 г.) динамики инфляции в России был интегрирован в нейронную сеть с предпосылкой о зависимости текущего значения уровня цен от аналогичного показателя в каждом из предшествующих 12 месяцев [43]. Приемлемые ошибки получились при построении сетей для отдельных периодов, которые авторы работы классифицировали как «интервалы действия определенных экономических тенденций». Достаточно точные прогнозы помесечного изменения ИПЦ были достигнуты при

учете более широкого перечня факторов: индексов цен производителей различных групп товаров, индекса тарифов на грузовые перевозки, сводного индекса цен строительной продукции, ВВП и денежной массы (периода анализа: с 2000 по 2010 г.) [44]. Уровень безработицы и валютный курс также оказались качественными предикторами инфляции в России [45]: модель, основанная на учете только прошлых значений уровня инфляции, дала менее адекватные результаты. Кроме того, в рамках указанной работы поквартальное прогнозирование изменения уровня цен дало более точные результаты по сравнению с прогнозными расчетами месячных колебаний.

Модели прогнозирования инфляции на основе искусственных нейронных сетей в подавляющем большинстве исследований оцениваются с точки зрения точности самих прогнозов и в сравнении с регрессионными моделями. К сожалению, высокой точности предсказания месячной инфляции добиться почти не удается, зато превосходство над регрессионными моделями, которые также не преуспели в этом деле, демонстрируется в краткосрочном и особенно в долгосрочном периодах. Хотя нейросети пока не стали надежным и широко распространенным инструментом прогнозирования инфляции и поддержки принятия мер монетарной политики, но потенциал у этого направления крайне высок.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЧЕСТВА МОДЕЛЕЙ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИНФЛЯЦИИ

В современных разработках в качестве основного критерия качества предлагаемых подходов выступает более высокая точность по сравнению с разработанными ранее моделями. Причем иногда авторы используют уже готовую конфигурацию и расчетные оценки, а иногда — применяют «чужую» модель на собственной выборке. Итогом такой процедуры становится демонстрация превосходства авторской разработки над целым набором альтернативных подходов, причем зачастую с огромным отрывом. Однако в этом приеме скрыто определенное лукавство. Дело в том, что новые модели, выбираемые для сравнения, служат эталоном для разрабатываемого подхода, т.е. новая модель улучшается до тех пор, пока не превзойдет предыдущие. На этом фоне калибровка новых данных к уже известной схеме либо вообще не проводится, либо не отличается особым усердием. Таким образом, интерпретировать сравнительные преимущества предлагаемых моделей следует не в русле принципиальной смены парадиг-

Таблица 2 / Table 2

Сравнение моделей прогнозирования инфляции / Comparison of inflation forecasting models

Название модели	Обозначение	Авторское исследование		
		Faust, Wright (2009)	Faust, Wright (2011)	Duncan, Martinez-Garcia (2018)
Random Walk	RW	+	+	+
Recursive autoregression	RAR	+	+	+
Direct autoregression	DAR	+	+	+
Phillips-curve-motivated forecast	PC	-	+	-
Unobserved component stochastic volatility model	UCSV	+	+	-
Phillips curve forecast in gap form with a time-varying NAIRU	PCTVN-GAP	-	+	-
Equal-weighted averaging	EWA	+	+	-
Bayesian model averaging	BMA	+	+	-
Factor-Augmented AR	FAR	+	-	+
Factor augmented vector autoregression	FAV	+	-	-
Term Structure VAR	TSVAR	-	+	-
Integrated factor augmented VAR	IFV	+	-	-
Dynamic factor model	DF	+	-	
Augmented Phillips Curve	APC	-	-	+
Dynamic Stochastic General Equilibrium	DSGE	-	+	-
Экспертный показатель		The Fed's Greenbook forecast	1. Blue Chip survey 2. Survey of Professional Forecasters 3. The Fed's Greenbook forecast	-
Основная исходная выборка		США, с 1960 по 2000 г.	США, с 1960 по 2010 г.	14 стран с развивающейся экономикой, с 1980 по 2016 г.

Источник / Source: составлено по [3, 46, 47] / compiled according to [3, 46, 47].

мы, а в более взвешенной конвенциональной формулировке: предложенная новая модель способна дать лучшие объясняющие или предиктивные свойства по сравнению с имеющимися аналогами на исследуемой выборке и при определенном наборе объясняющих переменных.

Однако в зарубежной научной литературе есть несколько работ, содержащих, по всей видимости, непредвзятое компаративное исследование различных моделей прогнозирования инфляции. Главное условие объективности — отсутствие собственной модели, достоинства которой раскрываются и доказываются

по ходу изложения материала. В настоящее время можно говорить о трех фундированных компаративных исследованиях, которые охватывают почти все разнообразие имеющегося модельного инструментария, включая экспертные оценки и статистические базы данных [3, 46, 47]. В табл. 2 представлен набор моделей, попавших в зону сравнительного анализа (обозначены плюсом).

В работе Фауста и Райта 2009 г. ключевым выводом, полученным по итогам сопоставления моделей, стало превосходство экспертных оценок по сравнению со всеми моделями. Среди количественных методов

большую точность продемонстрировали многофакторные модели. В связи с тем, что в статье рассматривались различные лаги для объясняющих регрессоров и различные горизонты планирования, выделить одну или две лучшие модели проблематично, тем не менее сами авторы отдают предпочтение байесовскому усреднению моделей и интегрированной факторно-расширенной модели векторной авторегрессии.

В более масштабном исследовании 2011 г. экспертные прогнозы вновь оказались самыми точными. Наименее адекватные прогнозы были получены по моделям прямой и рекурсивной авторегрессии, а также на основе кривой Филлипса. В рамках нескольких итераций методы усреднения моделей и VAR-модель оказались даже точнее экспертных данных. Кроме того, модель стохастической волатильности с ненаблюдаемой составляющей показала достойные результаты, если сравнивать ошибку по всем вариантам построения прогноза. DSGE-модель также получила достаточно высокую оценку, хотя точность прогноза, эквивалентная экспертному мнению, была достигнута только на одном горизонте планирования из шести смоделированных.

Экспертные оценки не были включены в перечень оцениваемых подходов прогнозирования инфляции в статье Дункана и Мартинеза-Гарсии, поскольку исследование было выполнено для 14 стран с развивающейся экономикой. По каждому из четырех протестированных горизонтов планирования наименьшую ошибку продемонстрировала модель случайного блуждания. Хотя по отдельным странам и с отдельно взятыми горизонтами планирования другие модели показывали лучшие результаты (даже модели прямой авторегрессии), в целом превосходство RW-модели получилось безоговорочным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное сравнение существующей практики прогнозирования инфляции позволяет сделать ряд принципиальных выводов.

Во-первых, деятельность по прогнозированию инфляции органично связана с процедурой *выбора* конкретного и наиболее подходящего инструментария. Накопленный к настоящему времени огромный арсенал методов и моделей предоставляет исследователю широкий набор альтернативных решений.

Во-вторых, сам акт выбора представляет собой *нетривиальную процедуру*, так как все преимущества имеющихся подходов имеют *контекстный* характер, т.е. принципиально зависят от количественной выборки, которая, в свою очередь, зависит от конкретного

типа изучаемых стран, временных периодов анализа, наборов и спецификации переменных конструируемых моделей.

В-третьих, все современные прогнозы представляют собой *агрегирование* частных прогнозов, полученных с помощью разных инструментариев. Иными словами, вместо *монопрогнозов*, основанных на применении одного подхода, формируются *полипрогнозы*, учитывающие множество разных подходов. Такая практика связана с тем обстоятельством, что преимущества всех методов являются не абсолютными, а относительными (зависящими от конкретных статистических данных), в связи с чем и сами преимущества носят крайне *неустойчивый* характер. Попытки повысить устойчивость успеха подготавливаемых прогнозов требуют комбинирования и объединения потенциала разных инструментариев.

Последний указанный аспект требует особого комментария. Дело в том, что пока практика применения различных подходов осуществляется исключительно посредством применения «чистых» инструментальных подходов с последующим «сжатием» полученных прогнозных сценариев. Иными словами, разные способы моделирования осуществляются в автономном режиме, а дополнительная вычислительная процедура применяется уже только к подготовленным на их основе прогнозам. Вместе с тем во многом недоиспользованным остается потенциал построения «смешанных» моделей, когда разные виды прогнозного инструментария используются совместно, как правило, последовательно, на разных стадиях прогнозирования. Например, было бы целесообразно апробировать вариант моделирования, когда годовые темпы инфляции прогнозируются с помощью DSGE-модели, а калибровка месячного ИПЦ внутри года осуществляется с помощью VAR-модели. Авторами данной статьи был апробирован другой перспективный подход: построение многофакторной эконометрической модели инфляции на базе месячной разбивки с последующей калибровкой прогнозных значений с помощью нейронной сети. При такой комбинации методов достигается двойной результат — обеспечивается теоретическая канва в понимании и объяснении явления на фоне требуемой высокой точности прогноза.

На наш взгляд, в ближайшее время можно ожидать прогнозирования инфляции, равно как и других экономических явлений, на основе синтетических модельных процедур — в рамках чистых либо смешанных модельных стратегий. Потенциал второго типа синтетического моделирования представляется наиболее перспективным.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2018 г. (тема «Методика оценки влияния немонетарных факторов на динамику инфляции», шифр АААА-А18-118052490081-5).

FUNDING

The article was prepared in the framework of the state task of the Government of the Russian Federation to the Financial University for 2018 (topic “Methods of assessing the impact of non-monetary factors on the dynamics of inflation”, code AAA-A18-118052490081-5).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Lahiri K., Zhao Y. Determinants of consumer sentiment over business cycles: Evidence from the US surveys of consumers. *Journal of Business Cycle Research*. 2016;12(2):187–215.
2. Behraves N. Forecasting inflation: does the method make a difference. *Business Review*. 1976. September:9–17.
3. Faust J., Wright J.H. Forecasting inflation. *Handbook of economic forecasting*. 2013;2:2–56.
4. Wright J.H. Forecasting US inflation by Bayesian model averaging. *Journal of Forecasting*. 2009;28(2):131–144.
5. Dou W., Lo A., Muley A., Uhlig H. Macroeconomic models for monetary policy: a critical review from a finance perspective. 2017. SSRN working paper. URL: <https://ssrn.com/abstract=2899842>.
6. Hjelm G. et al. Appropriate macroeconomic model support for the ministry of finance and the national institute of economic research: a pilot study. 2015. National Institute of Economic Research working paper. URL: <https://ideas.repec.org/p/hhs/nierwp/0137.html>.
7. Андреев А. Прогнозирование инфляции методом комбинирования прогнозов в Банке России. Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях. 2016;(14):2–11.
Andreev A. Inflation forecasting in the Bank of Russia by combining forecasts. Bank of Russia. A series of reports on economic research. 2016;(14):2–11. (In Russ.).
8. Турунцева М.Ю., Астафьева Е.В., Петренко В.Д. Прогнозирование инфляции: эмпирика и реальность. *Экономика. Налоги. Право*. 2014;(1):53–57.
Turuntseva M. Yu., Astaf'eva E.V., Petrenko V.D. Inflation forecasting: empirics and reality. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2014;(1):53–57. (In Russ.).
9. Atkeson A. et al. Are Phillips curves useful for forecasting inflation? *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review*. 2001;25(1):2–11.
10. Stock J.H., Watson M.W. Why has US inflation become harder to forecast? *Journal of Money, Credit and banking*. 2007;39:3–33.
11. Gordon R. Inflation, Flexible Exchange Rates, and the Natural Rate of Unemployment. In *Workers, jobs and inflation*. Baily M., ed. Washington: Brookings; 1982:88–152.
12. Gordon R.U.S. Inflation, labor's share and the natural rate of unemployment. In *Economics of Wage Determination*. Konig H., ed. Berlin: Springer-Verlag; 1990. 373 p.
13. Ball L., Mankiw N.G. The NAIRU in theory and practice. *Journal of Economic Perspectives*. 2002;16(4):115–136.
14. Calvo G.A. Staggered prices in a utility-maximizing framework. *Journal of Monetary Economics*. 1983;12(3):383–398.
15. Razin A., Yuen C.W. The 'New Keynesian' Phillips curve: closed economy versus open economy. *Economics Letters*. 2002;75(1):1–9.
16. Batini N., Jackson B., Nickell S. An open-economy new Keynesian Phillips curve for the UK. *Journal of Monetary Economics*. 2005;52(6):1061–1071.
17. Rumler F. Estimates of the open economy New Keynesian Phillips curve for euro area countries. *Open Economies Review*. 2007;18(4):427–451.
18. Мухин Д.А. Краткосрочная кривая Филлипса и инфляционные процессы в России. *Экономика и математические методы*. 2010;46(2):118–130.
Mukhin D.A. Short-term Phillips curve and inflation processes in Russia. *Ekonomika i matematicheskie metody*. 2010;46(2):118–130. (In Russ.).
19. Сергушкина Л., Кривая А. Филлипса в переходной экономике России. Научная сессия МИФИ: сборник научных трудов. 2006;(6):168–169.

- Sergushkina L. Phillips' curve in the transition economy of Russia. *Nauchnaya sessiya MIFI: sbornik nauchnykh trudov*. 2006;(6):168–169. (In Russ.).
20. Гафаров Б. Н. Кривая Филлипса и становление рынка труда в России. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2011;15(2):155–176.
Gafarov B. N. Phillips curve and the formation of the labour market in Russia. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2011;15(2):155–176. (In Russ.).
21. Соколова А. В. Инфляционные ожидания и кривая Филлипса: оценка на российских данных. *Деньги и кредит*. 2014;(11):61–67.
Sokolova A. V. Inflation expectations and the Phillips curve: estimation for Russian data. *Den'gi i kredit*. 2014;(11):61–67. (In Russ.).
22. The Economist. The Phillips curve may be broken for good. 2017. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2017/11/01/the-phillips-curve-may-be-broken-for-good>.
23. Sims C. A. Interpreting the macroeconomic time series facts: The effects of monetary policy. *European Economic Review*. 1992;36(5):975–1000.
24. Bernanke B. S., Boivin J., Elias P. Measuring the effects of monetary policy: a factor-augmented vector autoregressive (FAVAR) approach. *The Quarterly Journal of Economics*. 2005;120(1):387–422.
25. Dees S. et al. Exploring the international linkages of the euro area: A global VAR analysis. *Journal of Applied Econometrics*. 2007;22(1):1–38.
26. Шестаков Д. Е. Канал издержек денежно-кредитной трансмиссии в российской экономике. *Деньги и кредит*. 2017;(9):38–47.
Shestakov D. E. The cost channel of monetary transmission in the Russian economy. *Den'gi i kredit*. 2017;(9):38–47. (In Russ.).
27. Моисеев С. Р. Аналитика центральных банков: обзор эконометрических моделей. *Финансы и кредит*. 2000;(11):119–124.
Moiseev S. R. Analyst of central banks: A review of econometric models. *Finansy i kredit*. 2000;(11):119–124.
28. Fuhrer J. C. Inflation/output variance trade-offs and optimal monetary policy. *Journal of Money, Credit, and Banking*. 1997;29(2):214–234.
29. Del Negro M., Schorfheide F. Priors from general equilibrium models for VARs. *International Economic Review*. 2004;45(2):643–673.
30. Smets F., Wouters R. An estimated dynamic stochastic general equilibrium model of the euro area. *Journal of the European Economic Association*. 2003;1(5):1123–1175.
31. Smets F., Wouters R. Shocks and frictions in US business cycles: A Bayesian DSGE approach. *American Economic Review*. 2007;97(3):586–606.
32. Edge R. M., Kiley M. T., Laforte J. P. Natural rate measures in an estimated DSGE model of the US economy. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2008;32(8):2512–2535.
33. Wolters M. H. Evaluating point and density forecasts of DSGE models. *Journal of Applied Econometrics*. 2015;30(1):74–96.
34. Christiano L. J., Eichenbaum M. S., Trabandt M. On DSGE models. *Journal of Economic Perspectives*. 2018;32(3):113–140.
35. Kohzadi N., Boyd M. S. Testing for chaos and nonlinear dynamics in cattle prices. *Canadian Journal of Agricultural Economics*. 1995;43(3):475–484.
36. Aiken M. Using a neural network to forecast inflation. *Industrial Management & Data Systems*. 1999;99(7):296–301.
37. Binner J. M. et al. A comparison of linear forecasting models and neural networks: An application to Euro inflation and Euro Divisia. *Applied Economics*. 2005;37(6):665–680.
38. Choudhary M. A., Haider A. Neural network models for inflation forecasting: an appraisal. *Applied Economics*. 2012;44(20):2631–2635.
39. Thakur G. S. M., Bhattacharyya R., Mondal S. S. Artificial neural network based model for forecasting of inflation in India. *Fuzzy Information and Engineering*. 2016;8(1):87–100.
40. Haider A., Hanif M. N. Inflation forecasting in Pakistan using artificial neural networks. *Pakistan Economic and Social Review*. 2009:123–138.

41. Catik A.N., Karaçuka M.A comparative analysis of alternative univariate time series models in forecasting Turkish inflation. *Journal of Business Economics and Management*. 2012;13(2):275–293.
42. Зарова Е.В., Заров И.К. Нейронные сети как средство моделирования и прогнозирования инфляционных процессов. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Физико-математические науки*. 2005;(34):182–186.
Zarova E.V., Zarov I.K. Neural networks as a means of modelling and forecasting inflation processes. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya Fiziko-matematicheskije nauki*. 2005;(34):182–186. (In Russ.).
43. Коваленко А.В., Уртенев М.Х. Нейросетевое моделирование инфляции в России. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2010;(61):278–297.
Kovalenko A.V., Urtenov M. Kh. Neural network modelling of inflation in Russia. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2010;(61):278–297.
44. Огородов А.П. Учет влияния ряда факторов при прогнозировании инфляционных процессов на базе нейронных сетей. *Электроника и информационные технологии*. 2011;(1). URL: fetmag.mrsu.ru/2011-1/pdf/Forecasting_Of_Inflationary.pdf.
Ogorodov A.P. Accounting for the influence of some factors in forecasting inflation processes by neural networks. *Elektronika i informatsionnye tekhnologii*. 2011;(1). URL: fetmag.mrsu.ru/2011-1/pdf/Forecasting_Of_Inflationary.pdf.
45. Горшкова Т., Синельникова Е. Сравнительный анализ прогнозных свойств моделей российской инфляции. *Научный вестник ИЭП им. Гайдара*. 2016;(6):34–41.
Gorshkova T., Sinel'nikova E. A comparative analysis of the forecasting properties of models of the Russian inflation. *Nauchnyi vestnik IEP im. Gaidara*. 2016;(6):34–41.
46. Faust J., Wright J.H. Comparing Greenbook and reduced form forecasts using a large real-time dataset. *Journal of Business & Economic Statistics*. 2009;27(4):468–479.
47. Duncan R., Martínez-García E. New Perspectives on Forecasting Inflation in Emerging Market Economies: An Empirical Assessment. Federal Reserve Bank of Dallas. Globalization and Monetary Policy Institute. Working Paper No. 338. 2018. URL: <https://www.dallasfed.org/~media/documents/institute/wpapers/2018/0338.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Всеволодович Балацкий — доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет; главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия
evbalatsky@inbox.ru

Максим Андреевич Юревич — младший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия
maksjuve@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy V. Balatskiy — Doctor of Economics, Professor, Head of Macroeconomic Regulation Center, Financial University; Principal Research Scientist at Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
evbalatsky@inbox.ru

Maksim A. Yurevich — Junior Research Fellow of Macroeconomic Regulation Center, Financial University, Moscow, Russia

Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации

З.В. Басаев,

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5805-5990>

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ глобальных тенденций и процессов трансформации российской экономики, связанных с усиливающейся цифровизацией. Показаны современные проявления данной трансформации и раскрыты последствия цифровизации мировой экономики, среди которых снижение транзакционных издержек, возникновение новых бизнес-моделей, исключение посредников за счет прямого взаимодействия между потребителем и поставщиком. Автор отмечает отсутствие общепризнанного научного определения цифровой экономики как в России, так и за рубежом. Отдельно проанализирована история возникновения данного понятия, подробно раскрыты современные подходы к определению термина. Автор делает вывод о том, что большинство экспертов рассматривают цифровую экономику как часть социально-экономических отношений или особый вид экономической деятельности, в основе которого стоят новые методы обработки, хранения и передачи данных. В статье представлены особенности формирования отечественной цифровой экономики, выявлены проблемы и возможные направления использования цифровых технологий, способствующих сокращению технологического отставания в России.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровизация; цифровая трансформация; цифровые технологии; национальная технологическая инициатива; экономика данных

Для цитирования: Басаев З.В. Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации. *Мир новой экономики*. 2018;12(4):32-38. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-32-38

The Digitalisation of the Economy: Russia in the Context of Global Transformation

Z.V. Basaev,

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5805-5990>

ABSTRACT

The article deals with the analysis of global trends and processes of transformation of the Russian economy associated with the increasing digitalisation. The author showed the modern manifestations of this transformation and revealed the consequences of digitalisation of the world economy, including the reduction of transaction costs, the emergence of new business models, the exclusion of intermediaries due to direct interaction between the consumer and the supplier. The author notes the absence of a generally accepted scientific definition of the digital economy both in Russia and abroad, separately analyses the history of this concept, reveals in detail the modern approaches to the definition of the term. The author concluded that most experts consider the digital economy as part of the socio-economic relations or a special kind of economic activity, based on new methods of processing, storage and transmission of data. The author also presented the features of the formation of the domestic digital economy. Finally, the author identified the problems and possible directions for using digital technologies that contribute to the reduction of technological backwardness in Russia.

Keywords: digital economy; digitalization; digital transformation; digital technologies; national technological initiative; data economy

For citation: Basaev Z.V. The digitalisation of the economy: Russia in the context of global transformation. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):32-38. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-32-38

В настоящее время мировая экономика находится на пороге новой трансформации. Продолжающаяся цифровизация приводит к изменению глобальной экономики за счет снижения издержек на сбор, хранение, обработку данных; сокращения производственных цепочек и т.д. Такого рода изменения, безусловно, влияют на требования, которые предъявляются к уровню квалификации работников и к участникам рынка, представляющим бизнес и государство.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Сегодня в науке и среди экспертов существует большое количество определений цифровой экономики, однако общепризнанного определения для термина не существует. Первые дискуссии о концепции цифровой экономики стали возникать в конце XX в. с появлением электронной торговли. В 1994 г. вышла известная книга канадского экономиста, бизнес-консультанта Дона Тапскотта (Don Tapscott) «Цифровая экономика» (“Digital Economy”), в которой автор одним из первых предложил термин Digital Economy [1]. К важнейшим последствиям цифровизации глобальной экономики исследователь относил резкое снижение транзакционных издержек (ссылаясь на теорию фирмы Рональда Коуза [2]), возникновение новых бизнес-моделей и, как следствие, исключение посредников за счет прямого взаимодействия между потребителем и поставщиком. Автор предсказал множество частных проявлений предстоящей цифровизации [3], исходя из теории фирмы и транзакционных издержек [4, с. 6].

В 1995 г. американский ученый-информатик из Массачусетского технологического института Николас Негропonte (Nicholas Negroponte) в книге “Being Digital” («Цифровое существование») сформулировал концепцию электронной экономики, заключающейся в переходе от обработки атомов, составляющих материю физических веществ, к обработке битов, составляющих материю программных кодов [5, с. 245]. По мнению Негропonte, по сравнению с традиционным рынком к преимуществам цифровизации необходимо отнести:

- отсутствие физического веса продукции, который можно заменить информационным объемом;
- существенно более низкие издержки на производство электронных товаров и меньшая площадь, занимаемая электронными носителями;

- виртуальный характер хозяйственных связей, ведущий к снижению потребности в сырье;
- появление цифровых валют, что сегодня наглядно подтверждается растущим рынком криптовалют;
- мгновенное глобальное перемещение товаров и услуг через Интернет [6, с. 75].

На основе проведенного анализа рассмотрим некоторые подходы к определению термина «цифровая экономика», существующие в России и за рубежом (табл. 1).

Как видно из таблицы, большинство авторов и экспертов рассматривают цифровую экономику в двух аспектах. С точки зрения расширенной трактовки под термином следует понимать часть социально-экономических отношений, которые связаны с производством, распределением, обменом и потреблением информационных технологий. В первую очередь это современные тренды, обусловленные так называемой четвертой индустриальной (промышленной) революцией. По словам немецкого экономиста Клауса Шваба, основателя и исполнительного председателя Всемирного экономического форума в Давосе, автора бестселлера «Четвертая промышленная революция», существенным отличием четвертой революции от третьей станет синергетический эффект, возникающий в результате слияния компьютерных и информационных технологий, нанотехнологий и т.д. [11] По мнению Шваба, одним из последствий четвертой революции станет стирание граней между физическим миром, информационным и биологическим [12].

Вторая, «классическая» трактовка рассматривает цифровую экономику как особый вид экономической деятельности, в основе которого стоят новые методы обработки, хранения и передачи данных. Сюда можно отнести электронные товары и услуги, а также весь спектр онлайн-бизнеса. Следует отметить, что по мере возникновения и развития новых технологий перечень и состав цифровой экономики будет дополняться, следовательно, и подходы к определению термина, на наш взгляд, будут претерпевать изменения.

МЕСТО РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Усиливающиеся процессы цифровизации, происходящие в мире, ведут к размыванию как географических, так и физических границ, что, безусловно, открывает новые возможности, как для государств, так и для бизнеса, и способствует развитию конкурентоспособности внутри стран (на региональном

**Существующие подходы к определению цифровой экономики /
Existing approaches to defining the digital economy**

№ п/п	Источник (автор)	Определение
1	Всемирный банк	Цифровая экономика – новая парадигма ускоренного экономического развития, основанная на обмене данными в режиме реального времени ¹
2	Правительство Австралии (Департамент коммуникаций и цифровой экономики)	Цифровая экономика – глобальная сеть экономических и социальных видов деятельности, которые поддерживаются благодаря таким платформам, как Интернет, а также мобильные и сенсорные сети ²
3	Правительство РФ	Цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы ³
4	Правительство Великобритании	Цифровая экономика – производство цифрового оборудования, издательская деятельность, медийное производство и программирование ⁴
5	British Computer Society (BCS), The Chartered Institute for IT	Цифровая экономика – экономика, основанная на цифровых технологиях, ведение бизнеса на рынках, опирающихся на Интернет и/или Всемирную паутину ⁵
6	Economist Intelligence Unit (EIU) совместно с IBM Institute for Business Value	Цифровая экономика – экономика, способная предоставить высококачественную ИКТ-инфраструктуру и мобилизовать возможности ИКТ на благо потребителей, бизнеса и государства ⁶
7	Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)	Цифровая экономика – результат трансформационных эффектов новых технологий общего назначения в области информации и коммуникации ⁷
8	Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК)	Экосистема цифровой экономики – все те сегменты рынка, где добавленная стоимость создается с помощью цифровых ИТ ⁸
9	Центр изучения цифровой (электронной) экономики (Россия)	Цифровая (электронная) экономика – совокупность общественных отношений, складывающихся при использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг, технологий анализа больших объемов данных и прогнозирования в целях оптимизации производства, распределения, обмена, потребления и повышения уровня социально-экономического развития государств ⁹
10	Н.К. Норец, А.А. Станкевич	Цифровая экономика – система экономических и политических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых (компьютерных) информационно-коммуникационных технологий [7, с. 173–179]
11	М.Л. Калужский	Цифровая экономика – коммуникационная среда экономической деятельности в сети Интернет, а также формы, методы, инструменты и результаты ее реализации [8]
12	К. Келли	Коммуникации, которые, в конце концов, и являются тем, что мы понимаем под цифровыми технологиями и средствами связи, – не просто сектор экономики. Коммуникации – это сама экономика [9]
13	И.А. Соколов	Цифровая экономика – возможности создания моделей измеряемого реального мира или его цифровой модели, которая с введением новых измерений помимо трехмерного физического мира приводит к возможностям учета как особенностей реального мира, ранее недоступных, так и процессов, происходящих в нем [10, с. 33–48]

¹ Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации. М.: Группа Всемирного банка; ЕЭК. 2018.

² Department of Broadband, Communications and the Digital Economy, Australia's Digital Economy: Future Directions (2009).

³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.

⁴ UK Digital Strategy. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-digital-strategy/uk-digital-strategy>.

⁵ BCS Policy Hub. URL: http://policy.bcs.org/position_statements/digital-economy.

⁶ Economist Intelligence Unit (EIU). (2011). Digital economy rankings 2010 beyond e-readiness. EIU and IBM. URL: https://www-935.ibm.com/services/us/gbs/bus/pdf/eiu_digital-economy-rankings-2010_final_web.pdf.

⁷ OECD (2015), OECD Digital Economy Outlook 2015, OECD Publishing, Paris.

⁸ Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). URL: <http://raec.ru/live/position/9547/>.

⁹ Развитие цифровой экономики в России. Программа до 2035 г. Информационно-аналитический портал Клуба субъектов инновационного и технологического развития России. URL: <http://strategy.cde2035.com/strategy/>.

Таблица 2 / Table 2

**Рейтинговые показатели цифровой трансформации в России и за рубежом /
Rating indicators of digital transformation in Russia and abroad**

Показатель	Россия	Страны-лидеры
Место в рейтинге Глобального индекса инновационного развития (2017 г.)*	45	Швейцария – 1; Швеция – 2; Нидерланды – 3; США – 4; Германия – 9; Южная Корея – 11; Япония – 14; Китай – 22
Место в международном рейтинге производственной конкурентоспособности (2016 г.) [13]	32	Китай – 1; США – 2; Германия – 3; Япония – 4; Южная Корея – 5; Великобритания – 6
Место в международном рейтинге развития инфокоммуникационной инфраструктуры Networked Readiness Index (2016–2017 гг.) [14]	41	Сингапур – 1; Финляндия – 2; Швеция – 3; Норвегия – 4; США – 5; Великобритания – 8; Япония – 10; Германия – 15; Китай – 59
Место в рейтинге индекса BCG e-Intensity по уровню развития цифровой экономики [15]	39	Дания – 1; Люксембург – 2; Швеция – 3; ОАЭ – 30, Китай – 35
Место в рейтинге Mastercard и Университета Тафтс Digital Planet по уровню прогресса в развитии цифровой экономики (2017 г.) [16]	39	Норвегия – 1, Швеция – 2, Швейцария – 3, Дания – 4, США – 10, Китай – 36
Место в рейтинге Development Index (IDI) Международного союза электросвязи по уровню развития сферы ИКТ (2017 г.)**	45	Исландия – 1, Южная Корея – 2, Швейцария – 4, Дания – 5, США – 16, Китай – 80
Место в рейтинге Digital Society Index компании Dentsu Aegis Network по уровню цифровизации (2018 г.)***	10	Великобритания – 1, США – 2, Китай – 3, Германия – 4, Франция – 5

* Index G.I. Innovation feeding the world. INCEAD; 2017. 463 p.

** International Telecommunication Union (2017). Measuring the Information Society 2017. Vol. 2. ICT country profiles. Geneva: ITU.

*** Digital Society Index 2018. URL: <https://www.oxfordeconomics.com/recent-releases/the-digital-society-index-2018>.

уровне) и в целом — в мире (на глобальном уровне). Мировой опыт свидетельствует: при грамотном выстраивании механизмов функционирования цифровой экономики, в том числе нормативно-правовых, можно добиться заметного роста экономики, повышения производительности труда, создания новых секторов (http://www.g20chn.com/xwzxEnglish/sum_ann/201609/P020160912341422794014.pdf).

По данным Всемирного банка, влияние цифровизации на рост экономики осуществляется за счет механизмов инклюзии, т.е. вовлечения максимального количества граждан в социальные процессы, повышения эффективности и развития инноваций. Эти механизмы способствуют увеличению объемов торговли, капитала и рабочей силы, что, в свою очередь, приводит к усилению конкуренции (<http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016>). В 2017 г. к Интернету подключился каждый второй житель Земли. По прогнозу компании McKinsey, в ближайшие двадцать лет половина рабочих операций будут автоматизированы. По масштабам данный процесс будет сопоставим с промышленной рево-

люцией XVIII–XIX вв., предопределившей мировое господство стран-лидеров. В свою очередь, цифровая трансформация в России может стать драйвером экономических преобразований и позволит войти в клуб глобальных лидеров.

Сегодня в России наблюдается быстрое развитие цифровой экономики. По данным McKinsey, в период с 2011 по 2015 г. совокупный объем цифровой экономики увеличился на 59% (в девять раз быстрее, чем ВВП страны) и в 2015 г. достиг 3,9% ВВП [17]. Несмотря на это, все еще сохраняется значительное отставание РФ от цифровых лидеров (страны ЕС, США, Южной Кореи, Японии) по уровню развития (табл. 2 и 3).

Отметим, что доля расходов государства и частных инвестиций в структуре российского ВВП ниже, чем в сравниваемых странах, а объем экспорта цифровых технологий в четыре раза меньше импорта. При увеличении объема инвестиций в ИКТ до среднего уровня стран-лидеров доля цифровой экономики в России может вырасти до 5,9% ВВП (табл. 4).

За последние два года (2016–2017 гг.) рост цифровой экономики в РФ замедлился. Доля в ВВП

Таблица 3 / Table 3

**Сравнительная характеристика уровня развития цифровых услуг в РФ и странах ЕС /
Comparative characteristics of the level of development of digital services in Russia and the EU**

Показатель (%), 2016 г.	Россия	Страны ЕС
Доля населения, совершающего покупки онлайн	23	55
Доля организаций, использующих CRM-системы	10	33
Доля электронной торговли в общем объеме розничной торговли	4	7
Доля населения, получающего госуслуги онлайн	29	48
Доля организаций, имеющих интернет-сайт	43	77
Уровень проникновения мобильного Интернета	47	57
Уровень проникновения смартфонов	60	62
Уровень проникновения Интернета	73	82

Источник / Source: составлено автором на основе данных McKinsey, Росстат; Euromonitor International*, Eurostat**, GfK***, Ovum**** / compiled by the author by McKinsey, Rosstat; Euromonitor International, Eurostat, GfK, Ovum data.

* URL: <http://www.euromonitor.com/retailing-in-russia/report>.

** Digital economy and society statistics – enterprises. Eurostat. 2017, март. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/digital_economy_and_society_statistics_-_enterprises.

*** Исследование GfK: Тенденции развития интернет-аудитории в России. Gf K. M.; 2017, 26 января. URL: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-tendencii-razvitija-internetauditorii-v-rossii/>.

**** Smartphone Connections Forecast: 2016–21 / Ovum. 2016, декабрь. URL: <https://www.ovum.com/research/smartphoneconnections-forecast-2016-21/>.

Таблица 4 / Table 4

**Вклад цифровой экономики в ВВП России в сравнении с другими странами /
The contribution of the digital economy to Russia's GDP in comparison with other countries**

Показатель (% к ВВП), 2016 г.	США	Китай	ЕС*	Бразилия	Индия	Россия
Размер цифровой экономики	10,9	10,0	8,2	6,2	5,5	3,9
Расходы домохозяйств в цифровой сфере	5,3	4,8	3,7	2,7	2,2	2,6
Инвестиции компаний в цифровизацию	5,0	1,8	3,9	3,6	2,0	2,2
Государственные расходы на цифровизацию	1,3	0,4	1,0	0,8	0,5	0,5

Источник / Source: составлено автором на основе данных McKinsey [17] / compiled by the author on the basis of McKinsey data [17].

* Данные Великобритании, Германии, Италии, Франции и Швеции.

в 2016 г. составила 2%, что на 10% выше значения 2015 г., а вклад в совокупный ВВП вырос с 1,5 трлн руб. в 2015 г. до 1,7 трлн руб. в 2016 г. В среднем темп роста за период 2010–2016 гг. составил 4,8% (в долл. США), продолжая оставаться ниже аналогичных показателей в странах-лидерах (Скандинавия — 6–7%, США и Великобритания — 8–9%), и значительно отставая от развивающихся стран (Китай — свыше 20%) (<https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya.pdf>). Как было уже сказано выше, причиной является недостаточное инвестирование в цифровой сектор со стороны государства и бизнеса.

На наш взгляд, сокращению технологического отставания России будет поспособствовать:

- 1) повышение конкурентоспособности отрасли за счет внедрения и развития прорывных бизнес-моделей и технологий, таких как цифровые платформы, углубленная аналитика больших массивов данных, 3D-печать, роботизация, интернет вещей, искусственный интеллект, нейронные сети, блокчейн и др.;
- 2) повышение прозрачности процесса взаимодействия с государством, и, как следствие, улучшение делового климата, что предполагает упрощение

процедур предоставления госуслуг (регистрация юридического лица, получение разрешений, декларация налогов, развитие системы цифровых сервисов для бизнеса и онлайн-услуг);

3) государственное финансирование образовательной сферы, подготовка кадров, владеющих цифровыми технологиями, создание центров переподготовки, специальных программ адаптации для высвобождаемого персонала;

4) реализация мер, направленная на повышение качества и удобства получения услуг в сфере медицины, культуры, образования, транспорта, общественной и экономической безопасности;

5) смягчение регуляторного режима, создание песочниц (особых правовых режимов) для пилотных проектов, разработка единых стандартов в области применения цифровых технологий;

6) стимулирование интереса к цифровым инновациям и развитие цифровой культуры, оказывающей положительный социальный эффект.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс цифровизации экономики приводит к неизбежному изменению социально-экономической парадигмы, общества и отдельных его сфер. По-

явление термина «цифровая экономика» связано с переходом к новой стадии управления производством и самого производства товаров и услуг на основе применения современных информационных технологий. Используя передовые технологии, цифровая трансформация перекраивает картину конкуренции, размывает границы, меняет бизнес-модели.

В настоящее время цифровая экономика становится одним из ключевых факторов, влияющих на экономический рост, и имеет важные последствия для измерения ВВП, производительности и благосостояния домохозяйств во всех секторах экономики. Для успешного развития цифровой экономики и сокращения разрыва со странами-лидерами России необходимо наращивать кадровые, интеллектуальные и технологические преимущества, формировать гибкую нормативную базу для внедрения цифровых технологий во все сферы жизни. Стратегия интенсивной цифровизации экономики и ставка на ее полноценную трансформацию, предполагающую фундаментальную перестройку подходов государства к принятию решений, приведет к сохранению конкурентоспособности на глобальном рынке и достижению положительных результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril In The Age of Networked Intelligence. McGrawHill; 1995. 342 p.
2. Coase R. The Nature of the Firm, *Econometrica*. 1937;4(16): 386–405.
3. Tapscott D. The Digital Economy Anniversary Edition: Rethinking promise and peril In the age of networked intelligence, McGraw-Hill; 2014. 448 p.
4. Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе. *Цифровая экономика*. 2018;(1):6.
5. Negroponte Nicholas. Being Digital. New York: Alfred A. Knopf; 1995. P. 245.
6. Зорина Т.М. Государственные закупки в условиях цифровой экономики. Вызовы цифровой экономики: условия, ключевые институты, инфраструктура: сборник статей I Всероссийской научно-практической конференции (г. Брянск, 21–22 марта 2018 г.) Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т; 2018. 288 с.
7. Норец Н.К., Станкевич А.А. Цифровая экономика: состояние и перспективы развития. Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика: труды научно-практической конференции с международным участием 17–22 мая 2017 г. Бабкин А.В., ред. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та; 2017.
8. Калужский М.Л. Маркетинговые сети в электронной коммерции: институциональный подход. М.: Директ-Медиа; 2014. 402 с.
9. Kelly K. New Rules for the New Economy: 10 radical strategies for a connected world. New York: Viking; 1998. 224 p.
10. Соколов И.А. и др. Государство, инновации, наука и таланты в измерении цифровой экономики (на примере Великобритании). *International Journal of Open Information Technologies*. 2017;5(6):33–48.
11. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Монография. Пер. с англ. М.: Изд-во «Э»; 2017. 208 с.
12. Гулин К.А., Усков В.С. Тренды четвертой промышленной революции. Монография. Пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2017). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017;10(5):216–221.
13. Giffi C.A. et al. Global Manufacturing Competitiveness Index. Deloitte Touche Tohmatsu Limited (DTTL) Global Consumer & Industrial Products Industry Group and the Council on Competitiveness; 2016.
14. Baller S. et al. The Networked Readiness Index 2016. The Global Information Technology Report. 2016:3–31.

15. Банке Б. и др. Россия онлайн? Догнать нельзя отстать. Бостон: The Boston Consulting Group; 2016.
16. Chakravorti B., Chaturvedi R.S. Digital planet 2017. How competitiveness and trust in digital economies vary across the world. The Fletcher School. Tufts University. URL: https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2017/05/Digital_Planet_2017_DINAL.pdf.
17. Аптекман А. и др. Company. Цифровая Россия: новая реальность. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf>.

REFERENCES

1. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril. In *The Age of Networked Intelligence*. McGraw-Hill; 1995. 342 p.
2. Coase R. The Nature of the Firm. *Econometrica*. 1937;4(16):386–405.
3. Tapscott D. The Digital Economy Anniversary Edition: Rethinking promise and peril In the age of networked intelligence, McGraw-Hill; 2014. 448 p.
4. Kozyrev A.N. The digital economy and the digitisation in historical perspective. *Tsifrovaya ekonomika*. 2018;(1):6. (In Russ.).
5. Negroponte Nicholas. *Being Digital*. New York: Alfred A. Knopf; 1995. P. 245.
6. Zorina T.M. Public procurement in the digital economy. Challenges of the digital economy: conditions, key institutions, infrastructure: A collection of articles of the first All-Russian scientific-practical conference (Bryansk, March 21–22, 2018, p. 75). Bryansk: Bryansk State Engineering and Technological University; 2018. 288 p. (In Russ.).
7. Norets N.K., Stankevich A.A. The digital economy: state and prospects of development of innovative clusters in the digital economy: theory and practice: proceedings of the scientific-practical conference with international participation from 17 to 22 may 2017. Babkin A.V., ed. St. Petersburg: Publishing House of Polytechnical Institute; 2017:173–179. (In Russ.).
8. Kaluzhsky M.L. Marketing networks in e-Commerce: Institutional approach. Moscow: Direct Media; 2014. 402 p. (In Russ.).
9. Kelly K. *New Rules for the New Economy: 10 radical strategies for a connected world*. New York: Viking; 1998. 224 p.
10. Sokolov I.A. et al. State, innovation, science and talents in measuring the digital economy (on the example of Great Britain). *International Journal of Open Information Technologies*. 2017;5(6):33–48. (In Russ.).
11. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. A monograph. Moscow: Publishing House “E”; 2017. 208 p. (Top Business Awards) (In Russ.).
12. Gulin K.A., Uskov V.S. The trends of the fourth industrial revolution. A monograph). *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2017;10(5):216–221. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.15
13. Giffi C.A. et al. *Global Manufacturing Competitiveness Index*. Deloitte Touche Tohmatsu Limited (DTTL). Global Consumer & Industrial Products Industry Group and the Council on Competitiveness; 2016.
14. Baller S. et al. The Networked Readiness Index 2016. *The Global Information Technology Report*. 2016. P. 3–31.
15. Banke B. et al. *Russia online? Catch up cannot be left behind*. Boston: Boston Consulting group; 2016.
16. Chakravorti B., Chaturvedi R.S. Digital planet 2017. How competitiveness and trust in digital economies vary across the world. The Fletcher School. Tufts University; 2017. URL: https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2017/05/Digital_Planet_2017_DINAL.pdf.
17. Aptekman A. et al. Company. Digital Russia: a new reality. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (accessed 10.07.2018). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Заврбек Валерьевич Басаев — аспирант, преподаватель Департамента менеджмента, Финансовый университет; член правления Молодежной финансовой лиги ассоциации «САПФИР», Москва, Россия
basatizaur@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Zaurbek V. Basaev — Postgraduate student and lecturer of the Department of Management, Financial University; Member of the Board of the Youth Financial League (Association SAPFIR), Moscow, Russia
basatizaur@gmail.com

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-39-45
УДК 338(045)
JEL O1

Экологические аспекты цифровой экономики

Р.А. Перелет,

Институт системного анализа ФИЦ ИУ РАН, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4532-1487>

АННОТАЦИЯ

Цифровые технологии играют решающую роль в достижении долгосрочного баланса между техносферой и природной средой, которая необходима для устойчивого развития. Цифровая экономика является относительно новой концепцией в разработке национальной политики, использующей часто такие термины, как «информационная экономика» (1970-е гг.), «экономика знаний» и «электронная экономика» (1980-е гг.), «новая экономика» (1990-е гг.) или «сетевая экономика» и «интернет-экономика» (2000-е гг.). Хотя нет единого определения цифровой экономики, существует общее согласие в отношении некоторых основополагающих принципов. Основная идея цифровой экономики заключается в том, что производство продуктов, услуг, обучение на протяжении всей жизни и инновации становятся возможными благодаря компьютеризированной передаче и обработке современной технологии в контексте глобализации рынка и устойчивого развития. Устойчивое развитие является во многом связанным с сохранением биосферы и природного капитала совместно с техносферой и социосферой. Однако в реальной жизни на экологические аспекты часто не обращают должного внимания. В последние годы произошли изменения в формировании экономики стран, особенно в укреплении экологической составляющей. Снижение стоимости сенсорных технологий и распространение сетей позволяют подключить каждый компонент, поступающий в производственный процесс. Данные, которые собираются через такие подключения, дают возможность узнать место происхождения продукта, способ производства и количество энергии, затраченной на его производство. Получаемая на их основе информация дает предприятиям, городам и целым странам возможность более эффективно восстанавливать, создавать и перебазировать эти ресурсы. Предлагается учитывать вопросы воздействия цифровой экономики на окружающую среду. Реакция Евросоюза все чаще рассматривается как сочетание экономики знаний и «зеленого нового курса».

Ключевые слова: цифровая экономика; Европейский союз; информационно-коммуникационные технологии; устойчивое развитие; общество зеленых знаний

Для цитирования: Перелет Р.А. Экологические аспекты цифровой экономики. *Мир новой экономики*. 2018;12(4):39-45. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-39-45

Environmental Issues in a Digital Economy

R. A. Perelet,

Institute for System Analysis of the Federal Research Centre "Informatics and Management" of RAS, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4532-1487>

ABSTRACT

Digital technologies play a crucial role in achieving the long-term balance between the techno-sphere and the natural environment that is necessary for sustainable development. The digital economy is a relatively new concept in national policy-making, often using such terms as "information economy" (the 1970s), "knowledge economy" and "electronic economy" (the 1980s), "new economy" (the 1990s) or "network economy" and "Internet economy" (the 2000s). While there is no single definition of the digital economy, there is general agreement on some fundamental principles. The basic idea of a digital economy is that products, services, lifelong learning and innovation are made possible by the computerised transfer and processing of modern technology in the context of market globalisation and sustainable development. Sustainable development is largely related to the preservation of the biosphere and natural capital together with the techno-sphere and the socio-sphere. However, in real life, environmental aspects are often overlooked. In recent years, there have been changes in the formation of the economies of countries, especially in strengthening their environmental component. Reducing the cost of sensor technology and the spread of networks allow you to connect each component entering the production process. The data collected through such connections provide an opportunity to know the place of origin of the product, the method of production and the amount of energy spent on its production. Information received on their basis gives to companies, cities and whole countries the opportunity to restore, create, and to relocate these resources more effectively. It is proposed to take into account the impact of the digital economy on the environment. The EU response is increasingly seen as a strong combination of the knowledge economy and the green new deal.

Keywords: digital economy; the European Union; information and communication technologies; society of green knowledge

For citation: Perelet R.A. Environmental issues in a digital economy. *Mir novej ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):39-45. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-39-45

В 2017 г. Правительство России приняло программу «Цифровая экономика Российской Федерации» в целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Программа направлена на создание условий для развития общества знаний в Российской Федерации, повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами. Для анализа развития цифровой экономики (ЦЭ) в Российской Федерации в сравнении со странами Европейского союза и некоторыми странами, не входящими в ЕС, предлагается также использовать международный индекс I-DESI, опубликованный Европейской комиссией в 2016 г. Основными компонентами индекса I-DESI являются связь, человеческий капитал, использование сети Интернет, внедрение цифровых технологий в бизнес и цифровые услуги для населения. Индекс I-DESI использует данные из различных признанных международных источников, таких как Организация экономического сотрудничества и развития, Организация объединенных данных, Международный союз электросвязи и др. Для управления развитием цифровой экономики формируется дорожная карта на 2018–2024 гг., которая по основным направлениям включает описание целей, ключевых вех и задач настоящей Программы, а также сроков их достижения. На базе дорожной карты будет разработан план мероприятий, необходимых для достижения конкретных вех настоящей Программы, с указанием ответственных за выполнение мероприятий, источников и объемов финансирования. План мероприятий будет утверждаться на три года, что предполагает его ежегодное обновление. Цель настоящей статьи состоит в целесообразности учета экологических аспектов цифровой экономики.

Цифровая экономика — это часть экономики, основанная непосредственно на компьютерных технологиях, глобальной сети экономической и социальной деятельности, осуществляемая информационными и коммуникационными технологиями, такими как Интернет, мобильные и сенсорные сети [1]. Есть определения российских ученых (<https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html>). Концепция ЦЭ,

однако, непосредственно фокусируется на экономическом воздействии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на структуры, которые создают богатство посредством производства и обмена товаров, услуг и ресурсов, связанных с ними. Характер ЦЭ таков, что многие из этих ресурсов (например, цифровая грамотность) имеют как социальные, так и экономические аспекты. В результате относительно резкие границы, существовавшие в XX в. между экономической и социальной политикой, а также между общественной и частной сферами, становятся нечеткими. Старые способы ведения дел, включая управление, не обязательно устойчивы.

Центральным пунктом новой экономики становятся наука о данных (Data Science) и люди со специальностью data scientist. Под зонтичным названием науки о данных сосуществует множество разных, еще не систематизированных методов и технологий для анализа больших объемов данных, а подлинной наукой о данных, которую можно было бы назвать этим именем, еще нет. Наука о данных есть не что иное, как обобщенное название суммы технологий для производства продуктов-данных. О важности ЦЭ высказался президент России В. Путин. России необходимо заниматься развитием цифровой экономики, чтобы обеспечить будущее национальной экономики и страны в целом. Об этом заявил президент России Владимир Путин, отвечая на вопросы во время «Прямой линии». «Без цифровой экономики мы не сможем перейти к следующему технологическому укладу. А без этого перехода к новому технологическому укладу у российской экономики, а значит и страны, нет будущего», — сказал он. Глава государства отметил, что развитие цифровой экономики России — задача номер один в экономической сфере.

Цифровая экономика позволяет обеспечить поддержание устойчивости экосистемы Земли, переход к зеленой экономике, а также восстановить разрушенные зоны в этой области, например, за счет мониторинга зеленых «больших данных», включая онлайн-скрининг целого спектра профильных индикаторов. Планетарные границы определяют биофизические границы, в пределах которых человечество может процветать. Существует, вероятно, множество путей, которые могут обеспечить инклюзивное и устойчивое развитие в этом пространстве. Эти пути будут оспариваться: разные культуры, имеющие свои собственные потребности, взгляды и ценности, будут по-своему рассматривать издержки, риски и выгоды. Власть в мире неравномерно распределена между социальными группами, и проблемы развития и социальной

справедливости будут огромными, поскольку биофизические ограничения Земли реальны и не подлежат политическим переговорам.

Концепция зеленой экономики не заменяет собой концепцию устойчивого развития, однако достижение устойчивости почти полностью зависит от создания эффективной экономики. За десятилетия, когда новые богатства создавались с использованием модели загрязняющей, ресурсо- и энергоемкой экономики, общество не решило таких проблем, как социальное расслоение и истощение ресурсов, и мы по-прежнему далеки от достижения «целей устойчивого развития ООН». Устойчивость остается важнейшей долгосрочной целью, но для ее достижения мы должны сделать экономику зеленой [2]. Интерес вызывает возможность выхода на качественно иной уровень в вопросах выработки и использования зеленых технологий широкого спектра, сопряженных с экологизацией техносферы.

В отличие от природного сырья, при использовании данных их количество не уменьшается, а, наоборот, увеличивается, — это качественно новое явление. Создание технологий работы с данными лавинообразно формирует потребность в новых технологиях. Такого феномена положительной обратной связи экономика еще не знала. По аналогии с электрификацией и компьютеризацией теперь говорят о датификации и цифровой экономике. Сочетание экстремальной связанности с экстремальной автоматизацией на фундаменте экстремальной производительности открывает возможности для создания больших систем, построенных на основе киберподхода.

В США цифровая экономика оказала огромное влияние на занятость и экономический рост. Например, в 2014 г. США на базе ИКТ экспортировали услуг на сумму около 400 млрд долл. — более половины всего экспорта услуг США. Это увеличило общий реальный ВВП США более чем на 1% в год, были созданы миллионы новых рабочих мест. Практически все отрасли промышленности — от обрабатывающего производства до финансовых услуг, образования, сельского хозяйства и здравоохранения — выиграли от внедрения цифровых технологий. В США постоянно создаются инновационные компании, однако успех американского предпринимательства в цифровой экономике не был предрешенным и не возникал в вакууме. Для процветания цифровой экономики правительства, работающие совместно с другими заинтересованными сторонами, создают юридическую, политическую и дипломатическую среду, способствующую творчеству, конкуренции и инвестициям (http://itlaw.wikia.com/wiki/Digital_economy).

Инициатором термина «цифровая экономика» считают канадского бизнесмена Дона Тэпскотта (Don Tapscott). В своей книге «Викиномика — как массовое сотрудничество изменяет все» (2006 г.) Тэпскотт пропагандирует сетевой подход, который может быть применен к бизнесу и практически к любому аспекту человеческой деятельности — обучению, здравоохранению, работе и развлечениям [3]. Появление сетей способно изменить сам метод ведения бизнеса, так как он привлекает коллективный опыт ноу-хау для решения проблем и продвижения инноваций. Однако приведет ли выход общения между людьми на новый уровень к тому, что сознание перейдет от отдельных людей к организациям? Организации, которые не имеют сознания, не способны к обучению, так же, как и люди. Приобретая сознание, организации приобретают и способность к обучению, а это является необходимым условием выживания. Сетевой разум служит недостающим звеном в организационном обучении, а сознательная организация может стать основой гибкой обучающейся организации. Не исключено, что сетевой разум может перешагнуть организационные границы и пробудить более глубокий уровень социального сознания — в сообществах, нациях и по всему миру [4].

Для Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «цифровая экономика» — обобщающий термин, используемый для описания рынков, которые фокусируются на цифровых технологиях, включая электронную торговлю (<http://www.oecd.org/daf/competition/The-Digital-Economy-2012.pdf>).

Согласно «Википедии», «цифровая экономика — это экономика, основанная на цифровых вычислительных технологиях». Ее также иногда называют экономикой Интернета, новой экономикой.

Помимо экономических и социальных последствий, экологический аспект цифровой экономики заслуживает особого внимания, поскольку он является важнейшим для устойчивого развития. Зеленая экономика — это не новая экономика, а скорее экологизация существующей экономики. Но этот процесс требует фундаментального сдвига в системах, которые удовлетворяют наши потребности, т.е. не соответствуют традиционной экономической парадигме бизнеса. 7-й план действий по окружающей среде ЕС направлен на долгосрочное формирование устойчивости, чтобы к 2050 г. человечество могло жить в пределах экологических ограничений планеты. Эта концепция основана на разумном гражданстве, которое объединяет людей и технологии для создания инновационной устойчивой экономики знаний. Она

включает осуществление ряда мероприятий по стимулированию экоинноваций и эффективности использования ресурсов инноваций. Нынешнее мышление о развитии мировой экономики и обществ сосредоточено на двух проблемах: потенциал информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и проблема экологической устойчивости (<http://ec.europa.eu/environment/action-programme>). ИКТ потребляют 3,6% глобального электричества и создают 1,4% выбросов углерода. В этой связи часто рекомендуется, чтобы госсектор создавал и эксплуатировал энергоэффективные центры данных на базе возобновляемых источников энергии (<https://www.theguardian.com/environment/2018/feb/20/much-work-needed-to-make-digital-economy-environmentally-sustainable>).

Важность достижения экологической устойчивости была признана на «Саммите Земли» в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Устойчивое развитие было определено Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию как «развитие, отвечающее потребностям настоящего, без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [5, 6].

Устойчивое развитие содержит две ключевые концепции: межпоколенную концепцию потребностей (в частности, удовлетворение основных потребностей бедного населения мира, которому необходимо уделять первоочередное внимание) и идею ограничений, налагаемых состоянием технологий и социальной организацией на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности. Концепция устойчивого развития была разработана в конце XX в. и усовершенствована в последние годы. Целью политики устойчивого развития является обеспечение благосостояния людей во всем мире, измеряемое такими факторами, как безопасность, удовлетворение материальных потребностей, здоровье, социальные отношения и свобода выбора и действий. Для достижения этой цели необходимо создать и распределить богатство таким образом, чтобы уменьшить бедность и обеспечить достойный уровень жизни всем людям в мире. Это можно сделать в долгосрочной перспективе только благодаря политике и стратегиям, которые уравнивают экономический рост и социальное развитие с экологической устойчивостью.

Технологии играют решающую роль в достижении долгосрочного баланса между развитием человека и природной средой, которая необходима для устойчивого развития [7]. Глубокие изменения в технологиях и экономике коммуникаций означают переход

к постиндустриальной экономике, в которой знания и сети играют более важную роль, чем капитал, создаваемый цифровой экономикой. Широко признано, что новые технологии оказывают и положительное, и отрицательное воздействие на экономические и социальные отношения и особенно на окружающую среду. Но устойчивое развитие не может расширяться без глобальных коммуникаций и обмена знаниями¹. В этом контексте ИКТ и Интернет рассматриваются как возможности преодоления ограничений развития и как угрозы для устойчивого развития.

Понятия «зеленые продукты», «зеленые инвестиции», «зеленая энергия», концепции «зеленой экономики», «зеленого роста» и «зеленого общества» появились в международной повестке дня из-за финансовых и экономических кризисов 2008–2009 гг. Зеленая экономика появилась как основа для восстановления экономического роста, тем временем реагируя на изменение климата и других субъектов экологической устойчивости [8].

Последний доклад Римского клуба [9] подчеркивает, что мир с доминированием человека все еще может обеспечить процветающее будущее для всех. Для этого нужно, чтобы человек перестал разрушать планету. Экономика под диктатом финансовой системы подчинена соблазну заняться спекуляцией и стремится к увеличению разрывов в отношении богатства и доходов.

Необходимо интегрировать вопросы воздействия цифровой экономики на окружающую среду. Упрощение исследований по воздействию на окружающую среду порождает неудачные технологические фьючерсы. Цифровая экономика изменяет отношения человека с окружающей средой. В качестве решения экологических проблем, во благо экономики, окружающей среды и общества предлагается концепция «устойчивой цифровой экономики». Возможности синергии между цифровой экономикой и стратегиями зеленой экономики были признаны в развитых странах. Традиционно политика и стратегия в области окружающей среды рассматривались отдельно от экономической и социальной политики развития. В последние годы перспективы устойчивого развития и экологические проблемы стали более всеобъемлющими (<https://www.theclimategroup.org/>).

За последние 5–10 лет был достигнут консенсус в отношении того, что ИКТ могут способствовать

¹ Initiative IV: A Green Economy Initiative. In GLGbal Financial And Economic Crisis. UN System Joint Crisis Initiatives. 16 September 2009.

развитию зеленой экономики тремя основными способами.

1. Путем уменьшения прямого воздействия на окружающую среду производства, распределения, эксплуатации и утилизации ИКТ посредством повышения эффективности использования энергии и материалов, более широкого использования возобновляемых источников энергии, сокращения использования токсичных материалов и улучшения рециркуляции и утилизация ИКТ для жизни.

2. Путем увеличения благоприятных последствий использования ИКТ для развития зеленой экономики посредством повышения эффективности производства, распределения и потребления товаров и услуг во всей экономике и обществе. Путем сокращения спроса на энергию и материалы посредством полной или частичной замены виртуальных продуктов и услуг вместо их физических эквивалентов и посредством дематериализации деятельности человека и взаимодействий. Таким образом, наибольшее влияние ИКТ, вероятно, будет способствовать повышению энергоэффективности в других секторах. Они могут обеспечить экономию выбросов CO₂ в пять раз больше, чем общие выбросы от всего сектора ИКТ в 2020 г. [10] До 30% экономии энергии во всем мире возможно благодаря лучшему мониторингу и управлению сетями энергоснабжения.

3. Путем поддержания системных эффектов, которые приводят к трансформации поведения, установок и ценностей людей как граждан и потребителей; экономических и социальных структур; и процессов управления. ИКТ-индустрия в партнерстве с другими секторами играет ключевую роль в оказании помощи, чтобы сделать влияние общества видимым и продемонстрировать спрос на новые способы снижения этого воздействия.

ЕС рассматривает вышеизложенное как сочетание экономики знаний и зеленого нового курса. По сути, это создание «Общества зеленых знаний» — такой Европы, в которой граждане и предприятия наделены полномочиями с помощью ИКТ в инклюзивном, инновационном, безопасном и устойчивом обществе знаний. Для создания «Общества зеленых знаний» предлагаются следующие политические вопросы включить в повестку дня в области ИКТ для Европы до 2015 г.²

- Программа стимулирования применения ИКТ для энергосбережения во всех отраслях промышленности.

- Обеспечение использования ИКТ для более устойчивых моделей поведения граждан и бизнеса.
- Производство в ЕС нового поколения зеленых ИКТ с использованием новых технологий и структур.

Строгие оценки секторов ИКТ, сделанные Климатической группой и Глобальной инициативой по устойчивому развитию, подчеркивают, что мир может реализовать зеленую экономику и перейти к экономике с низким уровнем выбросов углерода, где есть три роли для ИКТ: стандартизация, мониторинг и, следовательно, повышение подотчетности потребления энергии; переосмысление того, как мы живем, играем, учимся и работаем на основе этих данных и преобразование существующих цепочек добавленной стоимости и интеграция процессов и систем инфраструктуры во всех секторах экономики.

По отраслям экономики можно выделить следующие экологические аспекты цифровой экономики [11].

ЭНЕРГЕТИКА

Энергопотребление цифровой инфраструктуры является значительным фактором устойчивости. Расширенное использование цифровых технологий увеличивает потребность в надежном и безопасном электроснабжении.

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

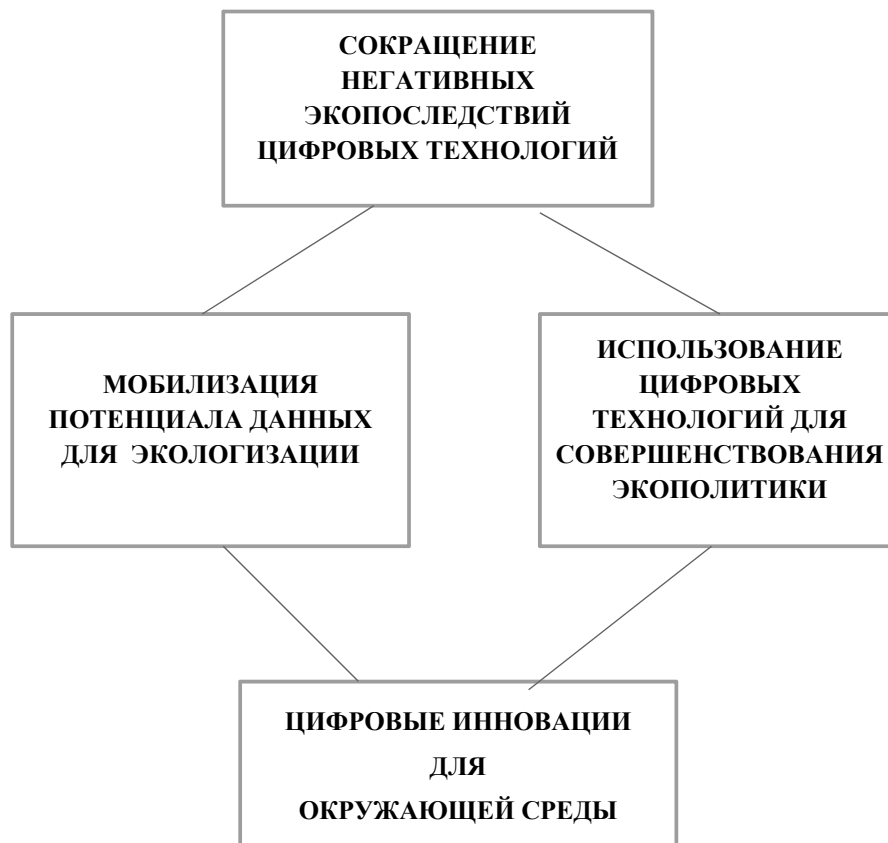
К 2030 г. ожидается увеличение роста потребности в продовольствии на 60% по сравнению с 2006 г. Климатические изменения и ресурсный дефицит создают проблемы. ООН выступает за преобразование продовольственных и сельскохозяйственных систем в мире. Цифровые технологии играют ключевую роль в решении этих проблем. Примером может служить использование аппаратуры точечного земледелия. Датчики, фотокамеры и устройства глобального позиционирования позволяют фермерам расходовать точное количество воды, пестицидов и удобрений, тратить необходимое время для выращивания культур и, таким образом, уменьшать количество вводимых ресурсов, в то же время увеличивая урожайность. В основе этого цифрового подхода лежат сбор и анализ данных о погоде, почве и качестве воздуха.

ЗДОРОВЬЕ

Цифровые технологии уже играют важную роль в решении проблем здравоохранения. Применение искусственного интеллекта также оказывает положительное влияние на этот сектор. Успешная

² A new bioeconomy strategy for a sustainable Europe, Brussels, 11 October 2018.

**Взаимодействие цифровой и зеленой экономики для достижения синергетики /
The interaction of the digital and green economies to achieve synergy**

Источник / Source: https://www.iddri.org/sites/default/files/PDF/Publications/Catalogue%20Iddri/Rapport/201804_white%20paper%20digital%20ecology.pdf.

трансформация сектора здравоохранения требует сочетания инноваций частного сектора и реформ в государственном секторе. В то же время, несмотря на пользу, не следует упускать из виду и риски цифровизации в секторе здравоохранения, особенно в отношении конфиденциальности.

ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Цифровые технологии становятся все более важными в наших домах. Электронные устройства используются для уменьшения энергопотребления, особенно в системах отопления. Несмотря на эти преимущества, не следует упускать из виду недостатки «умных домов»: проблемы конфиденциальности и обеспечения безопасности данных.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Самоуправляемые автомобили станут одним из самых больших изменений, которые цифровизация принесет нашему обществу. Они имеют ряд преимуществ с точки зрения устойчивости, но также не лишены рисков. Хотя автономные автомобили

и транспортные системы, основанные на ИКТ, являются важным аспектом цифровизации мобильности, помимо них существуют и другие. Примером может служить каршеринг (автомобилем владеют двое и более). Фирмы в этой области предоставляют автомобили, которые могут быть зарезервированы в Интернете или через приложение в телефоне. Автомобили — не единственное в сфере мобильности: можно воспользоваться общими велосипедами и такси. Цифровые технологии являются ключом к этому.

ФИНАНСЫ

В настоящее время цифровые технологии проникают в экономику ускоренными темпами. Финтех (финансовые технологии) становятся все более важными. В то время как их влияние на клиентов и поставщиков финансовых услуг тщательно анализируется, начинается реальная дискуссия о последствиях финтеха для общества. Новыми формами дальнейшего развития финтеха являются: краудфандинг (коллективное сотрудничество добровольных доноров для финансирования проектов) и вза-

имное кредитование (без банков как финансовых посредников).

Исследование синергии между зеленой и цифровой экономикой может предложить общее решение с долгосрочными последствиями (см. рисунок). Одним из ответов на проблему изменения климата

и обеспечения устойчивого развития является зеленая экономика знаний. В целом зеленая экономика может быть ответом на предсказуемое изменение климата, потерю биоразнообразия, поскольку она способствует устойчивому экономическому и социальному развитию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Evangelista R., Guerrieri P., Meliciani V. The economic impact of digital technologies in Europe. *Econ. Innov. New Technol.* 2014;(23):802–824.
2. Бритков В.Б., Зайцев Р.Д., Перелет Р.А., Ройзензон Г.В. Построение индикаторов устойчивого развития с использованием методов многокритериального принятия решений. XII Всероссийская конференция «Методологические проблемы управления макросистемами» (Апатиты, 2–8 апреля 2018 г.). Материалы докладов. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН; 2018.
Britkov V.B., Zaitsev R.D., Perelet R.A., Roizenzon G.V. Building sustainable development indicators using multi-criteria decision-making methods. In *XII Vserossiiskaya konferentsiya «Metodologicheskie problemy upravleniya makrosistemami»* (Apatity, 2–8 aprelya 2018). Apatity: FITs KNTs RAN; 2018.
3. Don Tapscott. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill; 1996.
4. Surowiecki J. *The wisdom of crowds: Why the many are smarter than the few and how collective wisdom shapes business, economies, societies, and nations*. New York, NY: Doubleday & Co.; 2004. URL: <http://psycnet.apa.org/record/2004-20179-000>.
5. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). Пер. с англ. Евтеев С.А., Перелет Р.А., ред. М.: Изд-во «Прогресс»; 1988.
Report of the World Commission on Environment and Development: *Our Common Future*. Transl. from Engl. Evteev S.A., Perelet R.A., eds. Moscow: “Progress”; 1988.
6. Souter, MacLean, Okoh and Creech. *ICTs, the Internet and Sustainable Development: Towards a new paradigm*, IISD, Winnipeg, Manitoba Canada; 2010.
7. MacLean, Andjelkovich and Vetter. *Internet Governance and Sustainable Development: Towards a Common Agenda*. IISD. Winnipeg, Manitoba, Canada; 2007.
8. von Weizsaecker, Ernst Ulrich and Wijkman, Anders. *Come On! A Report to the Club of Rome*. Springer Science; 2018.
9. Ciocoiu, Carmen Nadia. *Integrating digital economy and Green economy: opportunities for Sustainable development*. IISD; 2010.
10. Forge S., Blackman C., Bohlin E. and Cave M. *A Green Knowledge Society. An ICT policy agenda to 2015 for Europe’s future knowledge society. A study for the Ministry of Enterprise, Energy and Communications. Government Offices of Sweden. Published by SCF Associates Ltd; September 2009.*
11. Rappitsch, Christoph. *Digital Economy and Sustainability*. OIKOS; 2017. URL: <https://oikos-international.org/wp-content/uploads/2015/06/oikos-Associate-Report-2017-Digital-Economy-and-Sustainability.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ренат Алексеевич Перелет — член Римского клуба, ведущий научный сотрудник Института системного анализа, Федеральный исследовательский центр «Информатика и Управление» РАН, Москва, Россия
rperelet@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Renat A. Perelet — member of the “Club of Rome”, Leading researcher at Institute for System Analysis of the Federal Research Centre “Informatics and Management” of RAS, Moscow, Russia
rperelet@hotmail.com

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-46-56
УДК 339.72(045)
JEL F30, F32

Современные тенденции динамики международных потоков капитала

М.Ю. Головнин,

Институт экономики РАН,
Москва, Россия,

<http://orcid.org/0000-0001-6687-0744>

С.А. Никитина,

Институт экономики РАН,
Москва, Россия,

<https://orcid.org/0000-0003-3795-6973>

АННОТАЦИЯ

Глобальный экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. оказал разрушительное воздействие на международные потоки капитала. Оценка их динамики в последнее десятилетие свидетельствует, что по отдельным направлениям (например, объем обращающихся международных долговых ценных бумаг) предкризисные показатели были превышены, по ряду направлений они были почти достигнуты (потоки прямых иностранных инвестиций, совокупная капитализация мирового фондового рынка). Международное банковское кредитование пока существенно отстает от предкризисных значений. В ведущих мировых экономиках трансграничные потоки капитала относительно ВВП существенно снизились по сравнению с 2007 г. При возобновлении нарастания глобальных дисбалансов между сбережениями и инвестициями изменилась их структура по странам, и ключевую роль в них теперь играют развитые страны. В структуре международных потоков капитала основной сдвиг произошел от прочих к портфельным инвестициям при некотором увеличении роли прямых инвестиций. Существенное влияние на международные потоки капитала оказала проводившаяся в США и проводимая в настоящее время в еврозоне политика «количественного смягчения». В целом при положительных тенденциях в международном движении капитала в 2017–2018 гг. начинают проявляться новые угрозы для их развития, прежде всего в странах с формирующимися рынками.

Ключевые слова: международные потоки капитала; глобальные дисбалансы; мировой экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг.; мировые финансовые рынки

Для цитирования: Головнин М.Ю., Никитина С.А. Современные тенденции динамики международных потоков капитала. *Мир новой экономики.* 2018;12(4):46-56. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-46-56

Current Trends in the Dynamics of International Capital Flows

M. Yu. Golovnin,

Institute of Economics RAS,
Moscow, Russia,

<http://orcid.org/0000-0001-6687-0744>

S.A. Nikitina,

Institute of Economics RAS,
Moscow, Russia,

<https://orcid.org/0000-0003-3795-6973>

ABSTRACT

Global economic and financial crisis 2007–2009 had a devastating effect on international capital flows. An assessment of their dynamics over the past decade shows that in certain fields (for example, the volume of international debt securities circulating) the pre-crisis indicators were exceeded, in a number of areas they are close to the pre-crisis level (foreign direct investments, total capitalization of the world stock market), international bank lending remains significantly behind the pre-crisis values. In the leading world economies cross-border capital flows relative to GDP significantly

decreased compared to 2007. Global imbalances between savings and investments continued to grow, though their structure by countries changed, and now developed countries play a key role in them. In the structure of international capital flows the main shift occurred from the other to portfolio investment, with a slight increase in the role of direct investment. The “quantitative easing” policy in the USA and euro zone has had a significant impact on international capital flows. With generally positive trends in international capital movements in 2017–2018, new threats to their developments are beginning to emerge, primarily in countries with emerging markets.

Keywords: international capital flows, global imbalances, global economic and financial crisis of 2007–2009, international financial markets

For citation: Golovnin M. Yu., Nikitina S.A. Current trends in the dynamics of international capital flows. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):46-56. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-46-56

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОТОКОВ КАПИТАЛА

Мировой экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. привел к значительным изменениям в мировой экономике в целом и, в частности, к изменениям в международном движении капиталов, являющемся одной из движущих сил финансовой глобализации. Не случайно во время и после кризиса возникли дискуссии относительно того, насколько оправданной можно считать характеристику текущих процессов как процессов глобализации. На это можно ответить, что динамика глобализации всегда была неоднородной [1].

В период, предшествующий мировому экономическому и финансовому кризису, — 2003–2007 гг. — наблюдался значительный рост международных потоков капитала, вызванный высокими темпами экономического роста, низкими процентными ставками в начале 2000-х гг., возросшей склонностью к риску международных инвесторов.

Статистика международных потоков капитала свидетельствует об их резком спаде в большинстве крупнейших мировых экономик (рис. 1) в результате глобального кризиса и нестабильной динамики в течение последующих десяти лет¹. К схожим выводам на основе анализа статистики глобальных потоков капитала приходят С. Лунд и Ф. Эрле, которые оценивают нынешний их уровень как сопоставимый с уровнем конца 1990-х гг. [2, р. 43].

Резкое сокращение потоков капитала во время кризиса сопровождалось падением нормы сбе-

режения в мировой экономике (рис. 2), которая восстановилась в посткризисный период на более высоком уровне и стабилизировалась на отметке 26–27% ВВП в 2012–2017 гг. Однако далеко не все эти сбережения размещались за пределами национальных экономик.

Глобальные дисбалансы (между инвестициями и сбережениями²) называют одной из проблем, приведших к мировому финансовому кризису, которая статистически отражается в показателе сальдо текущего счета платежного баланса (рис. 3). Размер дисбалансов текущего счета действительно достиг максимальных значений к началу мирового экономического и финансового кризиса. Однако сам кризис привел к снижению остроты данной проблемы, а во время посткризисного периода (хотя распространение дисбалансов возобновилось) состав ключевых участников с обеих сторон несколько изменился. Если основной страной с дефицитом текущего счета платежного баланса по-прежнему оставались США, то страны Еврозоны, которые в 2008 г. демонстрировали значительное отрицательное сальдо текущего счета платежного баланса начиная с 2012 г., превратились в одного из крупнейших экспортеров капитала в мировой экономике. Доля Китая, достигшая максимума среди стран и регионов, обеспечивавших положительное сальдо в 2009 г. на пике кризиса (45%), снизилась к 2017 г. до 18,8%. Помимо Еврозоны, его обошла по этому показателю Япония. После падения цен на нефть на мировых рынках в 2014–2015 гг. страны Ближнего Востока и Северной Африки перешли в категорию стран с отрицательным сальдо текущего счета платежного баланса, хотя к 2017 г. отрицательное сальдо в этой группе стран сократилось. В результате доля США среди

¹ Мы рассчитываем валовые трансграничные потоки капитала как сумму активов и пассивов основных статей финансового счета платежного баланса (прямые, портфельные и прочие инвестиции) по модулю и рассматриваем их в отношении к национальному ВВП, выраженному в долларах США по текущему валютному курсу.

² Существуют и более широкие определения глобальных дисбалансов. См., например, [3].

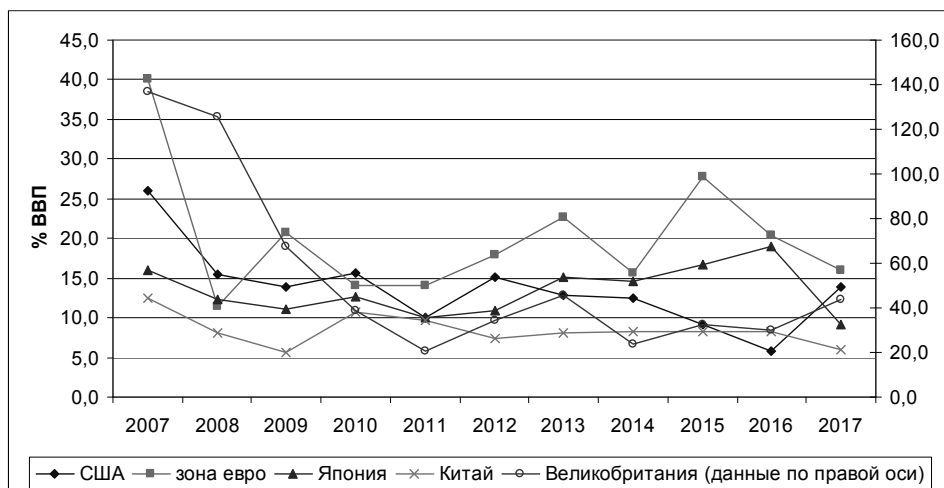

Рис. 1 / Fig 1. Валовые трансграничные потоки капитала в ведущих мировых экономиках / Gross cross-border capital flows in the world's leading economies

Источник / Source: расчеты на основе данных национальных платежных балансов. (<http://data.imf.org/regular.aspx?key=61468207>) / Authors' calculations based on the national balance of payments data (<http://data.imf.org/regular.aspx?key=61468207>).

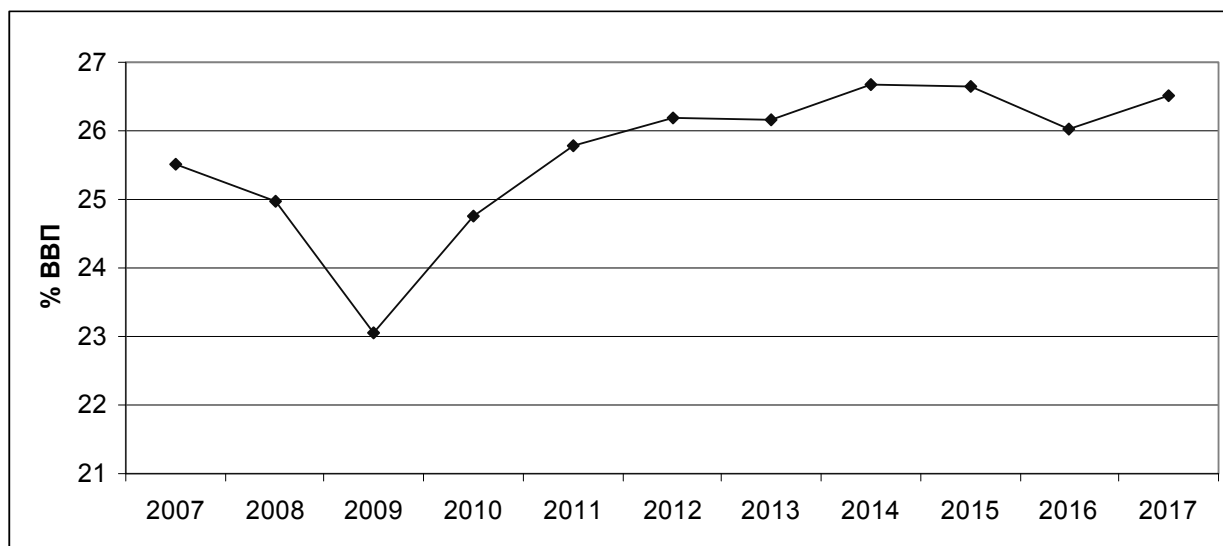

Рис. 2 / Fig. 2. Норма сбережений в мировой экономике / Saving rate in the world economy

Источник / Source: база данных World Economic Outlook as of October 2018 (<https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx>) / A dataset of the World Economic Outlook as of October 2018 (<https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx>).

стран с отрицательным сальдо текущего счета платежного баланса снизилась с 85% в 2007 г. до 50–60% в 2013–2016 гг. и лишь в 2017 г. вновь существенно повысилась до 71%.

Изменение структуры глобальных дисбалансов по сравнению с докризисным периодом, связанное с переносом основной нагрузки «положительной» их части на развитые страны (Еврозона и Япония) повышает устойчивость новой структуры и возможность ее урегулирования. Однако если переходить к деталям, то озабоченность вызывает волатильность сальдо текущего счета

в странах с формирующимися рынками. Кроме того, накопление дисбалансов развитыми странами, которые (за исключением Японии) не занимаются активным регулированием валютного курса, свидетельствует о том, что гибкие валютные курсы не являются эффективным механизмом устранения неравновесия, по крайней мере, в краткосрочном периоде [4, р. 9].

Прошедшее десятилетие, помимо глобального экономического и финансового кризиса, было отмечено серией других потрясений, повлиявших на международное движение капитала

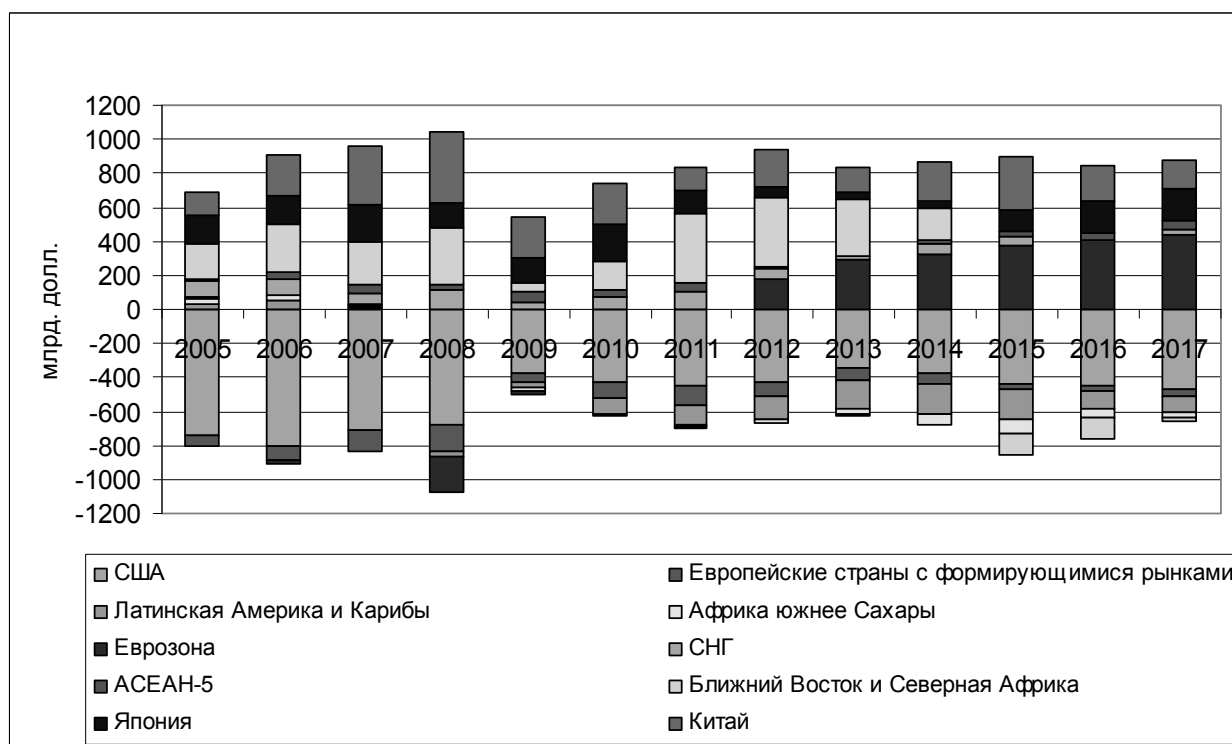

Рис. 3 / Fig. 3. Сальдо текущего счета платежного баланса / Current account balance of the balance of payments

Источник / Source: данные World Economic Outlook as of April 2018 (<https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>) / A dataset of the World Economic Outlook as of October 2018 (<https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>).

в отдельных регионах: европейский долговой кризис (2010–2013 гг.), падение цен на нефть на мировых рынках (2014–2015 гг.), замедление китайской экономики (с 2012 г.) и др. Все они в той или иной степени повлияли на динамику глобальных потоков капитала и их структуру (по сегментам и странам).

СТРУКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОТОКОВ КАПИТАЛА

Потоки прямых инвестиций, как и совокупные трансграничные потоки капитала, испытали существенный спад в 2008–2009 гг. после пика, достигнутого ими в 2007 г. Последующее восстановление потоков происходило существенно меньшими темпами, чем предкризисный рост, а в 2013–2014 гг. мировые потоки прямых инвестиций испытали очередной спад. В результате показатель 2016 г. (если оценивать по притокам капитала) был все еще на 11,6% ниже показателя 2007 г., хотя и превышал показатель 2006 г. [5, р. 2, 222].

Наибольшее сокращение среди направлений потоков капитала в посткризисный период испытало банковское кредитование, главным обра-

зом за счет сокращения внешнего кредитования банками Еврозоны и отчасти — американскими банками. В то же время некоторые страны существенно нарастили объемы трансграничного кредитования — в частности Китай, Япония, Канада [6, р. 44].

Объем международных долговых ценных бумаг к погашению вырос с конца 2007 по конец 2017 г. на 29,6%. При этом тенденция к росту не была однонаправленной — резкий рост показателя наблюдался в 2009 и 2017 гг., тогда как в 2014–2015 гг. рынок международных долговых ценных бумаг сокращался. На этом рынке доминируют развитые страны, доля которых на конец 2017 г. составляла 72,4%, однако она существенно снизилась по сравнению с концом 2007 г. (83%)³. За период с конца 2007 по конец 2016 г. государственный долг стран с формирующимися рынками увеличился более чем в два раза. Однако необходимо отметить, что основную часть этого долга составляют обязательства в национальной валюте — на конец 2016 г. только

³ Рассчитано на основе данных Банка международных расчетов (<http://stats.bis.org/statx/srs/table/c1?p=20074&c=>).

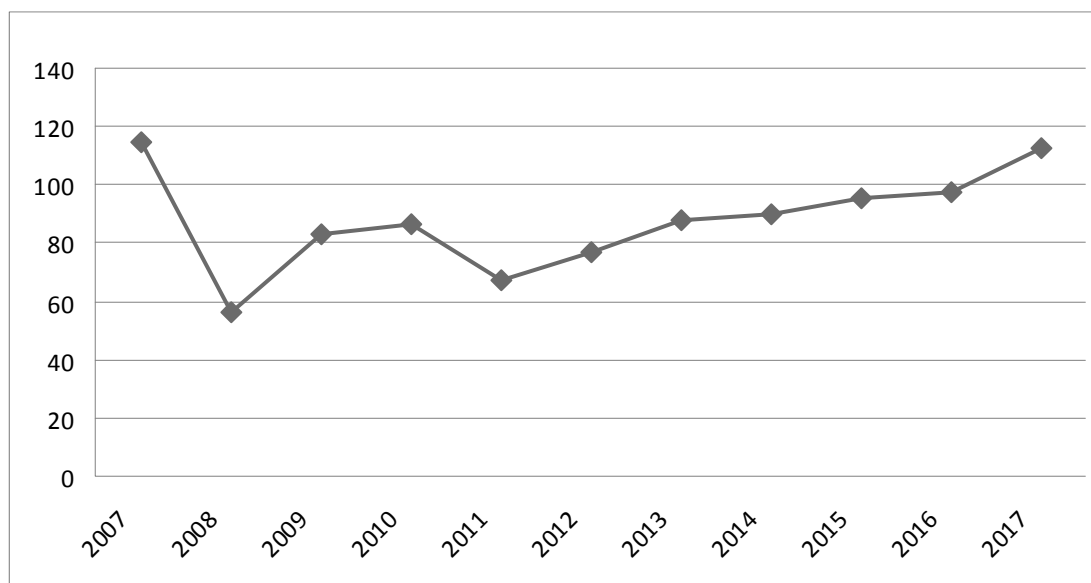

Рис. 4 / Fig. 4. Капитализация мирового фондового рынка (в % от ВВП) /
Capitalisation of the world stock market (% of GDP)

Источник / Source: данные Всемирного банка (<https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAP.GD.ZS>) / A dataset of the World Bank (<https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAP.GD.ZS>).

14% государственных заимствований осуществлялось в иностранной валюте или было привязано к валютному курсу [7, р. 22]. Таким образом, наиболее перспективным сегментом являются международные долговые ценные бумаги стран с формирующимися рынками, номинированные в их национальных валютах. Расширение этого сегмента позволит усилить позиции национальных валют данной группы стран на мировом валютном рынке.

Мировой рынок акций после резкого падения в результате глобального экономического и финансового кризиса также постепенно восстанавливался в течение последнего десятилетия, к 2017 г. относительные показатели его капитализации (по сравнению с ВВП) приблизились к докризисным (рис. 4).

При этом различные ведущие фондовые рынки, хотя в целом демонстрировали схожую динамику, отличались как по темпам роста, так и по уровню волатильности (рис. 5). Наиболее высокие темпы роста демонстрировал фондовый рынок США, в связи с чем многие аналитики высказывают мнение относительно возможного образования на нем «пузыря». Фондовый рынок Китая отличался высокой волатильностью. Резкий рост фондовых индексов Китая и последующее столь же резкое падение (происходившие с конца 2014 по начало 2016 г.) отразились на динамике мировых финансовых и товарных рынков.

Таким образом, можно говорить о восстановлении мировых рынков ценных бумаг после глобального экономического и финансового кризиса, хотя на сегментах, связанных с разными инструментами и разными странами, динамика отличалась. О продолжении процессов глобализации, в частности, свидетельствуют следующие данные: если в 2000 г. 17% всего объема акций в мире находилось в руках иностранцев, то в 2016 г. — 27%, для облигаций соответствующие показатели составляли 18 и 31% соответственно [6, р. 44].

Отдельным направлением трансграничного движения капитала, которое требует особого рассмотрения, является накопление международных валютных резервов, напрямую связанное с проведением национальной валютной политики. Активное регулирование валютных курсов странами с формирующимися рынками привело к значительному накоплению ими валютных резервов перед глобальным экономическим и финансовым кризисом: на конец 2007 г. на них приходилось 62,8% мировых валютных резервов (за вычетом золота)⁴. После некоторого замедления накопления резервов во время глобального экономического и финансового кризиса их рост продолжился в последующие годы вплоть до 2013 г. (рис. 6).

⁴ Рассчитано на основе <http://data.imf.org/regular.aspx?key=61545869>.

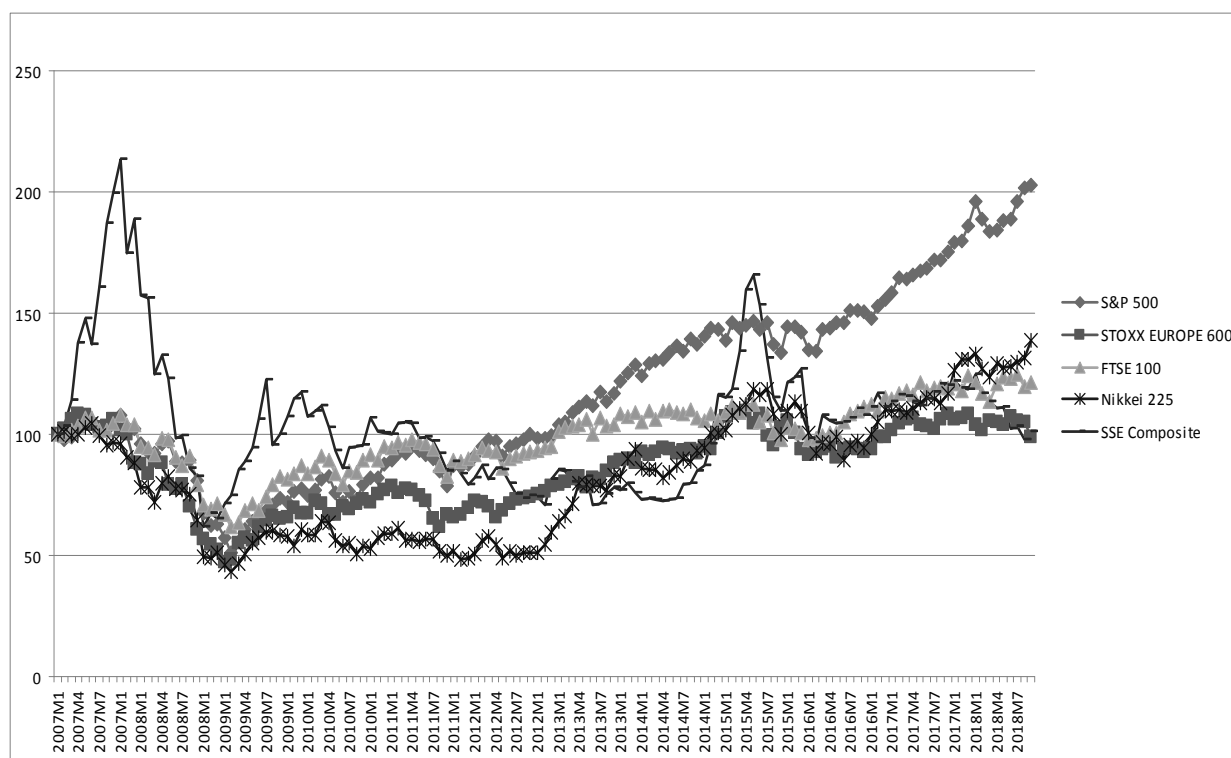

Рис. 5 / Fig 5. Динамика отдельных фондовых индексов (январь 2007 = 100) / Dynamics of some stock indices (January 2007 = 100)

Источник / Source: расчеты на основе данных yahoo.finance / calculations based on data from yahoo.finance.

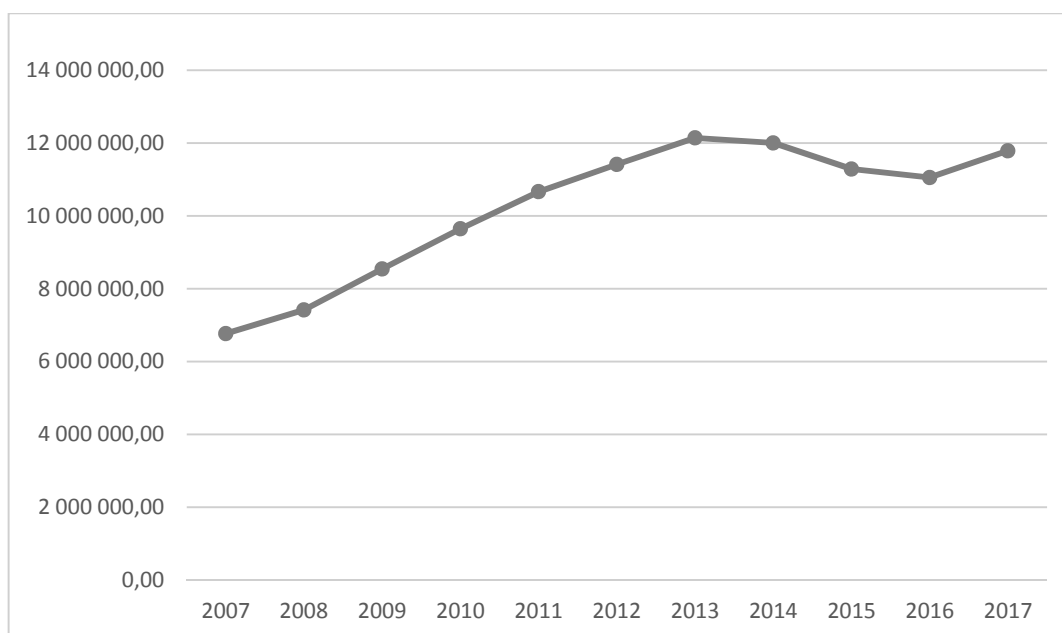

Рис. 6 / Fig. 6. Объем валютных резервов (без учета золота) в мировой экономике (на конец соответствующего года, млн долл.) / Foreign exchange reserves (excluding gold) in the world economy (at the end of the year, \$US million)

Источник / Source: данные Международного валютного фонда (<http://data.imf.org/regular.aspx?key=61545869>) / Data from the International Monetary Fund (<http://data.imf.org/regular.aspx?key=61545869>).

Однако в 2014–2016 гг. впервые наблюдалось сокращение мировых валютных резервов. Оно пришлось на период падения цен на нефть на мировом рынке, и страны — экспортеры нефти действительно поддерживали курсы своих валют путем интервенций (так произошло сокращение валютных резервов в Саудовской Аравии, России и некоторых других странах-экспортерах), но основное влияние на падение мировых валютных резервов оказал Китай. При сокращении мировых валютных резервов с конца 2014 по конец 2016 г. на 950,2 млрд долл. валютные резервы Китая за тот же период упали на 829,4 млрд долл. В этот период Китай сдерживал давление на валютный курс юаня в сторону его снижения. Рост мировых валютных резервов возобновился в 2017 г., и по итогам этого года они приблизились к отметке 2013 г.

Как уже говорилось выше, все ведущие страны — участницы международного движения капиталов столкнулись с существенным сокращением трансграничных потоков капитала по сравнению с докризисным 2007 г. и последующим их неравномерным восстановлением. Между тем зачастую изменения происходили не только в масштабах, но и в структуре потоков.

В США в 2017 г., как и в 2007 г., основным источником притока капитала продолжали оставаться портфельные инвестиции (на них приходилось 52,8 и 52%⁵ от общего объема пассивных статей финансового счета платежного баланса соответственно), но при этом возросла роль прямых инвестиций за счет прочих. Отток капитала в 2017 г. также шел по линии портфельных инвестиций, тогда как в 2007 г. лидировали потоки прочих инвестиций, а доля прямых инвестиций осталась примерно на прежнем уровне.

В Еврозоне лидерство как в притоке, так и в оттоке капитала перешло от прочих инвестиций в 2007 г. к портфельным инвестициям в 2017 г., при этом доля прямых инвестиций также несколько снизилась. С 2012 г. зона евро стала чистым экспортером капитала, причем в 2012–2013 гг. и 2015 г. происходил вывод из нее ранее сделанных вложений по линии прочих инвестиций. Таким образом, мы наблюдаем подтверждение тезиса о сокращении потоков

международного банковского кредитования за счет стран Еврозоны.

В Великобритании прочие инвестиции играли до кризиса преобладающую роль как в притоке (71,2%), так и в оттоке (68,9%) капитала. К 2017 г. структура потоков капитала несколько выровнялась. В оттоке капитала существенно повысилась доля прямых инвестиций (с 18,4 до 28,4%), а в притоке — портфельных инвестиций (с 19,3 до 31,6%).

Для Японии свойственна высокая волатильность структуры трансграничных потоков капитала в динамике. В явном виде прослеживается лишь рост прямых инвестиций за рубеж, которые в 2017 г. обеспечили 61,5% оттока капитала из страны (в 2007 г. — 16%). Приток капитала осуществлялся в основном по линии прочих или портфельных инвестиций, для 2017 г. было характерно абсолютное преобладание портфельных инвестиций (89,6%).

Китай стал активным участником на международном рынке капиталов. Хотя показатели относительной (по сравнению с ВВП) открытости его финансовой системы сокращаются (рис. 1), это связано в первую очередь с опережающим ростом ВВП. В структуре потоков капитала за 10 лет произошли существенные изменения, которые носят достаточно устойчивый характер. Если в 2007 г. Китай в основном привлекал капитал по линии прямых инвестиций (58,4%) и вывозил прочие инвестиции (87,7%), тогда как портфельные потоки в обе стороны были незначительны, то в 2017 г. структура потоков капитала была гораздо более сбалансированной. В первую очередь существенно выросли исходящие потоки прямых инвестиций. В абсолютном выражении они достигли пика в 2016 г. (216,4 млрд долл.), но и в 2017 г. их доля в оттоке капитала составляла 35,4% (2007 г. — 9,7%). Также существенно выросли потоки портфельных инвестиций, на которые приходилось в 2017 г. 38% оттока капитала и 26,8% притока капитала (в 2007 г. — 2,6 и 7,8% соответственно).

В целом в рамках глобальных потоков капитала в результате кризиса, как отмечают специалисты Европейского инвестиционного банка, произошел сдвиг от прочих инвестиций в сторону прямых и портфельных. Однако следует отметить, что авторы сопоставляют периоды 2005–2007 и 2012–2014 гг. [8, р. 17], а последние тенденции в международном движении капи-

⁵ Здесь и далее расчеты осуществлялись авторами на основе данных национальных платежных балансов (<http://data.imf.org/regular.aspx?key=61468207>).

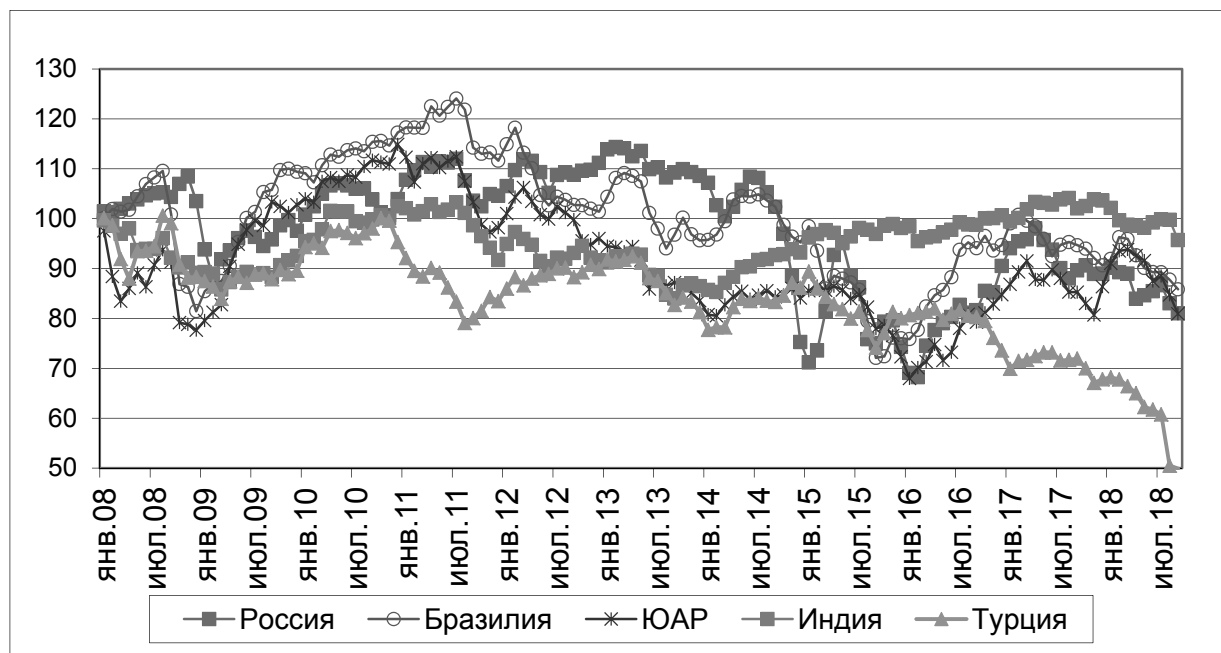

Рис. 7 / Fig. 7. Индекс реального эффективного курса в отдельных странах с формирующимися рынками (декабрь 2007 = 100) / Real effective exchange rate index in selected emerging markets (December 2007 = 100)

Источник / Source: расчеты на основе данных Банка международных расчетов (<https://www.bis.org/statistics/eer/broad1810.xlsx>) / Calculations based on the data of the Bank for International Settlements (<https://www.bis.org/statistics/eer/broad1810.xlsx>).

тала не нашли отражения в их исследовании. Проведенные нами расчеты, сопоставляющие структуру суммарных потоков капитала в 2007 и 2017 г. для США, Еврозоны, Великобритании, Японии и Китая, в целом подтверждают этот вывод. Однако сдвиг наблюдается скорее от прочих к портфельным инвестициям — как в структуре притока, так и в структуре оттока капитала. Тем не менее доля прямых инвестиций по обоим направлениям также выросла.

Однозначно интерпретировать эти данные, как это делают специалисты из Европейского центрального банка, в пользу повышения стабильности международных потоков капитала, на наш взгляд, преждевременно. Вряд ли портфельные инвестиции могут считаться более стабильными, чем прочие, хотя некоторый рост доли прямых инвестиций (с 25 до 30,1% в оттоке капитала и с 17,4 до 21,6% в притоке капитала) может все-таки определить определенный оптимизм.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛОВ

Одним из важных факторов, повлиявших в рассматриваемый период на международные потоки капитала, стала денежно-кредитная по-

литика ведущих экономик (прежде всего, США, а также Экономического и Валютного союзов). Падение процентных ставок центрального банка на пике глобального экономического кризиса в конце 2008 — начале 2009 г. в США и ряде других развитых стран практически до нулевого уровня, при прочих равных условиях, снизило привлекательность вложений в активы этих стран. Однако на пике кризиса резко возросла премия за риск и неопределенность относительно перспектив вложений за рубежом, что привело к оттоку капитала в национальные юрисдикции, из которых он распространялся перед кризисом. Не случайно в 2008 г. в США и Великобритании ранее ушедшие за рубеж портфельные инвестиции, вернувшиеся в страну, превысили продолжавшийся вывоз капитала по этому каналу. После прохождения этого этапа в 2010 г. начался приток капитала, носившего, главным образом, краткосрочный характер, в страны с формирующимися рынками. Он вызвал повышение номинальных и реальных валютных курсов в этих странах (рис. 7).

Следующим событием в денежно-кредитной политике США, оказавшим значительное влияние на международные потоки капитала, стало объявление об отказе от политики «количественного

смягчения» в мае 2013 г. и последующее фактическое сворачивание этой политики (с октября 2013 по октябрь 2014 г.). Эти меры вызвали отток капитала из стран с формирующимися рынками и также повлияли на динамику курсов их валют (рис. 7). Интересно, что в современном мире, управляемом ожиданиями, само объявление об отказе от политики «количественного смягчения» до принятия каких-либо мер в ряде стран оказало большее воздействие на потоки капитала, чем последующие фактически применявшиеся Федеральной резервной системой (ФРС) меры.

Повышение процентных ставок в США, начавшееся в декабре 2015 г., когда был запущен процесс «нормализации» денежно-кредитной политики, не оказало сильного воздействия на мировые финансовые рынки. Между тем вторая составляющая процесса «нормализации» — постепенное сокращение баланса ФРС, которая была запущена в сентябре 2017 г., вызвала рост процентных ставок по облигациям и в конечном итоге привела к некоторому спаду на фондовом рынке страны в феврале-марте 2018 г. (см. рис. 5) [9, р. 3].

Очередное негативное воздействие на трансграничное движение капитала в странах с формирующимися рынками оказало проведение протекционистской политики США во внешней торговле в сочетании с продолжающейся «нормализацией» денежно-кредитной политики. «Волна» от сочетания этих мер накрыла формирующиеся рынки в августе-сентябре 2018 г. Свою роль здесь сыграли также продолжавшееся замедление китайской экономики и внутренние экономические проблемы Аргентины и Турции [10, р. 5].

Европейский центральный банк (ЕЦБ) — второй по значимости игрок в глобальной денежно-кредитной политике — начал проводить политику нулевых процентных ставок и «количественного смягчения» с запозданием по сравнению с большинством центральных банков развитых стран под воздействием последствий долгового кризиса в Еврозоне. В 2014–2015 гг. основная процентная ставка ЕЦБ приближалась к нулю, а в марте 2016 г. была установлена на нулевой отметке⁶. Одновременно были запущены программы покупки различных активов на баланс центрального банка: обеспеченных облигаций (третья программа покупки с октября 2014 г.), ценных бумаг, обеспе-

ченных активами (с ноября 2014 г.), государственных облигаций и иных облигаций, выпускаемых организациями общественного сектора (с марта 2015 г.), корпоративных облигаций (с июня 2016 г.)⁷. Политика Европейского центрального банка, направленная на поддержку внутреннего кредитования в Еврозоне, сократила объемы внешних кредитов банков и тем самым способствовала сокращению трансграничных потоков капитала [6, р. 44]. Она также привела к снижению доходности корпоративных и государственных облигаций и частичному замещению в качестве инвестора нерезидентов Европейским центральным банком [11, р. 19]. Таким образом, можно говорить об общем сдерживающем воздействии денежно-кредитной политики в Еврозоне на трансграничные потоки капитала в последние годы.

Глобальный экономический и финансовый кризис вызвал активизацию реформирования мировой финансовой системы под эгидой Группы-20. Принятые в рамках программы глобального реформирования меры в значительной степени повлияли на динамику и структуру международного движения капиталов. Основными направлениями реформы мировой финансовой системы, как известно, стали: преодоление процикличности в динамике мировых финансовых рынков, проблемы системно значимых финансовых институтов («слишком больших, чтобы обанкротиться»), контроль за рынком внебиржевых деривативов и «теневой» банковской системой (как наименее регулируемые элементы мировой финансовой системы), борьба с офшоризацией мировой экономики. Усиление регулирования отдельных сегментов мировых финансовых рынков в целом сдерживало развитие международных потоков капитала, но одновременно было направлено на улучшение их структуры.

Нестабильность трансграничных потоков капитала, во многом создавшая трудности в ряде экономик в рассматриваемое десятилетие, поставила на повестку дня проблему регулирования этих потоков. После общей тенденции либерализации трансграничных потоков капитала в 1990-е гг. и первой половине 2000-х гг. стали активно обсуждаться (в том числе и исследователями МВФ) возможные позитивные последствия от введения отдельных валютных ограничений

⁶ https://www.ecb.europa.eu/stats/policy_and_exchange_rates/key_ecb_interest_rates/html/index.en.html.

⁷ <https://www.ecb.europa.eu/mopo/implement/omt/html/index.en.html>.

на международное движение капиталов. Теоретическим обоснованием для введения валютных ограничений может служить вероятность частичного преодоления ограничений «невозможной триады»; интернализация внешних эффектов, которые возникают, когда экономические агенты берут на себя избыточные риски, не обращая внимания на проблемы внешней финансовой стабильности [12]; снижение уровня риска в финансовой системе путем изменения временной структуры и состава притоков капитала [13, р. 6]. На практике страны с формирующимися рынками, вводя ограничения на трансграничное движение капитала, руководствовались, как правило, либо соображениями, связанными с потребностями регулирования валютного курса, либо макропруденциальными целями [14, р. 10].

В течение последнего десятилетия меры по ограничению трансграничного движения капитала вводились либо в ситуации притока спекулятивного капитала (как в Бразилии и в ряде стран Юго-Восточной Азии в результате действия эффекта «количественного смягчения» в США), либо значительного оттока капитала в кризисной ситуации (Исландия во время глобального экономического и финансового кризиса, Греция и Кипр во время долгового кризиса в Еврозоне, Аргентина и Украина в 2014 г.). Поскольку к настоящему времени действие и тех и других

факторов в острой форме завершилось, вновь преобладает тенденция к снятию валютных ограничений и либерализации потоков капитала [15, р. 33]. Но она может прерваться.

Несмотря на наличие позитивных тенденций в динамике международных потоков капитала, особенно в 2017–2018 гг., сохраняется ряд существенных рисков, способных повлиять на мировые финансовые рынки и вновь увеличить волатильность этих потоков. К числу подобных рисков относятся:

- неопределенность результатов процесса Брекзита (в том числе с точки зрения функционирования Лондона как мирового финансового центра);
- возможность усиления протекционизма в мировой торговле, который отразится и на международном движении капитала;
- влияние дальнейшей «нормализации» денежно-кредитной политики в США, которая с большой вероятностью может привести к росту курса доллара относительно других валют и ухудшению условий заимствования на мировых финансовых рынках [16];
- дестабилизация финансовых рынков в странах с формирующимися рынками под воздействием «эффекта заражения», например со стороны Турции и Аргентины (на фоне дальнейшего роста процентных ставок в США).

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–014–00032 «Новые факторы развития внешнеэкономических связей России: риски и возможности».

FUNDING

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 18–014–00032 “New factors in the development of Russia’s foreign economic relations: risks and opportunities”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Головнин М. Финансовая глобализация и ограничения национальной денежно-кредитной политики. *Вопросы экономики*. 2007;(7):20–34.
Golovnin M. Financial globalization and limitations of national credit and monetary policy. *Voprosy ekonomiki*. 2007;(7):20–34.
2. Lund S., Härtle P. Global Finance Resets. *Finance&Development*; 2017. December.
3. Сильвестров С.Н. Глобализация и глобальное регулирование: новейшие тенденции и вызовы для российской экономической политики. *Российский экономический журнал*. 2016;(3):62–91.
Sil’vestrov S. N. Globalization and global regulation: The latest trends and challenges for Russian economic policy. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2016;(3):62–91.
4. Clayes G., Demertzis M., Efstathiou K., Raposo I. G., Huettl P., Lehmann A. Analysis of developments in EU capital flows in the global context. Taking the perspective of the Capital Market Union. Bruegel

- Final Report. FISMA/2016/032/B 1/ST/OP. European Commission; 2017. November. URL: http://bruegel.org/wp-content/uploads/2018/01/171215study-bruegel-capital-flows_en.pdf.
5. World Investment Report 2017. UNCTAD, 2017.
 6. Lund S., Härle P. Global Finance Resets. *Finance&Development*; 2017. December.
 7. BIS Quarterly Review; 2017. September.
 8. Bussiere M., Schmidt J., Valla N. International Financial Flows in the New Normal: Key Patterns (And Why We Should Care). EIB Working Papers. 2016(0)2. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/144175/1/863303153.pdf>.
 9. BIS Quarterly Review; 2018. March: 3. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1803.pdf.
 10. BIS Quarterly Review; 2018; September:5. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1809.pdf.
 11. Clayes G., Demertzis M., Efstathiou K., Raposo I. G., Huettl P., Lehmann A. Analysis of developments in EU capital flows in the global context. Taking the perspective of the Capital Market Union. Bruegel Final Report. FISMA/2016/032/B 1/ST/OP. European Commission; 2017. November. URL: http://bruegel.org/wp-content/uploads/2018/01/171215study-bruegel-capital-flows_en.pdf.
 12. Korinek A. The New Economics of Capital Controls Imposed for Prudential Reasons. IMF Working Paper; 2011.
 13. Chowdhury I., Keller L. Managing Large-Scale Capital Inflows: The Case of Czech Republic, Poland and Romania. IMF Working Paper. 2012(138).
 14. Blundell-Wignall A., Roulet C. Macro-prudential policy, bank systemic risk and capital controls. *OECD Journal: Financial Market Trends*. 2013;2.
 15. Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2017. Washington DC: International Monetary Fund; 2017.
 16. Carstens A. Global market structures and the high price of protectionism. Remarks on Federal Reserve Bank of Kansas City's 42nd Economic Policy Symposium. Jackson Hole, Wyoming, 25 August 2018. URL: <https://www.bis.org/speeches/sp180825.htm>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михаил Юрьевич Головнин — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института экономики, Российская академия наук, Москва, Россия
mg-inecon@mail.ru

Светлана Алексеевна Никитина — младший научный сотрудник Института экономики, Российская академия наук, Москва, Россия
s.veta.nikitina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Mikhail Yu. Golovnin — Dr Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
mg-inecon@mail.ru

Svetlana A. Nikitina — Junior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
s.veta.nikitina@yandex.ru

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-57-66
УДК 339.56(045)
JEL F14, F15

Эволюция специализации России во взаимной торговле со странами ЕАЭС

Д.И. Ушкалова,

Институт экономики РАН,
Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-1517-4698>

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования статьи является анализ изменений специализации России во взаимной торговле со странами Евразийского экономического союза с начала функционирования единой таможенной территории. В статье дается характеристика воздействия интеграционного процесса в рамках ТС-ЕЭП-ЕАЭС на товарную структуру российского экспорта в страны группировки и возможностей реализации экспортного потенциала России на рынках стран-партнеров. Автор рассматривает важнейшие тенденции и факторы эволюции товарной структуры взаимной торговли в рамках ЕАЭС и экспорта России в эти страны, оценивает значение стран Союза для реализации экспортного потенциала России. В результате исследования делается вывод о позитивном влиянии интеграционного процесса на товарную структуру экспорта России в страны ЕАЭС: за время существования объединения удельный вес минеральных продуктов в общем объеме экспорта сократился на треть, в то время как возросла доля продукции машиностроения и химической промышленности, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. Обосновывается, что государства ЕАЭС выступают важнейшим рынком сбыта российских товаров с высокой долей добавленной стоимости, и их значение в этом качестве возрастает. Вместе с тем перспективы дальнейшей реализации экспортного потенциала России на рынках стран ЕАЭС весьма неоднозначны и будут определяться двумя факторами: темпами роста российской экономики и реальными достижениями в сфере формирования долгосрочных интеграционных эффектов.

Ключевые слова: международная экономическая интеграция; Евразийский экономический союз; товарная структура экспорта России; экспортный потенциал России

Для цитирования: Ушкалова Д.И. Эволюция специализации России во взаимной торговле со странами ЕАЭС. *Мир новой экономики.* 2018;12(3):57-66. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-57-66

The Evolution of Russia's Specialisation in Mutual Trade with the Countries of the EAEU

Daria I. Ushkalova,

Institute of Economics RAS,
Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1517-4698>

ABSTRACT

The subject of our research was the analysis of changes in the specialisation of Russia in mutual trade with the countries of the Customs Union – the Common Economic Space – the Eurasian Economic Union since the beginning of the functioning of the single customs territory. The work aims to characterise the impact of the integration process within the CU-SES-EAEU on the commodity structure of Russian exports to the grouping countries and the possibilities for realising Russia's export potential in the markets of the partner countries. The author examines the most important trends and factors in the evolution of the commodity structure of mutual trade within the EAEU and Russia's exports to these countries, assesses the importance of the EAEU countries for the realisation of the export potential of Russia. The study concluded that the integration process had a positive effect on the commodity structure of Russia's exports to the EAEU countries: during the unification, the share of mineral products in total exports decreased by one third, while the share of machinery and chemical products, food products and agricultural raw materials rose. The author substantiated that the EAEU states are the most important market for Russian goods with a high share of value added and their importance is increasing. Nevertheless, the prospect for further realisation of the export potential of Russia in the markets of the EAEU countries is very ambiguous and will be determined by two factors: the growth rate of the Russian economy and the real achievements in the field of shaping long-term integration effects.

Keywords: international economic integration; the Eurasian Economic Union; commodity structure of the Russian exports; the export potential of Russia

For citation: Ushkalova D.I. The evolution of Russia's specialisation in mutual trade with the countries of the EAEU. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy.* 2018;12(4):57-66. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-57-66

Все последние годы диверсификация товарной структуры отечественного экспорта выступает в качестве одного из важнейших приоритетов российской внешнеэкономической политики¹. Необходимость решения этой задачи являлась во многом решающим «экономическим» аргументом в пользу евразийской интеграции, а именно, создания полноценного общего рынка в рамках Евразийского экономического союза, на котором были бы достигнуты равные условия доступа для товаров стран-членов, а российские производители смогли бы беспрепятственно реализовать свои конкурентные преимущества. Движение в этом направлении было начато с формированием Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана в 2010 г. и увенчалось созданием Евразийского экономического союза, в рамках которого в целом, за некоторыми исключениями, обеспечены «четыре свободы» (свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы). С 2010 г., таким образом, российский экспорт в Беларусь и Казахстан осуществляется в условиях функционирующей единой таможенной территории (в Армению и Кыргызстан — с 2015 г.), что не могло не оказать влияния не только на динамику, но и на качественные характеристики взаимной торговли.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ТОВАРНОЙ СТРУКТУРЫ ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ В РАМКАХ ЕАЭС

Создание ТС-ЕЭП-ЕАЭС оказало весьма существенное воздействие на товарную структуру взаимной торговли его членов, форсировав процесс формирования отраслевой специализации и, соответственно, более эффективной структуры хозяйства в условиях общего рынка. Намечившаяся эволюция товарной структуры взаимной торговли в рамках ЕАЭС, как представляется, является прямым следствием интеграционного взаимодействия и важнейшим интеграционным эффектом.

Очевидно, что реальные структурные сдвиги товарного обмена отдельных стран ЕАЭС различаются из-за сохраняющейся в ряде отраслей отсталости производственного аппарата, невысокой эффективности производства и пр. [1, 2]. Кроме того,

¹ См., например, Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-п (ред. от 28.09.2018) (<http://static.government.ru/media/files/aa00FKSheDLiM99HEcyrygtfmGzrnAX.pdf>).

несмотря на потенциальные возможности открытия взаимных рынков, по-новому структурировать взаимный обмен не удастся в силу недостаточной комплементарности экономик стран, узости национальных рынков [2]. Анализ показывает, что реальные возможности структурного маневра в ЕАЭС обусловлены в первую очередь улучшением доступа на российский рынок, подключением к модернизационным процессам в России и связанной с ними конфигурацией отраслевой и межотраслевой международной кооперации. При этом, несмотря на имеющиеся ограничители, различные исследования доказывают увеличение индекса Грубеля–Ллойда [3], отражающего качество внутриотраслевой торговли, как в рамках Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана в 2010–2012 гг., так и в рамках ЕАЭС (за исключением Кыргызской Республики) в 2015–2017 гг. [4; 5, с. 60].

Тенденции изменения товарной структуры взаимной торговли России, Беларуси и Казахстана наметились непосредственно после создания Таможенного союза в 2010 г. На фоне относительно высоких темпов роста взаимной торговли в рамках Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Беларуси и Казахстана в 2010–2012 гг.² динамика поставок по различным товарным группам существенно различалась (табл. 1).

После связанного с отменой экспортных пошлин на нефть (при вывозе из России в Беларусь) взрывного роста взаимных поставок минеральных продуктов в 2010 — первой половине 2011 г. лидером по темпам роста (в 1,6 раза), по итогам 2011 г., стал экспорт машин, оборудования и транспортных средств, а в 2012 г. — такие товарные группы, как «кожевенное сырье, пушнина и изделия из них» (удельный вес которых в товарной структуре экспорта весьма незначителен) и «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» (прирост составил 20%). Именно последняя товарная группа показала наилучшую динамику экспорта (55%) во взаимной торговле России, Беларуси и Казахстана и в целом за период 2011–2017 гг.

Второе место по данному показателю среди укрупненных товарных групп (38,1%) занимает продукция химической промышленности. В число лидеров по темпам прироста экспортных поставок

² Темпы роста экспорта России в страны ТС-ЕЭП в 2011 и 2012 гг. составляли соответственно 132,9 и 109%, Беларуси — 145,7 и 112,7%.

Таблица 1 / Table 1

Динамика взаимной торговли (экспорта) государств – членов ТС-ЕП-ЕАЭС (до 2014 г. – Россия, Беларусь, Казахстан) по укрупненным товарным группам в 2011 – 2018 гг. (в % к предыдущему году) / Dynamics of mutual trade (exports) of the CU-CES-EAEU member states (up to 2014 – Russia, Belarus, Kazakhstan) in the enlarged commodity groups in 2011 – 2018 (as a percentage of the previous year)

Наименование укрупненной группы	2011	2012		2013		2014		2015		2016		2017		2017/2010		Январь – июль 2018
		Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	
Всего	133,9	107,5	107,5	95,1	90,7	76,8	74,5	93,7	94,2	125,9	126,1	112,5	117,0			
из них:																
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	117,6	120,5	116,9	97,7	84,2	79,2	74,5	99,8	100,9	114,2	114,8	155,3	107,6			
Минеральные продукты	140,1	101,1	83,5	84,2	84,7	74,5	74,5	75,8	76,4	129,7	129,4	83	122,0			
Продукция химической промышленности	120,6	106,8	105	91,2	90,9	84,3	84,3	100	100,2	123,2	123,2	138,1	110,3			
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	136,7	176,7	84,5	90,2	51,3	83,4	83,4	120,8	123	112,4	113,3	128,3	97,0			
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	115,6	98,4	101,9	98,8	80,9	73,3	73,3	104,9	104,9	122,2	122,1	118,6	117,3			
Текстиль, текстильные изделия и обувь	121,1	113,6	106,7	96,3	66,7	77,7	77,7	110,6	108,7	112,3	118,4	117	112,0			
Металлы и изделия из них	117,1	102,4	103,6	82,3	71	68,8	68,8	99,5	99,8	146,2	145,7	105,5	121,3			
Машины, оборудование и транспортные средства	162,1	113,2	92,6	96,7	58,8	65,6	65,6	101,4	101,5	130,4	130,3	127,8	124,9			

Источник / Source: данные Евразийской экономической комиссии (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx) / data of the Eurasian Economic Commission (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx).

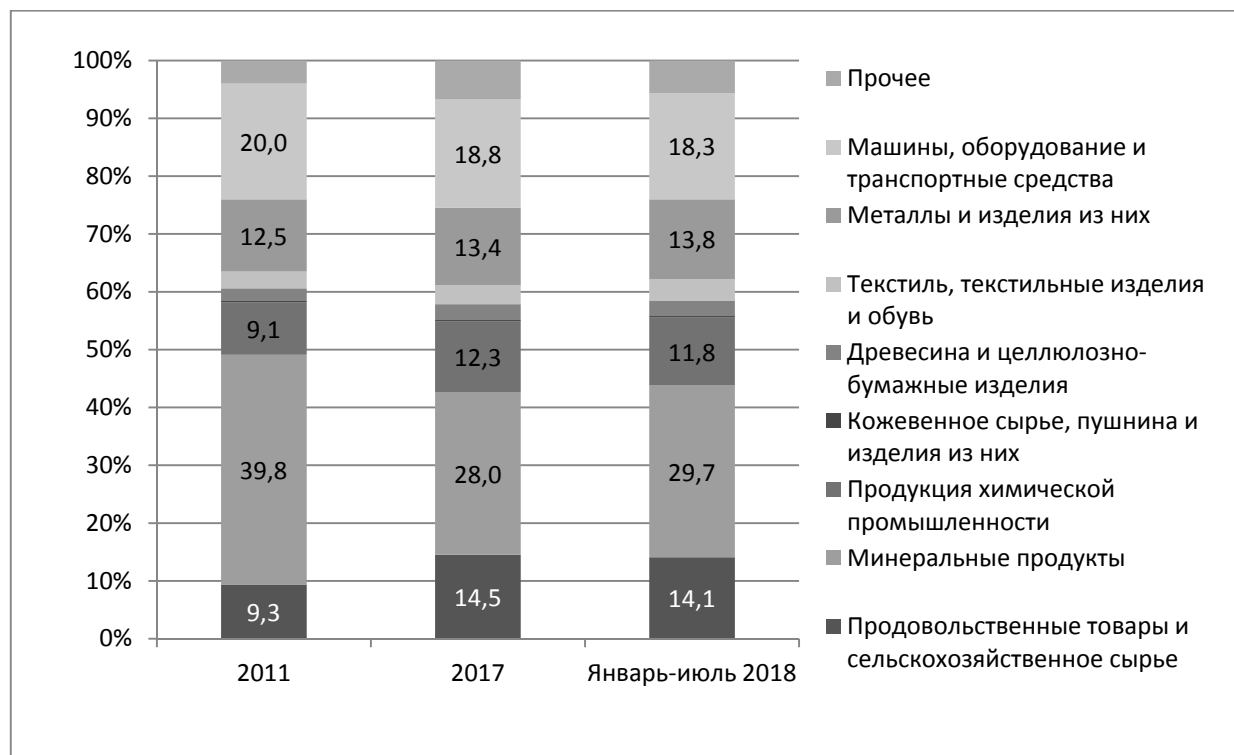

Рис. 1 / Fig. 1. Товарная структура взаимной торговли России, Беларуси и Казахстана в 2011 и 2017 гг. (в % к итогу) / Commodity structure of mutual trade of Russia, Belarus and Kazakhstan in 2011 and 2017 (as a percentage of the total)

Источник / Source: расчеты на основе данных Евразийской экономической комиссии (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx) / calculations based on the data of the Eurasian Economic Commission (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx).

в 2010–2017 гг. входят и машины, оборудование и транспортные средства (прирост составил 27,8%). В результате товарная структура взаимной торговли России, Беларуси и Казахстана в 2011–2017 гг. претерпела существенные изменения (рис. 1).

Удельный вес продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья возрос с 9,3% в 2011 г. до 14,5% в 2017 г., продукции химической промышленности — с 9,1 до 12,3%, в то время как доля минеральных продуктов снизилась почти на 12 процентных пунктов — с 39,8 до 28%. В то же время удельный вес продукции машиностроения несколько сократился. Изменения в товарной структуре взаимной торговли России, Беларуси и Казахстана в целом свидетельствуют о позитивном тренде снижения удельного веса минерального сырья и формировании единого рынка продовольственных товаров в рамках ЕАЭС.

Указанные изменения были обусловлены эволюцией отраслевой специализации стран и, соответственно, разнонаправленной динамикой их экспортных поставок по различным товарным группам.

При этом за время существования ТС-ЕЭП-ЕАЭС развитие взаимных торговых отношений прошло несколько этапов и осложнялось периодами кризиса.

ЭВОЛЮЦИЯ ТОВАРНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКСПОРТА РОССИИ В СТРАНЫ ЕАЭС

За годы интеграционного процесса в рамках ТС-ЕЭП-ЕАЭС товарная структура российского экспорта в страны группировки существенно улучшилась: удельный вес минеральных продуктов сократился с 52,3% в 2011 г. до 36,9% в 2017 г., в то время как доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья возросла с 5,6 до 8,4%. В предкризисные годы впечатляющую динамику демонстрировал российский экспорт машин и оборудования, удельный вес которого в товарной структуре поставок возрос с 14,2% в 2011 г. до 21,3% в 2014 г., однако в ходе кризиса сократился до 15,8–15,9% в 2015–2016 гг. (рис. 2). По мере оживления экономик стран ЕАЭС наблюдалось и восстановление доли данной товарной группы до 16,8% в январе — июле 2018 г.

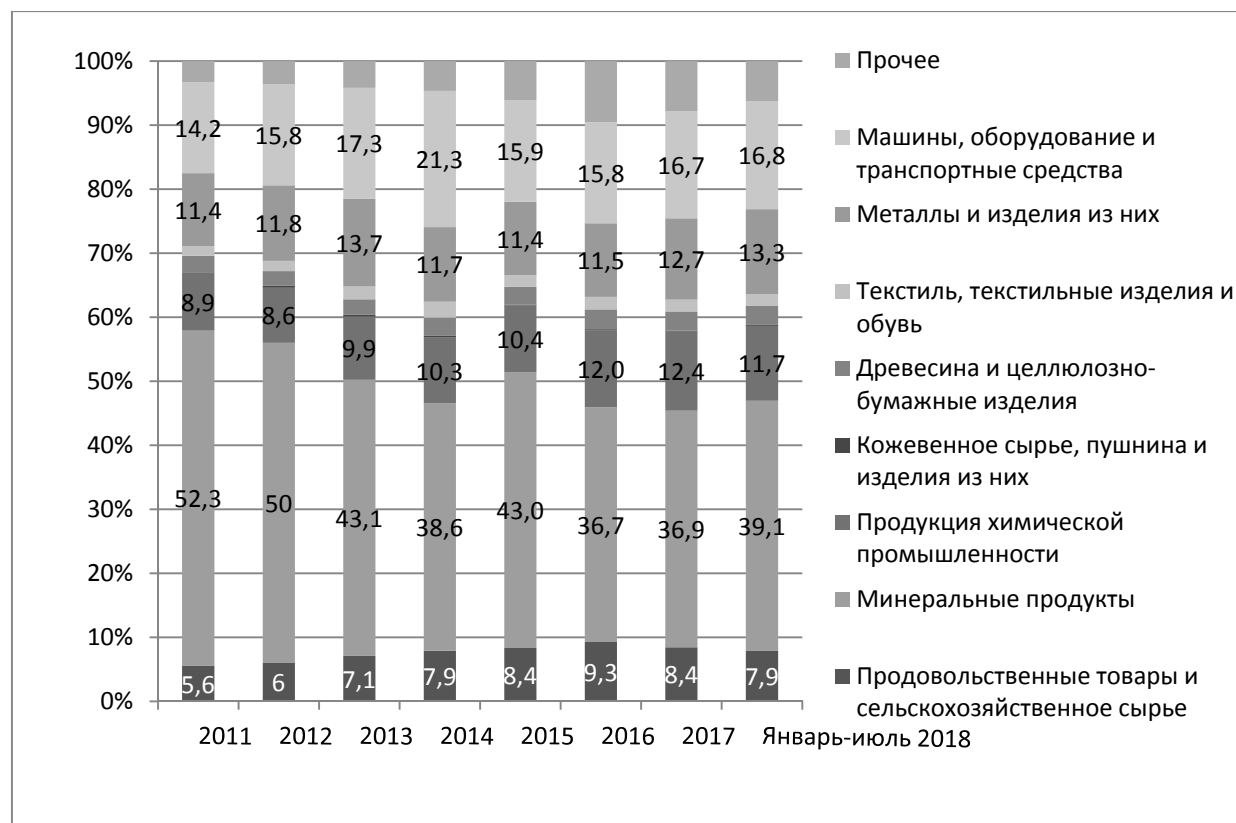

Рис. 2 / Fig. 2. Эволюция товарной структуры экспорта России в страны ЕАЭС в 2011–2018 гг. (в % к итогу) / Evolution of the commodity structure of Russia's exports to the EAEU countries in 2011–2018 (percentage of total)

Источник / Source: данные Евразийской экономической комиссии (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx) / data of the Eurasian Economic Commission (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx).

Важнейшим драйвером улучшения товарной структуры экспорта России в страны ЕАЭС выступил опережающий рост поставок несырьевых товаров, особенно заметный на фоне снижения цен на энергоносители (табл. 2). Так, по итогам 2011–2017 гг. стоимостные объемы российского экспорта машиностроительной продукции возросли почти в 1,7 раза, продукции химической промышленности — в 1,4 раза, в то время как поставки минеральных продуктов сократились более чем на четверть. Наиболее высокие темпы роста экспорта машин, оборудования и транспортных средств наблюдались в первый год полноценного функционирования единой таможенной территории России, Беларуси и Казахстана, демонстрируя классические торговые эффекты интеграции [4, с. 85; 6], а также в 2017 г. — в условиях посткризисного оживления рынков. Экспорт машиностроительной продукции в сравнении с другими товарными группами в целом показывает высокую

эластичность к изменениям макроэкономической конъюнктуры, находясь в числе лидеров как по темпам снижения в кризисный 2015 г., так и по темпам восстановления в 2017 г. Исходя из этого, следует ожидать дальнейшего роста удельного веса данной группы товаров в структуре экспорта России по мере улучшения экономической динамики в России и странах ЕАЭС.

При этом следует отметить, что существенное сокращение российского экспорта в страны ЕАЭС и удельного веса в нем продукции с высокой долей добавленной стоимости в кризисный период, безусловно связанное со снижением платежеспособного спроса в регионе, в значительной степени объясняется статистическими эффектами от снижения курса российского рубля. С учетом специфики валютной структуры расчетов, стоимостные объемы взаимной торговли России с государствами ЕАЭС в большей степени, чем торговля со странами дальнего зарубежья, зависят от курса российского

Таблица 2 / Table 2

Динамика экспорта России в страны ТС-ЕЭП-ЕАЭС по укрупненным товарным группам в 2011–2017 гг. (в % к предыдущему году) / Dynamics of Russia's exports to the CU-CES-EAEU countries by enlarged commodity groups in 2011–2017 (as a percentage of the previous year)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017/2010
Экспорт-всего	132,9	109	91,8	88,1	78,1	92,1	128,1	108,0
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	111,4	117,1	108,4	98,5	78,6	101,6	116,4	129,5
Минеральные продукты	145,9	104,1	79,3	78,9	76,5	79,1	129,1	74,2
Продукция химической промышленности, каучук	119,4	105,6	104,8	91,8	82,7	105,5	132,1	139,8
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	135,3	171,8	101	96,9	75,6	112	108,5	209,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	111,9	97,1	96,8	101,4	70,8	102,3	124	95,8
Текстиль, текстильные изделия и обувь	123,7	119,5	112,7	109,4	78,1	97,5	120,2	166,8
Металлы и изделия из них	108,8	112,1	107,1	74,8	75,7	92,5	141,5	96,8
Машины, оборудование и транспортные средства	141,5	120,9	100,6	108,3	73,4	89,4	135,6	165,8

Источник / Source: расчеты на основе данных Евразийской экономической комиссии (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx) / calculations based on the data of the Eurasian Economic Commission (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx).

рубля по отношению в доллару США — валюте, в которой ведется статистический учет внешнеторговых операций. Так, удельный вес рубля в общем объеме поступлений за поставки товаров и оказание услуг по внешнеторговым договорам в Российскую Федерацию из стран ЕАЭС и перечислений в эти страны все последние годы находится вблизи отметки в 70% (табл. 3).

Фактически, таким образом, большая часть взаимной торговли осуществляется в рублях, а учитывается в долларах США, что в условиях резкого снижения курса российской валюты в 2014–2016 гг. нередко приводит к неверным выводам в отношении реальных физических и стоимостных (в рублевом выражении) объемов экспорта и импорта. Например, в 2015 г. (по сравнению с 2014 г.) при росте физических объемов поставок посудомоечных машин, оборудования для заполнения и закупорки емкостей, упаковки товаров (в штуках) из России в Беларусь в 2,3 раза их стоимостные объемы возросли только на 22,3%, а при снижении физических объемов поставок

стиральных машин на 8,2% их стоимостные объемы сократились на 22,7%³.

Таким образом, сокращение стоимостных объемов российских экспортных поставок после снижения курса рубля, фиксируемое статистикой внешней торговли, не означало фактического снижения рублевых поступлений от экспорта и его рентабельности. Более того, для России, с учетом повышения ценовой конкурентоспособности ее товаров в результате обесценения рубля, сложившаяся в 2015–2018 гг. ситуация расширила возможности по наращиванию своего присутствия на рынках стран ЕАЭС⁴. При этом с середины 2017 г. положительное влияние на объемы российских поставок начал оказывать как рост экспортных цен, так и уве-

³ Данные Евразийской экономической комиссии (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/2015/12_180_1.aspx).

⁴ Например, по некоторым оценкам, уже в IV квартале 2014 г., после резкого снижения курса рубля, в Казахстане наблюдался рост спроса на российскую продукцию промежуточного потребления, инвестиционные и потребительские товары [7].

Таблица 3 / Table 3

Валютная структура расчетов за поставки товаров и оказание услуг по внешнеторговым договорам между Российской Федерацией и странами ЕАЭС (в % к итогу) / The currency structure of payments for the supply of goods and services under foreign trade agreements between the Russian Federation and the EAEU countries (as a percentage of the total)

	2013	2014	2015	2016	2017	Январь – июнь 2018
Поступления, всего	100	100	100	100	100	100
в российских рублях	10,2	13,2	12,3	14,8	14,3	13,1
в долларах США	79,6	76,0	72,9	69,2	68,2	69,5
в евро	9,1	8,4	13,1	14,1	15,6	15,9
в иных валютах	1,1	2,4	1,7	1,8	1,9	1,5
Страны ЕАЭС	100	100	100	100	100	100
в российских рублях	53,8	71,8	66,2	68,1	69,6	69,4
в долларах США	36,4	22,6	25,7	24,1	22,7	22,1
в евро	8,8	4,6	6,7	6,5	6,3	7,2
в иных валютах	1,0	1,0	1,4	1,3	1,4	1,3
Перечисления, всего	100	100	100	100	100	100
в российских рублях	28,0	30,2	28,0	29,4	30,7	30,2
в долларах США	40,6	39,6	41,4	36,7	36,3	36,3
в евро	29,9	28,1	28,4	31,1	30,1	30,3
в иных валютах	1,5	2,0	2,2	2,7	2,9	3,2
Страны ЕАЭС	100	100	100	100	100	100
в российских рублях	60,7	70,3	68,5	77,4	78,1	77,9
в долларах США	33,4	23,5	25,0	16,7	16,1	15,7
в евро	4,2	4,1	4,0	4,0	3,6	4,3
в иных валютах	1,7	2,1	2,5	1,9	2,2	2,1

Источник / Source: данные Банка России (раздел «Статистика внешнего сектора») (<http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=svs>) / Bank of Russia data (section "External sector statistics") (<http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=svs>).

личение физического спроса, обусловленное не только посткризисным восстановлением экономик стран ЕАЭС, но и ростом конкурентоспособности российских товаров, расширением экспортного предложения. В этих условиях рынок стран ЕАЭС в перспективе может позволить в максимальной степени реализовать конкурентные преимущества российской экономики. Этому будут способствовать не только традиционные факторы — сохранившаяся со времен СССР высокая комплементарность, наработанность механизмов взаимодействия и пр.,

но и более широкие, по сравнению с третьими странами, возможности создания новых экспортных направлений.

ЗНАЧЕНИЕ СТРАН ЕАЭС ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Динамика российского экспорта в страны ЕАЭС и его товарной структуры в последние годы демонстрирует наличие значительного экспортного потенциала России на рынках стран —

партнеров по Союзу. Государства ЕАЭС остаются важнейшим рынком сбыта российских товаров с высокой долей добавленной стоимости, и их значение в этом качестве возрастает: если в кризисных 2015–2016 гг. на долю Евразийского союза приходилось 27,3% от общего стоимостного объема российского экспорта машин, оборудования и транспортных средств, то, по итогам 2017 г., данный показатель достиг 31%⁵. Для значительной части российской машиностроительной продукции страны ЕАЭС являются ключевым рынком сбыта. Например, в 2017 г. в ЕАЭС направлялось 52,9% физического объема экспорта отечественной дорожной и строительной техники, 46,2% телевизоров, мониторов и проекторов, 54,8% легковых и 71,5% грузовых автомобилей⁶.

По данным Российского экспортного центра, в 2017 г. Казахстан и Беларусь занимали соответственно 2- и 3-е места в рейтинге ведущих импортеров российских несырьевых неэнергетических товаров, уступая только Китаю и вошли в число лидеров по приросту стоимостного объема поставок этих товаров. Так, по сравнению с 2016 г., несырьевой неэнергетический экспорт России в Казахстан в 2017 г. возрос на 2,28 млрд долл. (на 28%), в Беларусь — на 2,089 млрд долл. (32%). Лидерами по темпам роста российских поставок в Казахстан среди несырьевых неэнергетических товаров явились, в частности, бытовая химия, подгузники и прокладки, автомобили и комплектующие, ж/д техника, стальная продукция, сахар, в то время как в Беларусь — стальная продукция, легковые автомобили и комплектующие, энергосиловое и отраслевое оборудование⁷. В целом же товарная структура несырьевого неэнергетического экспорта России в Беларусь и Казахстан выглядит несколько лучше, чем в Китай: если в поставках в Китай 2-е место по значимости после продукции машиностроения, на которую приходится 36%, занимают лесобумажные товары (26%), то в торговле с Казахстаном и Беларусью — продукция химической промышленности (рис. 3).

⁵ Расчеты автора на основе данных Евразийской экономической комиссии (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx).

⁶ Расчеты автора на основе данных Евразийской экономической комиссии (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx).

⁷ Развитие общего и несырьевого неэнергетического экспорта в 2017 г. М.: Российский экспортный центр; 2017.

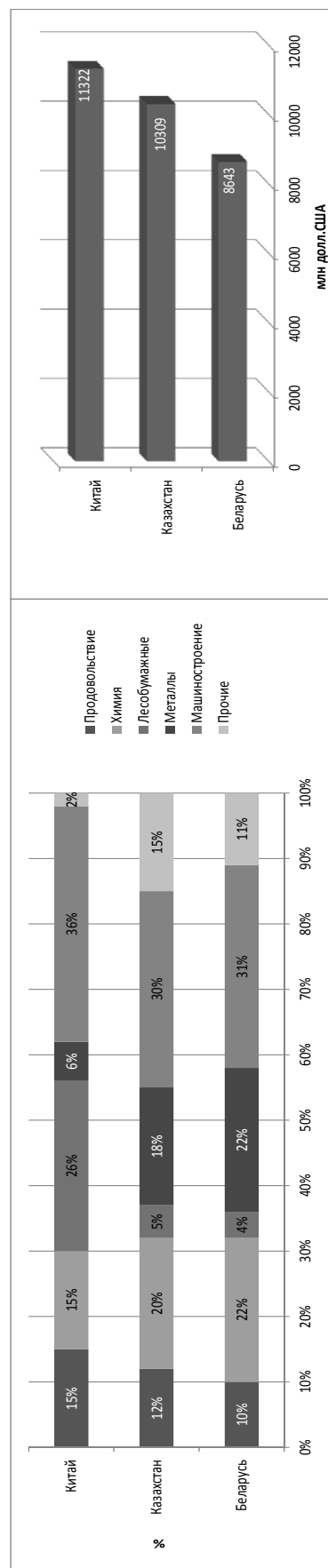

Рис. 3 / Fig. 3. Товарная структура экспорта России в Китай, Казахстан и Беларусь (без экспорта сырья и продукции энергетики) / Commodity structure of Russian exports to China, Kazakhstan and Belarus (without exports of raw materials and energy products)

Источник / Source: Развитие общего и несырьевого неэнергетического экспорта в 2017 г. М.: Российский экспортный центр; 2017. С. 15 / Development of general, non-primary and non-energy exports in 2017: Russian export centre; 2017:15.

Позитивные изменения в торговле России со странами ЕАЭС в последние годы, однако, не должны вводить в заблуждение относительно дальнейшей реализации ее экспортного потенциала в регионе. Оживление взаимной торговли в 2017–2018 гг. носит восстановительный характер после обвала 2015–2016 гг., а наиболее значимые результаты были достигнуты на первом этапе интеграционного строительства в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Беларуси и Казахстана и явились следствием так называемых среднесрочных эффектов интеграции, которые наблюдаются непосредственно после формирования интеграционной группировки и приводят к выходу объемов взаимной торговли на новый уровень, однако не меняют качественные характеристики ее роста в долгосрочной перспективе. Именно исчерпанием этих среднесрочных эффектов в значительной степени, наряду с замедлением российской экономики, обусловлено ухудшение динамики взаимной торговли в рамках ТС-ЕЭП, начавшееся еще в конце 2013 г. [6] Возникновение же долгосрочных интеграционных эффектов связано не столько с «негативной» интеграцией (в виде устранения барьеров для свободного движения товаров и факторов производства), сколько с «позитивной» [8] — реализацией потенциала создания полноценного общего рынка, создания на нем стабильных условий для улучшения экономической динамики

[6]. Ведущим фактором роста экономик государств ЕАЭС при этом становится возникновение синергетического эффекта [9, 10].

Таким образом, перспективы дальнейшей реализации экспортного потенциала России на рынках стран ЕАЭС будут, как представляется, определяться двумя факторами: темпами роста российской экономики, оказывающими непосредственное влияние на экономическую динамику в государствах Союза, и реальными достижениями в сфере формирования долгосрочных интеграционных эффектов — тем, сможет ли создание Союза привести к формированию более совершенного хозяйственного механизма, содействовать модернизации структуры хозяйства его членов и, тем самым, способствовать повышению темпов и качества экономического развития.

Исходя из этого, внешнеторговая стратегия России на пространстве ЕАЭС на современном этапе, помимо непосредственной поддержки экспортеров в реализации их потенциала, должна предполагать формирование такой архитектуры интеграционного процесса в рамках Союза, которая при переходе к экономическому росту сможет обеспечить эффективное подключение партнеров по интеграции к процессам структурной перестройки и модернизации, результатом чего должно стать формирование более совершенного общего рынка, адаптированного к условиям функционирования мировой экономики.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–014–00032 «Новые факторы развития внешнеэкономических связей России: риски и возможности».

FUNDING

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 18–014–00032 “New factors in the development of Russia’s foreign economic relations: risks and opportunities”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты. Глинкина С. П., ред. М., СПб.: Нестор-История; 2012.
2. Вардомский Л. Б. Экономические отношения России и стран СНГ: итоги 25-летия. Итоги трансформации, или какой капитализм мы построили. Материалы международной научной конференции. М.; 2017. С. 253–266.
3. Grubel H., Lloyd P. Intra-industry Trade: The Theory and Measurement of International Trade with Differentiated Product. London: Macmillan; 1975.
4. Липин А. С., Полякова О. В. Оценка интеграционных процессов в Едином экономическом пространстве на примере торговли товарами. *Практика интеграции*. 2014;1(22):80–96.
5. Лисоволик Я. Д., Кузнецов А. С., Бердигулова А. Р. Специальный доклад. Внешнеторговые операции стран — участниц ЕАЭС: тенденции и потенциальные точки роста. *Макрообзор ЕАБР*. 2018; Февр.:48–66.

6. Глинкина С. П., Вардомский Л. Б., Ушкалова Д. И., Фурман Е. Д., Хейфец Б. А. Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации. Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я., ред. В 3-х т. Т. 3 «Россия в глобальном мире». СПб.: Алетейя; 2014:245–294.
7. Алпысбаева С. Н., Кенжебулат М. К., Камзин А. А., Каскеев С. Е. Структурные изменения во взаимной торговле Казахстана и России в условиях внешних шоков и различий в проведении монетарной политики. *Евразийская экономическая интеграция*. 2015;2(27):41–52.
8. Tinbergen J. *International Economic Integration*. Amsterdam: Elsevier; 1954.
9. Ткаченко И. Ю., Шарыкина Ю. В. Проблемы интеграции на постсоветском пространстве в формате ЕАЭС. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016;(10):34–49.
10. Головнин М. Ю., Захаров А. В., Ушкалова Д. И. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016;(60):61–69.

REFERENCES

1. Modernisation in the countries of the Russian neighbourhood belt: structural and technological aspects. Glinkina S. P., ed. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2012. (In Russ.).
2. Vardomskiy L. B. Economic relations of Russia and the CIS countries: the results of the 25th anniversary. In *The results of the transformation, or what kind of capitalism we have built. Materials of the international scientific conference*. Moscow; 2017:253–266. (In Russ.).
3. Grubel H., Lloyd P. *Intra-industry Trade: The Theory and Measurement of International Trade with Differentiated Product*. London: Macmillan; 1975.
4. Lipin A. S., Polyakova O. V. Evaluation of integration processes in Common Economic Space by the example of merchandise trade. *Praktika integracii*. 2014;1(22):80–96. (In Russ.).
5. Lisovolik Ya. D., Kuznetsov A. S., Berdigulova A. R. Special Report. Foreign trade operations of EAEU members: trends and potential points of growth. *Makroobzor EABR*; 2018; Febr.:48–66. (In Russ.).
6. Glinkina S. P., Vardomskiy L. B., Ushkalova D. I., Furman E. D., Kheyfez B. A. Eurasian Integration Project: effects and problems of realisation. In *Urbi et Orbi*. Grinberg R. S. and Rubinshtein A. Ya., eds. Three volumes. Volume 3 “Russia in Global World”. St.-Petersburg: Aleteya; 2014:245–294. (In Russ.).
7. Alpysbaeva S. N., Kenzhebulat M. K., Kamzin A. A., Kaskeev S. E. Structural changes in mutual trade of Kazakhstan and Russia in the context of external shocks and differences in the conduct of monetary policy. *Evraziyskaya ekonomicheskaya integraciya*. 2015;2(27). (In Russ.).
8. Tinbergen J. *International Economic Integration*. Amsterdam: Elsevier; 1954.
9. Tkachenko I. Yu., Sharykina Yu. V. Problems of integration in the post-Soviet space in the format of the EAEU. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*. 2016;(10):34–49. (In Russ.).
10. Golovnin M. Yu., Zakharov A. V., Ushkalova D. I. Economic Integration: Lessons for the Post-Soviet Space. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016;60(4):61–69. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Игоревна Ушкалова — кандидат экономических наук, руководитель Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей Института экономики, Российская академия наук, Москва, Россия
ushkalova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria I. Ushkalova — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Center for International Macroeconomic Research and Foreign Economic Relations of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ushkalova@mail.ru

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-67-76
УДК 339.92(045)
JEL F02

Отраслевое сотрудничество стран БРИКС: потенциал и приоритеты реализации

Л.С. Ревенко,

Государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1519-1183>

Н.С. Ревенко,

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0359-5201>

АННОТАЦИЯ

Страны БРИКС все более активно расширяют многосторонние формы сотрудничества, переходя от политических к экономическим направлениям. Основой их экономического взаимодействия является заинтересованность в использовании ресурсов и опыта других партнеров по объединению для развития своих экономик и продвижения на экспорт товаров, технологий и услуг в интересах национальных производителей. Целью исследования является анализ потенциала и выявление наиболее перспективных направлений отраслевого сотрудничества. При его проведении использовались дедуктивный метод, методы сравнительного и статистического анализа, исторических аналогий, экспертных оценок. Приоритеты отраслевого сотрудничества определяются на основе национальных экономических стратегий и согласовываются в ходе саммитов БРИКС. Повышение конкурентоспособности экономик стран БРИКС рассматривается на современном этапе в контексте роста эффективности производства, в том числе повышения энергоэффективности, совершенствования логистики, внедрения новых технологий. Наиболее перспективными направлениями являются сотрудничество в добыче нефти и газа на шельфе, атомной энергетике, строительстве малых ГЭС, создании транспортных коридоров, включая строительство высокоскоростных железнодорожных магистралей и обустройство Северного морского пути. В числе отраслевых приоритетов также выделяется сотрудничество в аграрном секторе для решения проблемы продовольственной безопасности и в сфере цифровизации всех секторов экономики для использования возможностей, предоставляемых информационно-коммуникационными технологиями.
Ключевые слова: отраслевое сотрудничество; БРИКС; нефтедобыча на шельфе; энергетика; транспортный коридор; аграрный сектор; цифровизация

Для цитирования: Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Отраслевое сотрудничество стран БРИКС: потенциал и приоритеты реализации. *Мир новой экономики.* 2018;12(4):67-76. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-67-76

Sectoral Cooperation of the BRICS Countries: Potential and Implementation Priorities

L.S. Revenko,

Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1519-1183>
l.revenko@inno.mgimo.ru

N.S. Revenko,

Institute for Research of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0359-5201>
reni100@yandex.ru

ABSTRACT

The BRICS countries are increasingly expanding multilateral forms of cooperation, moving beyond political areas to economic ones. This cooperation is based on their interest in using the resources and experience of other partners to the group to develop national economies and promote the export of goods, technologies and services for the benefit of national producers. The purpose of the study is to analyse the potential and identify the most promising areas of

sectoral cooperation. It was carried out using the methods of comparative and statistical analysis, historical analogies, deductive and expert assessments. Agreed at BRICS summits, national economic strategies set the priorities of sectoral cooperation. Raising the competitive capacity of the BRICS economies is considered today in the context of productivity enhancement, including increasing energy efficiency, improving logistics, innovating technologies. The most promising areas are cooperation in offshore oil and gas production, nuclear power, construction of small hydropower stations, building transport corridors, including the high-speed networks and equipment of the Northern Sea Route. The sectoral priorities also highlight cooperation in the agriculture sector to address food security problems and in the digitisation of all sectors of the economy to take advantage of the opportunities provided by information and communication technologies.

Keywords: sectoral cooperation; BRICS; offshore industry; power production; transport corridor; agriculture sector; digitisation

For citation: Revenko L.S., Revenko N.S. Sectoral cooperation of the BRICS countries: Potential and implementation priorities. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):67-76. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-67-76

Экономическое сотрудничество стран БРИКС, имевшее во многом декларативный характер на ранних этапах развития группировки, в настоящее время приобретает все более реальные очертания. Оно основывается на общности экономических интересов участников и межгосударственных договоренностях, которые, с учетом новых видов коммуникаций, в том числе транспортных, определяют его эффективность [1, с. 38].

Четкие контуры такого сотрудничества создает его отраслевая направленность, а потенциал определяется не только общим уровнем развития стран, но и особенностями их отраслевой специализации.

Наиболее динамично развивается Китай, показывавший высокие темпы роста экономики даже в кризисные годы. За 20 с лишним лет в стране создана мощная инновационная база, позволившая ей стать второй после США экономикой мира. В 2017 г. ВВП страны достиг 12,71 трлн долл., т.е. увеличился по сравнению с предыдущим годом на 6,9% при плане 6,5% [2]. Китай также занимает вторую строку в списке стран по объему внутренних затрат на НИОКР — 408,8 млрд долл. в 2016 г. по сравнению с 502,9 млрд в США, 50,3 млрд в Индии, 38,8 млрд в Бразилии и 37,3 млрд в России (https://issek.hse.ru/data/2017/09/07/1172519569/NTI_N_64_0709_2017.pdf). Стимулируется инновационная деятельность: только в 2017 г. оказана поддержка в создании 92 демонстрационных центров предпринимательства и инноваций и 3255 инкубаторов для технологических компаний [2]. Следствием этого стало ускоренное развитие высокотехнологичных и инновационных направлений: темпы роста космической, авиационной, электронной и медицинской промышленности в среднем составили

13,4% [2]. В то же время по внутренним затратам на НИОКР в процентах к ВВП (2,07%) Китай пока отстает от многих стран, занимая лишь 18-е место (https://issek.hse.ru/data/2017/09/07/1172519569/NTI_N_64_0709_2017.pdf).

Быстрыми темпами развивается машиностроение. Китай — крупнейший производитель автомобилей, один из лидеров по производству телекоммуникационного оборудования, морских судов, бытовых электроприборов. Ускоренными темпами развиваются военно-промышленный комплекс, авиационная, космическая и химическая промышленность, транспортное машиностроение, производство энергетического оборудования. Одним из наиболее значимых является топливно-энергетический комплекс. Для обеспечения национальной экономики электроэнергией, которой пока не хватает, строятся ГЭС и АЭС. Есть также успехи в сферах биотехнологии, медицины, фармацевтики.

С учетом численности населения Китая большое внимание уделяется вопросам продовольственной безопасности, включая повышение урожайности растений и производительности домашнего скота.

В соответствии с принятой в 2015 г. стратегией «Сделано в Китае 2025» акцент делается на развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); производство станков с цифровым управлением, робототехники, оборудования для аэрокосмической отрасли и для железнодорожного транспорта; строительство морских судов и морского инженерного оборудования; энергосбережение, в том числе создание транспортных средств, работающих на альтернативных источниках энергии; производство энергетического оборудования; разработку новых материалов; развитие биофармацевти-

ки, медицинской техники и сельскохозяйственного машиностроения (http://russian.news.cn/economic/2015-05/19/c_134252439.htm).

Стимулирование сельскохозяйственного производства также является одним из приоритетов экономической политики Индии. Принятые меры позволили не только снять проблему нехватки продуктов питания, но и превратить страну в их значимого экспортера.

Хотя на НИОКР в Индии в 2016 г. было израсходовано 50,3 млрд долл., доля таких расходов составляет лишь 0,63% ВВП (https://issek.hse.ru/data/2017/09/07/1172519569/NTI_N_64_0709_2017.pdf), т.е. меньше, чем в Китае, России и Бразилии. Из этой суммы около 80% было обеспечено государством, причем финансирование выделялось в основном на развитие атомной энергетики, ВПК и космической отрасли.

Из других сфер экономики следует отметить высокие темпы развития электронной промышленности. В стране функционируют научно-производственные центры, созданные ведущими компаниями, работающими в сфере ИКТ. В Бангалоре создана Кремниевая долина Индии. Как следствие, сегодня Индия — второй по значимости мировой экспортер программного обеспечения.

Развитие получила также фармацевтическая промышленность, ориентированная в основном на производство аналогов патентованных западных лекарств — дженериков, в результате чего Индия стала четвертым по объему мировым поставщиком лекарственных препаратов.

Производство электроэнергии в стране (в основном на местном угле) все еще сильно отстает от имеющихся потребностей. Примерно треть населения лишена возможности пользоваться ею; периодические отключения подачи энергии — обычная практика.

В 2016 г. была принята программа «Сделайте в Индии» (*Make in India*), целью которой провозглашено увеличение доли промышленности в структуре ВВП с 15 до 25%, в том числе путем повышения степени локализации производства (<https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2016/02/29/631806-indiya-liderom-ekonomicheskogo-rosta>).

Из отраслей экономики Бразилии можно выделить автомобилестроение (1-е место в Латинской Америке и 8-е в мире), авиационную промышленность (производство самолетов *Embraer*,

обеспечивающих значительную часть перевозок на региональных авиалиниях мира), и космическую промышленность (регулярно выводятся на орбиту национальные метеорологические и картографические спутники, построен собственный космодром *Алкантара*).

Потребности в углеводородах полностью обеспечиваются добычей нефти, причем в основном на шельфе.

Агропромышленный комплекс, где создаются 33% ВВП страны, — один из наиболее развитых в мире. Особенно большие успехи достигнуты в животноводстве, что превратило Бразилию в крупного экспортера мяса.

В ЮАР на весьма высоком уровне развития находятся машиностроение, химическая промышленность, энергетика и металлургия. Сельскохозяйственное производство также хорошо развито, но в основном благодаря европейским фермерским хозяйствам.

В рамках Программы национальной промышленной политики (*NIPF*) 2007 г. разрабатываются и утверждаются двухлетние планы действий в сфере промышленной политики (*IPAP*). Последний план на 2016/17–2018/19 гг. предусматривает публикацию Белой книги по науке, технологиям и инновациям; содействие внедрению разработанных в ЮАР технологий; дополнительные инвестиции в подготовку специалистов; поддержку малого и среднего бизнеса; увеличение доли локализации производства и другие меры (http://www.dti.gov.za/industrial_development/docs/DST_Chapter_IPAP_201819.pdf).

В силу известных экономических и политических причин российский инновационный потенциал пока используется не в полной мере, поэтому лишь отдельные сферы экономики, особенно те, которые пользовались поддержкой государства в советский период (авиационная, космическая, оборонная, ядерная, нефте- и газодобывающая, медицина и некоторые другие отрасли), его сохраняют и развивают. Из новых сфер приоритетное внимание уделяется развитию ИКТ в контексте всеобщей цифровизации.

Сегодня экономика страны испытывает немалые сложности, в том числе вследствие введенных западными странами ограничений на доступ к современным технологиям, оборудованию и кредитам. В этой связи на передний план выходит развитие сотрудничества со странами, не поддержавшими санкции, в том числе вхо-

дьящими в БРИКС, в сферах, где у них имеются хорошие наработки.

Анализ нынешнего состояния отраслевого сотрудничества между странами — членами БРИКС показывает, что оно достаточно успешно развивается по двусторонним каналам. Например, Россия тесно взаимодействует с Индией и Китаем в военно-технической области. Так, на долю России приходится 68% вооружений и военной техники (ВВТ), закупленных за рубежом в 2012–2016 гг. Индией, и 57% — Китаем [3, с. 6]. Россия и Индия также совместно разрабатывают истребитель пятого поколения. Вместе с тем, с учетом как уже сложившихся каналов поступления ВВТ для нужд национальной обороны каждой из стран БРИКС, так и существующих политических проблем между Китаем и Индией, налаживание такого взаимодействия в многостороннем формате маловероятно.

Для развития отраслевого сотрудничества, а также реализации задач установления прямых контактов между представителями бизнеса, продвижения интересов деловых кругов стран группировки на 5 саммите БРИКС в 2013 г. был создан Деловой совет, в который входят девять рабочих групп по направлениям: производственный сектор (добыча и переработка полезных ископаемых, металлургия, фармацевтическое производство), энергетика и зеленая экономика, инфраструктура (транспорт и логистика), финансовый сектор (банковский сектор, инвестиции, страхование), подготовка профессиональных кадров, сельское хозяйство, сокращение государственного регулирования, региональная авиация, цифровая экономика (<http://brics.tpprf.ru/ru/about/>).

С учетом приоритетов развития экономики каждого члена БРИКС, а также неформального характера объединения, в многостороннем формате наибольшие перспективы имеет сотрудничество в сферах энергетики, транспорта, сельского хозяйства и цифровой экономики.

По мнению западных экспертов, государства БРИКС играют важную роль в реструктуризации мировой архитектуры энергетики и уже «создали предпосылки к изменению и реформированию системы мирового энергетического лидерства», которое нацелено на поддержание стабильности предложения энергетических ресурсов по доступным ценам и сокращение энергоемкости экономик стран-членов [4, с. 807–808].

К числу основных задач, которые ставят перед собой страны БРИКС в сфере энергетики, отно-

сятся разработка трудноизвлекаемых запасов углеводородного сырья, привлечение инвестиций в энергетические проекты, обеспечение долгосрочных поставок энергии [5, с. 550], достижение энергетической безопасности, стабилизация цен на носители энергии, регулирование рынков нефти и газа с учетом интересов как экспортеров, так и импортеров [6, с. 229], диверсификация экспортных рынков, повышение энергоэффективности и уровня энергосбережения, использование новых источников и технологий хранения энергии, таких как светодиодное освещение. Координацию этого направления работы осуществляет Министерство науки и технологий КНР (https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/work_plan_rus.pdf).

Выполнение этих задач невозможно без налаживания обмена опытом, проведения совместных исследований и выработки предложений по координации политики. В этом контексте важное значение имеют решения о создании Платформы энергетических исследований и контактных центров, задачей которых является координация усилий в рамках научно-исследовательской деятельности. В качестве одной из тем первого исследования в рамках Энергоплатформы Россия предложила изучить вклад БРИКС в обеспечение глобального устойчивого энергетического развития (<https://minenergo.gov.ru/node/11728>).

Весьма перспективно сотрудничество в разработке месторождений нефти и газа на шельфовых месторождениях, что имеет особое значение для России с учетом возникших сложностей с приобретением оборудования для российской нефтегазовой отрасли. Большой опыт в этой сфере имеют третья по величине — после *China National Petroleum Corporation* и *China Petroleum & Chemical Corporation* — китайская нефтяная компания *China National Offshore Oil* и бразильская государственная компания *Petrobras*. Практический интерес для российских организаций могло бы также представлять развитие сотрудничества с Китайским нефтяным институтом, специализирующимся на разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений и строительстве нефтяных и газохранилищ.

Перспективным представляется также сотрудничество в ядерной сфере. В Китае сейчас действуют 44 и строятся 13 ядерных реакторов, в России — соответственно 37 и 6, в Ин-

дии — 22 и 7, в Бразилии — 2 и 1, в ЮАР — 2 и 0 (<https://pris.iaea.org/pris/CountryStatistics/>).

Хотя Китай превосходит все другие страны БРИКС по количеству реакторов, потребности в строительстве новых огромные. В ходе проведения реформы в стране в 1978–2003 гг. только в 90-е гг. XX в. были построены новые угольные, в основном небольшие, энергоблоки, в результате чего энергетические мощности были увеличены с 17 до 227 ГВт. В то же время это привело к резкому увеличению выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, появлению кислотных дождей и смога (<http://renew.ru/coal-energy-in-china-past-present-and-future/>). В 2017 г. 64,7% электроэнергии в Китае вырабатывалось с использованием угля, 18,6% — воды (ГЭС), 4,7% — ветра и лишь 3,9% — ядерного топлива¹. Таким образом, Китай очень заинтересован в строительстве новых АЭС и введении в эксплуатацию дополнительных реакторов.

Ситуация в других странах БРИКС схожа с китайской. Так, в Индии на термальных электростанциях в 2016 г. вырабатывалось 69,7% электроэнергии, на ГЭС — 13,9%, на АЭС — 1,9% (http://mospi.nic.in/sites/default/files/publication_reports/Energy_Statistics_2017r.pdf.pdf).

Несмотря на сильную конкуренцию на рынке ядерных поставок, Россия удерживает на нем достаточно прочные позиции, в том числе при ее содействии ведутся работы по сооружению в Индии второй и третьей очередей (энергоблоки № 3–6) АЭС «Куданкулам», завершается сооружение в Китае третьего и четвертого энергоблоков АЭС «Тяньвань-2» (<http://www.rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/>).

Еще одно направление в энергетической сфере — строительство малых ГЭС, в котором большую активность проявляет Россия, в том числе благодаря финансированию этих проектов Новым банком развития БРИКС (НБР) и Российским фондом прямых инвестиций на общую сумму 100 млн долл. США (<http://putin24.info/vstrecha-schlenami-delovogo-soveta-briks-e.html>).

В то же время на данном этапе правильнее говорить о сотрудничестве в энергетической сфере не в БРИКС, а между странами БРИКС [7, с. 5].

Перспективное направление — создание и совершенствование транспортных коридоров

стран БРИКС, что стало бы существенным вкладом в реализацию китайской инициативы «Один пояс — один путь». Одним из них мог бы стать Евразийский транспортный коридор, для строительства высокоскоростного участка «Москва — Казань» которого ожидается заключение соглашения о привлечении средств между Российскими железными дорогами и НБР (<http://putin24.info/vstrecha-schlenami-delovogo-soveta-briks-e.html>).

Эту же цель преследует российская инициатива об обустройстве Северного морского пути (СМП). Реализация этого проекта превратила бы СМП в конкурентоспособную транспортную артерию, использование которой существенно снизило бы сроки и стоимость перевозки грузов между портами Дальнего Востока и Европы.

С учетом общей тенденции строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей, а также размеров территорий стран — членов БРИКС, несомненный интерес для них может представлять совместное создание инфраструктуры и производство поездов для таких линий.

Наконец, особое значение для России, располагающей высоким научно-техническим потенциалом и развитой авиационной промышленностью, имеет сотрудничество в области авиации. В этом контексте необходимо отметить соглашение о партнерстве в сфере местных воздушных линий, подписанное 26 июля 2018 г. на «полях» саммита БРИКС в Йоханнесбурге. Предполагается, что страны-члены будут обмениваться информацией о государственной политике и передовой практикой, особенно в таких сферах, как управление региональными аэропортами и инфраструктурой аэропортов, аэронавигационное обслуживание, внедрение инноваций, подготовка пилотов и обслуживающего персонала. Для эффективной имплементации соглашения будет создан Координационный комитет, состоящий из представителей стран-членов (<http://www.brics2018.org.za/media-statement-14>).

Сотрудничество по авиационному направлению также создает неплохие условия для увеличения поставок Россией самолетов «Сухой суперджет-100» для обслуживания местных авиалиний.

Необходимость сотрудничества стран БРИКС в сфере обеспечения продовольственной безопасности обусловлена важностью этой проблемы на глобальном, региональном и национальном уровнях. При этом страны группировки неоднородны как по базовым показателям продовольственной

¹ Рассчитано по: China Energy Portal. URL: <https://chinaenergyportal.org/en/2017-electricity-other-energy-statistics-update-of-june-2018/>.

безопасности, так и по наличию национальных мер решения этой проблемы. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), доля недоедающего населения в Бразилии и в России составляет менее 2,5% от общей численности населения, в Индии — 14,5%, в Китае — 9,7%, в ЮАР — 22,5%².

Эволюция подходов к совместному решению проблем продовольственной безопасности в БРИКС шла по пути перехода от совместных заявлений до принятия практически значимых решений. За период, прошедший от принятия Совместного заявления стран БРИК (еще без ЮАР) по глобальной продовольственной безопасности на саммите в г. Екатеринбурге в 2009 г. до Йоханнесбургской декларации 10-го саммита БРИКС (июль 2018 г.), была проделана серьезная работа по выработке общих принципов сотрудничества в данной сфере. Принципиально важным при этом является понимание, что ключ повышения продовольственной безопасности — «совместное решение проблем повышения эффективности сельскохозяйственного сектора и развития перерабатывающей базы, особенно в удаленных от существующих промышленных центров районах; обмен высокими и эффективными традиционными технологиями производства продовольствия; обмен опытом создания эффективных продовольственных систем и методов ведения агробизнеса; обмен опытом государственной поддержки инфраструктурных проектов в агропродовольственной сфере» [8, с. 233].

Сотрудничество в этой сфере направлено на расширение и увеличение объемов взаимной торговли сельхозпродукцией для удовлетворения потребностей населения, привлечение иностранных инвестиций для ускорения модернизации сельскохозяйственного производства и обеспечение продовольственной безопасности — как национальной, так и международной, адаптацию сельского хозяйства к климатическим изменениям и разработку новой сельхозтехники и технологий, в том числе биотехнологий, для повышения продуктивности производства.

Тематики сотрудничества включают обмен опытом о путях повышения производительности и финансовой эффективности за счет применения современных методов ведения сельского

хозяйства, мерах поддержки производителей, внедрении результатов исследований, инноваций и технологий, а также шагах для снижения влияния изменения климата, в том числе применительно к небольшим фермерским хозяйствам (<http://www.brics2018.org.za/8th-meeting-brics-ministers-agriculture-and-agrarian-development>).

Поставлена задача повышения эффективности существующих программ и механизмов обмена информацией по тематике сельского хозяйства, таких как Базовая система обмена сельскохозяйственной информацией (*BAIES*) (<http://www.brics2018.org.za/8th-meeting-brics-ministers-agriculture-and-agrarian-development>).

В 2017 г. в Индии начал работу Координационный центр Платформы сельскохозяйственных исследований БРИКС, договоренность о создании которой была достигнута в ходе саммита объединения в 2016 г. Задачами центра являются проведение исследований в сфере сельскохозяйственной политики, передача технологий, подготовка кадров и обмен научной информацией (<http://infobrics.org/post/25585/>).

Для выполнения поставленных задач развития сельхозпроизводства и обеспечения продовольственной безопасности несомненный интерес для других членов БРИКС представляет опыт Бразилии, особенно деятельность Бразильской корпорации сельскохозяйственных исследований (*Embrapa*), располагающей 47 центрами на всей территории страны и исследовательскими лабораториями за рубежом. При создании они были оснащены за счет государственных средств, но сейчас используют принцип государственно-частного партнерства. Деятельность отдельных центров сфокусирована на комплексных задачах сельскохозяйственного развития региональных экосистем, других — на почвенных исследованиях, проблемах защиты окружающей среды, биотехнологиях. Есть также центры, занимающиеся конкретными видами продукции. Проведенные исследования содействуют повышению эффективности производства, в том числе путем адаптации к местным условиям технологий обработки почвы и оптимизации внесения удобрений (<http://www.agroinvestor.ru/regions/article/22578-brazilskaya-istoriya/>).

Кроме того, в Бразилии есть госорганизации, занимающиеся исследованиями по тематике сельского хозяйства (*OEPAS*), и компании технического содействия и развития сельскохозяйст-

² The State of Food Security and Nutrition in the World 2017. FAO, Rome, 2017. P. 78–84.

венных регионов (*EMATER*)⁵. Тематику улучшения сельскохозяйственных технологий также изучают несколько десятков университетов.

Среди разработанных в стране технологий можно выделить нулевую обработку почвы, позволяющую производить посадки сельхозкультур с использованием удобрений и с высокой защитой от болезней и вредителей при минимальном повреждении почвы, благодаря которой урожайность увеличивается в 1,5–2 раза. Другие интересные разработки — принцип активной интеграции земледелия, животноводства и лесного хозяйства для повышения продукционной и средоулучшающей роли агро- и зооценозов и естественных экосистем, обеспечение эффективных циклов биологического круговорота в агрозообиоценозах, биологическая азотофиксация и пр. [9, с. 216–217].

Китай располагает солидной исследовательской базой в сфере биотехнологий. Применительно к сельскому хозяйству основные направления исследований — генная и протеиновая инженерия (клонирование и выведение высокоурожайных сортов риса), молекулярное конструирование новых видов растений и животных.

В биотехнологической области в стране работают около 900 предприятий и 40 биотехнопарков, а 4 китайские организации входят в десятку лучших в мире. Это Институт растениеводства (*Institute of Crop Science*) Китайской академии сельскохозяйственных наук, который проводит исследования в сферах сбора и хранения ресурсов зародышевой плазмы, включая создание банков зародышевой плазмы, оценки качества сортов пшеницы, технологий молекулярного совершенствования, разведения высокоурожайных и стойких к болезням сортов риса и сои (<http://ics.caas.cn/en/aboutics/briefintroduction/index.htm>); Цзяньняньский университет — один из ведущих центров исследования пищевых технологий, биотехнологий, синтетических и биологических коллоидов; Чжэцзянский университет, в состав которого входит Национальный исследовательский центр сельскохозяйственного и сельского развития и Пекинский институт геномики (*Beijing Genomics Institute*), занимающийся молекулярной генетикой, в том числе сельскохозяйственной геномикой, имеющей целью повышение урожайности растений и производительности домашнего скота.

⁵ Перспективы развития аграрного сектора Бразилии. *Наука за рубежом*. 2015;(45) октябрь–ноябрь:33.

В БРИКС укрепляется понимание того, что цифровизация всех сфер народного хозяйства сейчас является одной из движущих сил развития экономики. Во всех странах объединения приняты документы, регулирующие развитие этой сферы экономики: в России программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>), в Китае план действий «Интернет плюс» [10], в Индии программа «Цифровая Индия» [10], в Бразилии «Бразильская стратегия цифровой трансформации» (<http://www.brazilgovnews.gov.br/news/2018/03/president-signs-decree-creating-e-digital-platform-and-digital-transformation-committee>), в ЮАР Белая книга «Национальная комплексная политика в области ИКТ» (https://www.dtps.gov.za/images/phocagallery/Popular_Topic_Pictures/National_Integrated_ICT_Policy_White.pdf) и стратегия развития широкополосной связи *South Africa Connect*, базирующаяся на 4 позициях: цифровые возможности, цифровая готовность, цифровое развитие, цифровое будущее [11, с. 90].

Использование ИКТ создает как огромные потенциальные возможности, так и серьезные проблемы, для преодоления которых требуется взаимодействие на международном уровне. Поэтому вполне логично, что еще в Рабочем плане стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций на 2015–2018 гг. было предусмотрено развитие сотрудничества в сфере информационных технологий и высокопроизводительных вычислительных систем при координирующей роли Китая и ЮАР (https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/work_plan_rus.pdf). Десятый саммит объединения, состоявшийся в июле 2018 г. в Йоханнесбурге, был посвящен сотрудничеству в эпоху Четвертой промышленной революции. Эта тематика также была основной на состоявшихся в 2018 г. встречах министров промышленности и связи. Как было отмечено на первой из упомянутых двух министерских встреч (г. Магалисбург, ЮАР, 04.07.2018 г.), четвертая промышленная революция и стремление к устойчивому производству с более низким потреблением угля и количеством отходов «будут оказывать глубокое прорывное воздействие на структуру глобального производства, торговлю, занятость и образование» (<http://www.brics2018.org.za/declaration-brics-industry-ministers>).

Сейчас в рамках объединения ведется работа по тематикам облачных вычислений, Интер-

нета вещей, больших данных, искусственного интеллекта, сетям связи 5G. В фокусе внимания также вопросы развития электронной торговли, обсуждаемые в рамках рабочей группы по этой тематике, создания Института БРИКС по изучению «сетей будущего».

В этом контексте следует отметить решение о создании Рабочей группы (РГ) БРИКС по сотрудничеству в области ИКТ и Консультативной группы для разработки регламента и плана по углублению партнерства в сферах ИКТ, инноваций, индустриализации и инвестиций для получения максимальных выгод от цифровизации и решения возникающих при этом проблем. Заседание РГ состоялось в ходе встречи министров связи стран БРИКС 18.09.2018 г. в г. Дурбане, ЮАР (<https://minsvyaz.ru/ru/events/38510/>).

Важное значение имеет также предложение России об установлении взаимодействия между национальными интернет-ресурсами стран — членов БРИКС по тематике малых форм предпринимательства (<http://putin24.info/vstrechashchlenami-delovogo-soveta-briks-e.html>).

Большое внимание уделяется проблематике информационной безопасности, в том числе защиты данных и инфраструктуры ИКТ. Эта тематика стала особенно актуальной в последнее время в контексте выполнения задачи обеспечения национальной безопасности, поскольку в странах БРИКС в основном используются оборудование и программное обеспечение, произведенные в США и других западных странах, и всегда есть риск утечки «чувствительной» информации и выхода из строя оборудования посредством активации скрытых «закладок». Есть также риск того, что западные санкции могут быть распространены на продажу России и Китаю других товаров и технологий, в том числе используемых в сфере ИКТ.

По этой и другим причинам странам БРИКС необходимо наладить практическое сотрудничество в разработке и производстве современных компьютерных систем и программ. По первому направлению существенные успехи достигнуты в Китае, в частности, там созданы первый в мире прототип эксафлопсного компьютера и прототип фотонного квантового компьютера, частота квантования которого в 24 раза выше, чем у зарубежных аналогов⁴. Предполагается, что квантовые

⁴ Эксафлопсные компьютеры мощнее суперкомпьютеров, могут выполнять как минимум один квинтиллион вычислений в секунду.

компьютеры со временем заменят классические компьютеры (<https://hightech.fm/2017/06/17/china>). Что касается разработки программного обеспечения, то опытные кадры есть в России, Индии и Китае.

В контексте цифровизации следует также отметить провозглашение на последней встрече министров промышленности партнерства БРИКС в рамках новой промышленной революции (*PartNIR*) для воплощения в жизнь концепции второго Золотого десятилетия сотрудничества БРИКС путем его углубления по вопросам индустриализации, инноваций, инклюзивности и инвестиций. В этих целях создается консультативная группа по промышленной революции, которой поручено разработать план своей работы (<http://www.brics2018.org.za/declaration-brics-industry-ministers>).

Работа в БРИКС по тематике цифровизации, как представляется, могла бы также быть сфокусирована на таких вопросах, как развитие ИКТ и управление Интернетом, координация позиций в специализированных международных союзах, стабильность работы и безопасность киберпространства [12, с. 206–208].

Одним из достижений современного этапа развития отраслевого сотрудничества стран БРИКС является позитивная реакция представителей бизнеса на предлагаемые государственными структурами варианты расширения использования имеющегося ресурсного, промышленного и аграрного потенциала (<http://infobrics.org/post/27213>; <http://infobrics.org/post/27206>). Наиболее успешным можно считать двустороннее отраслевое сотрудничество, однако переход к многосторонним форматам приобретает все более реальные очертания.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что при разной степени взаимодополняемости отраслей стран БРИКС, отнесенных по результатам последних саммитов к приоритетным, расширение сотрудничества имеет наибольшие перспективы в сферах энергетики, транспорта, сельского хозяйства и цифровой экономики (<http://www.kremlin.ru/supplement/5323>).

Совместное создание инфраструктурных объектов рассматривается в качестве основы для привлечения хозяйствующих субъектов к многостороннему взаимодействию в различных отраслях. Перспективными направлениями

в данном контексте можно считать сотрудничество в области добычи нефти и газа на шельфе, атомной энергетике, строительстве малых ГЭС, создании транспортных коридоров, включая строительство высокоскоростных железнодорожных магистралей и обустройство Северного морского пути.

Большой потенциал имеет сотрудничество в сфере сельского хозяйства в целях повышения уровня продовольственной безопасности и качества сельхозпродукции, адаптации сельского хозяйства к климатическим изменениям и разработки новой сельхозтехники и технологий.

С учетом того, что цифровизация является одной из движущих сил развития современной экономики, среди стран БРИКС существует полное понимание необходимости координации усилий в этой сфере. Уже в настоящее время в странах

группировки ведется работа по внедрению ИКТ и разработке программного обеспечения для ускорения экономического развития и замещения оборудования и программ, покупаемых в странах Запада.

Серьезный вклад в расширение отраслевого сотрудничества в промышленности и сельском хозяйстве могут внести совместные разработки в рамках создаваемых научно-исследовательских центров на основе государственно-частного партнерства.

При наличии явно выраженных национальных экономических интересов страны БРИКС рассматривают многосторонний формат отраслевого сотрудничества как возможность решать в долгосрочной перспективе проблемы роста, совместными усилиями устраняя риски, с которыми сталкивается мировая экономика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хейфец Б.А. Перспективы институализации БРИКС. *Вопросы экономики*. 2015;(1):25–42.
2. Михневич С.В. Китай: как перейти от количества к качеству. *Новости АТР*. 2018;3(11):19–26.
3. Fleurant A., Wezeman P.D., Wezeman S. T., Nan Tian. Trends in International Arms Transfers, 2016. SIPRI Fact Sheet, February 2017. 12 p. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-in-international-arms-transfers-2016.pdf>.
4. Downie C. Global Energy Governance: Do the BRICS Have the Energy to Drive Reform? *International Affairs*. 2015;91(4):799–812.
5. Международные экономические отношения: плюрализм мнений в эпоху перемен. Монография. Ревенко Л.С., ред. М.: МГИМО-Университет; 2017. 608 с.
6. Бушуев В.В. Энергетика России. Т. 3: Мировая энергетика и Россия. М.: ИЦ «Энергия»; 2014. 415 с.
7. Мастепанов А.М. Сотрудничество стран БРИКС в энергетической сфере как фактор прогнозирования мирового энергопотребления. *Бурение и нефть*. 2016;(1):3–9.
8. Ревенко Л.С. БРИКС и проблема продовольственной безопасности: потенциал и направления сотрудничества. *Экономическое сотрудничество стран БРИКС как основа многополярного мира*. М.: Российский институт стратегических исследований; 2015. С. 232–234.
9. Стерхова А.А., Мальцева В.А. Внешнеэкономическое сотрудничество регионов России и стран БРИКС в инновационной сфере. Урал — XXI век: регион инновационного развития: материалы II Международной научно-практической конференции. В 2-х т. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет; 2017;1:212–218.
10. Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Международная практика реализации программ развития цифровой экономики: примеры США, Индии, Китая и ЕС. *Международные процессы*. 2017;15(4):20–39.
11. Старостина У.Я. Основы цифровизации экономики и внешней торговли ЮАР. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2018;(7):85–98.
12. Guo Feng. Cooperation Among BRICS on ICT Development and Internet Governance for Network Stability and Sustainable Development. VII BRICS Academic Forum. Toloraya G., ed. Moscow: NCR BRICS; 2015:189–209.

REFERENCES

1. Kheifets B. A. BRICS Institutionalization Prospects. *Voprosy ekonomiki*. 2015;(1):25–42. (In Russ.).
2. Mikhnevich S. V. China: How to Move from Quantity to Quality. *Novosti ATR*. 2018;3(11):19–26. (In Russ.).

3. Fleurant A., Wezeman P.D., Wezeman S. T., Nan Tian. Trends in International Arms Transfers, 2016. SIPRI Fact Sheet; February; 2017. 12 p. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-in-international-arms-transfers-2016.pdf>.
4. Downie C. Global Energy Governance: Do the BRICS Have the Energy to Drive Reform? *International Affairs*. 2015;91(4):799–812. DOI: 10.1111/1468–2346.12338
5. International Economic Relations in the Era of Change. Revenko L. S., ed. Moscow: MGIMO-University; 2017. 608 p. (In Russ.).
6. Bushuev V. V. Russian Power Production. Vol. 3. Global Power Production. Moscow: Energiya; 2014. 415 p. (In Russ.).
7. Mastepanov A. M. Cooperation of BRICS Countries in the Energy Field. *Burenie i neft'*. 2016;(1):3–9. (In Russ.).
8. Revenko L. S. BRICS and Food Security Problem: Potential and Areas of Cooperation. In *Ekonomicheskoe sontrudnichestvo stran BRIKS kak osnova mnogopolyarnogo mira*. Moscow: Russian Institute for Strategic Studies; 2015. 260 p. (In Russ.).
9. Sterkhova A. A., Mal'tseva V. A. Foreign Economic Cooperation between Russian Regions and the BRICS Countries in the Innovation Area. In *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Ural — XXI vek: region innovatsionnogo razvitiya" in two volumes*. Ya. P. Silin and E. B. Lvoryadkina, eds. Ekaterinburg: Ural State Economic University. 2017;1:212–218. (In Russ.).
10. Revenko L. S., Revenko N. S. Global Trends and National Specifics of the Development of a Digital Economy. Record of the United States, India, China and the EU. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2017;15(4):20–39. (In Russ.).
11. Starostina U. Ya. Fundamentals of Digitization of South Africa's Economy and Foreign Trade. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 2018;(7):85–98. (In Russ.).
12. Guo Feng. Cooperation among BRICS on ICT Development and Internet Governance for Network Stability and Sustainable Development. Proc. VII BRICS Academic Forum, 22–23 May 2015, Moscow. Toloraya G., ed. Moscow: NCR BRICS; 2015:189–209.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лилия Сергеевна Ревенко — доктор экономических наук, профессор, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Москва, Россия
l.revenko@inno.mgimo.ru

Николай Сергеевич Ревенко — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
reni100@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lilia S. Revenko — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia, Moscow, Russia
l.revenko@inno.mgimo.ru

Nikolay S. Revenko — Cand. Sci. (Polit.), Lead Research Fellow, Institute for Research of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
reni100@yandex.ru

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-77-81
УДК 339.56(045)
JEL F19

Преимущества и недостатки подписания всеобъемлющего экономического и торгового соглашения (СЕТА) для экономик стран ЕС и Канады

П.Ю. Барышников,

Финансовый университет; АО «ВЭБ-лизинг», Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-6657-1821>

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен анализ основных положений Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения (СЕТА), подписанным Правительством Канады и Европейским парламентом в конце 2016 г. В частности, автором были проанализированы такие аспекты соглашения, как отмена таможенных тарифов, введение единых стандартов качества, предоставление доступа к рынку закупок, модификация системы инвестиционных споров и пр. По результатам проведенного исследования был отмечен неоднозначный эффект от заключения соглашения как для Канады, так и для стран ЕС. Для некоторых секторов экономик стран-участниц реализация СЕТА обещает создать исключительные условия для развития, в то время как для других подписание многостороннего соглашения является убыточным. Стоит отметить, что на современном этапе плюсы и минусы СЕТА могут быть рассмотрены только на теоретическом уровне. Сделать объективные выводы о влиянии многостороннего торгового соглашения на развитие торгово-экономических отношений между странами представляется возможным только спустя определенное время после ратификации соглашения всеми сторонами. На текущем этапе развития отношений Канады и ЕС в рамках СЕТА можно отметить, что только динамичное развитие и дальнейшее совершенствование механизмов многостороннего соглашения позволит сделать торгово-экономические отношения между странами более открытыми и прозрачными.

Ключевые слова: Канада, Европейский союз, Трансатлантическое партнерство, Многостороннее торговое соглашение, СЕТА

Для цитирования: Барышников П.Ю. Преимущества и недостатки подписания всеобъемлющего экономического и торгового соглашения (СЕТА) для экономик стран ЕС и Канады. *Мир новой экономики*. 2018;12(4):77-81. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-77-81

Advantages and Disadvantages of Signing a Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) for the Economies of the EU and Canada

P. Yu. Baryshnikov,

Financial University, Moscow, Russia; JSC "VEB Leasing", Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-6657-1821>

ABSTRACT

This article presents an analysis of the main provisions of the Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) signed by the government of Canada and the European Parliament at the end of 2016. In particular, the author analysed such aspects of the agreement as the abolition of customs tariffs, the introduction of common quality standards, access to the procurement market, modification of the system of investment disputes, etc. According to the results of the study, there was a mixed effect of the agreement for both Canada and the EU. For some sectors of the economies of the participating countries, the implementation of the CETA promises to create exceptional conditions for development, while for others the signing of a multilateral agreement is unprofitable or means losses. It should be noted that at the present stage the pros and cons of the CETA can be considered only at the theoretical level. It will be possible to draw objective conclusions about the impact of the multilateral trade agreement on the development of trade and economic relations between the countries only a certain time later after the ratification of the agreement by all parties. At the current stage of development of Canada-EU relations within the framework of the CETA, it can be noted that only the dynamic development and further improvement of the mechanisms of the multilateral agreement will make a trade and economic relations between the countries more open and transparent.

Keywords: Canada; European Union; Transatlantic partnership; multilateral trade agreement; CETA

For citation: Baryshnikov P. Yu. Advantages and disadvantages of signing a Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) for the economies of the EU and Canada. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):77-81. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-77-81

30 октября 2016 г. на Брюссельском саммите между Канадой и Европейским союзом (ЕС) было подписано Многостороннее торговое соглашение (СЕТА). Против подписания выступала франкоязычная Валлония (регион в Бельгии с населением более 3,5 млн человек) [1], а также были протесты в Австрии. Однако бельгийскому федеральному правительству удалось убедить местные власти, и договор был подписан. Под документом поставили подписи председатель Европейского совета Дональд Туск, глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер и премьер-министр Канады Джастин Трюдо. 15 февраля 2017 г. документ был ратифицирован Европейским парламентом [2].

По сей день вокруг подписания СЕТА ведется немало споров, и позиции относительно заключения соглашения неоднозначны. Одни эксперты считают, что подписание СЕТА будет способствовать увеличению объемов двусторонней торговли, а также нести позитивный эффект для экономического роста и стимулировать создание новых рабочих мест по обе стороны Атлантики. С другой стороны, СЕТА может подорвать конкурентоспособность местных производителей, предоставив доступ на рынок более крупным зарубежным игрокам с более низкими издержками производства.

Преимущества и недостатки СЕТА на сегодняшний день освещены в научной литературе лишь поверхностно. Однако такие публицисты, как Т. Хили, В. Д`Эрма, Т. Долле и В. Симо, на основании данных, полученных в результате всестороннего изучения и анализа процесса согласования и ратификации многостороннего торгового соглашения, выявили наиболее существенные препятствия, затрудняющие дальнейшую успешную реализацию ключевых положений СЕТА.

В данной статье поставлены задачи выявить результаты подписания данного соглашения для обеих сторон, оценить, какие возможные выгоды и угрозы представляет СЕТА для экономик стран-участниц и сделать выводы о результативности заключения соглашения и его дальнейшей реализации.

Для проведения исследования в статье были проанализированы нормативные документы, а также рецензии экспертов, изучивших проблему подписания СЕТА. На основании полученной информации был проведен анализ потенциальных преимуществ и недостатков соглашения для государств — членов соглашения.

Согласно сторонникам идеи заключения многостороннего торгового соглашения СЕТА создаст

новые возможности для компаний ЕС путем стимулирования торговли и укрепления экономических отношений, что сделает деловые отношения между странами более прозрачными, устранив таможенные пошлины, существенно улучшит доступ к государственным контрактам, откроет новые сектора рынков услуг, улучшит инвестиционный климат [3].

СЕТА предполагает отмену 99% таможенных тарифов [4], что принесет ощутимые выгоды бизнесу. В первый же день вступления соглашения в силу Канада обещала устранить пошлины на сумму 400 млн евро на товары из ЕС. В конце переходного периода эта цифра будет превышать 500 млн евро в год [5]. От данных мер выиграют, прежде всего, предприятия малого и среднего бизнеса. Позволяя беспошлинно экспортировать практически все произведенные товары, уменьшая время прохождения таможенного контроля и делая движение товаров более дешевым и быстрым, более предсказуемым и эффективным, СЕТА стимулирует интеграцию предприятий малого и среднего бизнеса в экономики стран-участниц и устраняет регуляторные препятствия, позволяя продукции пройти сертификацию согласно стандартам качества Канады и ЕС.

В рамках многостороннего торгового соглашения страны-члены вводят единые стандарты качества. ЕС и Канада договорились принимать сертификаты качества продукции в таких областях, как электронное и радиооборудование, производственное оборудование, измерительное оборудование, что при определенных обстоятельствах позволяет Евросоюзу проверять экспортируемую в Канаду продукцию на соответствие канадским правилам торговли и наоборот. В результате это позволит избежать сторонам двойной проверки качества и снизить затраты как для компаний, так и для потребителей. От этого, в особенности, выиграют небольшие компании, для которых дважды понесенные расходы на проведение одной и той же оценки качества могут казаться существенными.

Помимо торговли товарами, стимулируется международное движение услуг, предоставляется свободный доступ для малых и средних предприятий к рынкам, расширяется доступ к государственным закупкам на федеральном, региональном и муниципальных уровнях.

Канада и ЕС открыли правительственные тендеры для своих компаний в большей степени, чем для любых других торговых партнеров. Предприятия ЕС получили возможность предлагать товары и услуги

не только на федеральном, но и на региональном уровне (в провинциях и муниципалитетах), тем самым расширяя свой рынок сбыта. По оценкам, региональный рынок закупок в Канаде в два раза превышает его федеральный эквивалент [5]. Страны также договорились повысить прозрачность закупочной процедуры, публикуя все свои тендеры на одном веб-сайте. На сегодняшний день доступ к информации является одним из самых больших препятствий для выхода малого и среднего бизнеса на международные рынки. Подобная открытость является большим плюсом для небольших предприятий.

Открытие рынков также ведет к снижению цен и предоставлению потребителям большего выбора товаров и услуг. В то же время развитие свободной торговли не приведет к снижению или изменению стандартов, защищающих здоровье и безопасность граждан, социальные права, права потребителей и окружающую среду. При неизменных стандартах импорт из Канады и стран ЕС по-прежнему будет удовлетворять всем правилам и положениям двух сторон без каких-либо исключений. Это означает, что, в частности, СЕТА не изменит принципы регулирования безопасности пищевых продуктов, в том числе продуктов, содержащих ГМО [6].

СЕТА также является самым далеко идущим соглашением в сфере инвестиций, когда-либо заключенным как Канадой, так и ЕС. Европейские и канадские компании могут иметь новые преимущества при работе над двухсторонними инвестиционными проектами. Соглашение вводит новые правила осуществления инвестиций, сохраняющие право правительств осуществлять контроль над инвестициями в интересах общества, обеспечивая при этом высокий уровень защиты инвесторов, справедливое и прозрачное разрешение инвестиционных споров [7]. СЕТА включает четко определенные стандарты защиты инвестиций и дает указания судам по вопросам урегулирования споров и применения данных стандартов. СЕТА решительно отходит от традиционного подхода к разрешению инвестиционных споров и создает независимые, беспристрастные и постоянные инвестиционные трибуналы, основанные на принципах публичных судебных систем Европейского союза и Канады, а также международных судов, таких как Международный Суд и Европейский Суд по правам человека.

Таким образом, Многостороннее торговое соглашение представляет собой важное и радикальное изменение правил инвестирования и разрешения

споров, а именно, закладывает основу для многосторонних усилий по дальнейшему развитию нового подхода к разрешению инвестиционных споров в Многостороннем инвестиционном суде, над созданием которого ЕС и Канада планируют активно работать. Предполагается заменить двусторонние системы регулирования инвестиционных споров и сделать их полностью открытыми для присоединения любой страны, которая согласна с принципами, лежащими в основе принципов работы Суда.

СЕТА обязывает Канаду и страны ЕС совершенствовать свои законы и политику с целью обеспечения высокого уровня охраны труда, препятствует ослаблению трудового законодательства с целью поощрения торговли или привлечения инвестиций. В случае несоблюдения этого правила правительства обязаны устранить все нарушения даже в том случае, если данные действия оказывают негативное влияние на ожидаемые инвестиции или ожидания инвесторов. СЕТА сохраняет права работников на проведение переговоров, заключение коллективных соглашений и совершение коллективных действий, направленных на защиту прав трудящихся. Соглашение обеспечивает основу для признания квалификаций в таких профессиях, как архитекторы, бухгалтеры, инженеры и пр. Соответствующие профессиональные организации в ЕС и Канаде планируют совместно разработать критерии для признания соответствующих квалификаций. В рамках подписанного соглашения создаются условия для сотрудничества Канады и ЕС по вопросам занятости в сфере торговли, поощряется вступление государств в Международную организацию труда [8]. СЕТА поможет адаптировать процедуру трудоустройства на другой стороне Атлантики, а также упростить процесс временного перемещения кадров между ЕС и Канадой. Это поможет компаниям более свободно вести свою деятельность на территориях стран-участниц. СЕТА сделает европейские и канадские фирмы более конкурентоспособными, упростив процедуру предоставления сервисного обслуживания. Это поможет канадским и европейским компаниям экспортировать оборудование, машины и программное обеспечение, позволяя отправлять инженеров-технологов и других специалистов для предоставления послепродажных и связанных с ними сервисных услуг.

СЕТА стимулирует Канаду и страны ЕС обеспечивать защиту окружающей среды, а также стремиться продолжать совершенствовать соответствующие

законы и развивать их защиту. В свою очередь, за Канадой и ЕС остается право устанавливать свои собственные экологические приоритеты и стандарты охраны окружающей среды, принимать или изменять законы и вести курс экологической политики, учитывая международные обязательства стран, в том числе установленные многосторонними природоохранными соглашениями [8]. СЕТА включает обязательства по управлению вырубкой лесов, рыболовством, а также сотрудничеству по вопросам окружающей среды, связанным с торговлей и представляющим общий интерес, таких как, например, изменение климата. Данные вопросы также отражены в Парижском соглашении, которое представляет собой важную солидарную ответственность как для Канады, так и для стран ЕС. В работе над этими вопросами внедрение Парижского соглашения будет представлять собой важную солидарную ответственность для Канады и стран ЕС.

Однако не все граждане стран ЕС и Канады являются сторонниками соглашения и приветствуют подписание СЕТА. Всего в пользу СЕТА проголосовали 480 членов Европейского парламента, в то время как против подписания выступили 254 члена или более трети всех голосов [2].

Согласно противникам СЕТА соглашение ведет к чрезмерной либерализации и децентрализации. Оно ослабляет права правительств на осуществление контроля затрагиваемых в соглашении сфер в общественных интересах, не обеспечивает юридическую защиту в ключевых областях и не отвечает требованиям правовых традиций государств-членов.

Вопреки заявлениям сторонников соглашения, утверждающим, что СЕТА способствует экономическому процветанию и созданию рабочих мест, официальная оценка воздействия на устойчивость (Sustainability Impact Assessment) прогнозирует увеличение совокупного ВВП ЕС после подписания СЕТА лишь на 0,03% [9]. Другие независимые исследования, основанные на более реалистичной модели ООН, предполагают отрицательные экономические последствия и потерю более 200 000 рабочих мест по всему ЕС [9].

В то время как Европейская комиссия заявляет, что СЕТА — это прежде всего способ помочь малому и среднему бизнесу, 99% продукции предприятий такого типа не экспортируются за пределы Атлантики. Фактически многие предприятия малого и среднего бизнеса опасаются за свою деятельность в ЕС

из-за конкуренции со стороны крупных канадских транснациональных компаний (ТНК). Как отмечалось выше, СЕТА подразумевает либерализацию и децентрализацию, что, согласно противникам соглашения, подрывает правовые системы стран ЕС и ухудшает проводимую экономическую политику. К примеру, в то время как европейские фермеры просят о большей защите на европейских внутренних рынках, СЕТА устраняет пошлины для канадских производителей говядины и свинины, готовых поставлять на рынок ЕС по 140 000 тонн в год [10]. Как следствие, этот шаг ведет к стагнации сельскохозяйственного сектора ЕС и несет ущерб для европейской экономики.

Говоря о реформах судебной системы, о которой шла речь выше, противники СЕТА заявляют, что данная модернизация является всего лишь усовершенствованной версией старой системы, при этом в тексте соглашения данная реформа подвержена критике со стороны стран-участниц, что указывает на недостатки старой системы (в том числе способность транснациональных корпораций влиять на решения судов), которая представляет основу инвестиционных судов [11].

Таким образом, проанализировав преимущества и недостатки СЕТА, можно выделить следующие ключевые моменты. Главными плюсами подписания соглашения для стран-участниц являются:

- устранение 99% таможенных пошлин;
 - общие стандарты качества продукции;
 - открытие правительственных тендеров для компаний стран — участниц СЕТА;
 - сохранение природоохранных стандартов;
 - улучшение стандартов осуществления инвестиций и решения инвестиционных споров;
 - новые стандарты охраны труда.
- Среди недостатков СЕТА можно выделить:
- ослабление контроля государств за ключевыми сферами, затрагиваемых в соглашении;
 - сомнительный эффект для экономик стран-участниц (увеличение ВВП ЕС на 0,03%);
 - подавление локальных производителей крупными ТНК вследствие отмены торговых пошлин;
 - отсутствие радикальных изменений в судебной системе, критикуемой СЕТА, а лишь ее доработка.

По результатам проведенного исследования необходимо отметить неоднозначный эффект от реализации многостороннего торгового соглашения для заключивших его государств. Для некоторых

сфер экономик стран-участниц подписание соглашения обещает создать исключительные условия развития, в то время для других СЕТА несет лишь убытки. Однако в настоящее время положительные и отрицательные эффекты СЕТА рассмотрены лишь на теоретическом уровне. Сделать выводы о реальном влиянии многостороннего торгового соглашения на развитие экономических отноше-

ний между странами представляется возможным только спустя определенное время, когда будут выявлены первые результаты его реализации. Однако на сегодняшнем этапе развития можно отметить, что только динамичное развитие и дальнейшее совершенствование механизма СЕТА позволит сделать отношения между странами в сфере торговли более открытыми и прозрачными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Nougayrède N. CETA isn't perfect, but Europe's radical left was wrong to oppose it. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/07/ceta-europe-far-left-activists-canada>.
2. European Parliament news. CETA: MEPs back EU-Canada trade agreement. European Parliament official website. URL: http://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20170209IPR_61728/ceta-meps-back-eu-canada-trade-agreement.
3. Healy T. Canadian and European Unions and the Canada – EU CETA negotiations. *Globalizations*. 2014;11(1):59–70.
4. European Commission press release database. CETA – a trade deal that sets a new standard for global trade. European Commission official website. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-16-3580_en.htm.
5. European Commission press release database. European Commission welcomes Parliament's support of trade deal with Canada. European Commission official website. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-270_en.htm.
6. D'Erman V. J. Comparative intergovernmental politics: CETA negotiations between Canada and the EU. *Politics and governance*. 2016;4(3):90–99.
7. Reinisch A. Will the EU's proposal concerning an investment court system for CETA and TTIP lead to enforceable awards? – The limits of modifying the ICSID Convention and the nature of investment arbitration. *Journal of International Economic Law*. 2016;19(4):761–786.
8. Bartels L. Human rights, labour standards and environmental standards in CETA; 2017.
9. European Commission press release database. CETA – a trade deal that sets a new standard for global trade. European Commission official website. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1623>.
10. Euractiv. CETA not the progressive agreement it claims to be. Euractiv official website. URL: <https://www.euractiv.com/section/trade-society/opinion/ceta-is-not-the-progressive-agreement-it-claims-to-be>.
11. Dolle T., Simões B. G. Mixed Feelings about “Mixed Agreements” and CETA's Provisional Application. *European Journal of Risk Regulation*. 2016;7(3):617–622.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Юрьевич Барышников — аспирант Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет; Москва, Россия; главный специалист Управления стратегического развития АО «ВЭБ-лизинг», Москва, Россия; baryshnikoff@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pavel Yu. Baryshnikov — post-graduate student, Department of World Economy and World Finance, Financial University; Moscow, Russia; Chief Specialist of Management of Strategic Development of JSC “VEB Leasing”, Moscow, Russia; baryshnikoff@inbox.ru

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-82-92
УДК 339.5;339.9(045)
JEL F51

Международные санкции в отношении России: неявные выгоды

Н.А. Екимова,

Финансовый университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0001-6873-7146>

АННОТАЦИЯ

В статье проведен анализ влияния международных санкций на экономику России с целью выявления и оценки их позитивного эффекта. На статистических данных и стилизованных примерах показан ряд экономических направлений, где произошло заметное оздоровление ситуации и были заложены созидательные основы отечественного производства. На примере изменений географической и товарной структуры товарооборота показаны возможности России по диверсификации торговых рынков, наращиванию внешнеторгового сотрудничества с новыми контрагентами, а также по повышению продовольственной безопасности страны. Рассмотрены положительные тренды в импортозамещении в таких отраслях, как сельское хозяйство, военно-промышленный комплекс, ИТ-индустрия. Помимо этого, приведены примеры, демонстрирующие возможности России в совершении технологического прорыва, необходимого для ее дальнейшего развития. В заключение статьи резюмируются положительные аспекты влияния санкций, а также делается вывод о необходимости обращения в сторону внутреннего потенциала страны, поиска скрытых резервов и возможностей.

Ключевые слова: международные санкции; внешняя торговля; импортозамещение; технологический прорыв; географическая структура товарооборота; экспорт; импорт

Для цитирования: Екимова Н.А. Международные санкции в отношении России: неявные выгоды. *Мир новой экономики*. 2018;12(4):82-92. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-82-92

International Sanctions against Russia: Implicit Benefits

N.A. Ekimova,

Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0001-6873-7146>

ABSTRACT

In this article, the analysis of the influence of international sanctions on the Russian economy is provided to identify and evaluate their positive effects. The author established some economic areas, where the noticeable improvement of the situation has happened and where exists the creative basis of domestic production. Further, the author analysed her findings on the base of some statistical data and some stylized examples. The opportunities of Russia to diversify trade markets, increase of foreign trade cooperation with the new partners. The author also showed improvement of the country's food security on the example of changes in the geographical and commodity structure of trade turnover. There is an analysis of the positive trends in import substitution in such sectors as agriculture, military-industrial complex, IT-industry. Furthermore, some examples are given to demonstrate the capabilities of Russia in making the technological breakthrough that is necessary for the further development of the country. In conclusion, the author summarised the positive aspects of the influence of the sanctions and the inference about the need to turn towards the internal potential of the country, towards the search for the hidden reserves and opportunities.

Keywords: international sanctions; foreign trade; import substitution; technological breakthrough; the geographical structure of trade; export; import

For citation: Ekimova N.A. International sanctions against Russia: Implicit benefits. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):82-92. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-82-92

ВВЕДЕНИЕ

Присоединение в 2014 г. Крыма к России привело к введению в отношении нее международных санкций, которые действуют уже пятый год и негативно сказываются на экономическом состоянии страны. Все аналитики сходятся в том, что 2014 г. стал поворотным в истории современной России. Однако при этом до сих пор остается открытым вопрос о том, в какую сторону произошел означенный поворот — в положительную или отрицательную.

С одной стороны, нельзя отрицать ухудшение экономической ситуации по огромному числу направлений в период после 2014 г., что отмечает не только российская статистика, но и зарубежные аналитики. Так, европейские источники со ссылкой на российских официальных лиц отмечают, что, по разным оценкам, санкции обходятся России от 0,5–2% ВВП в год [1]. В то же время отмечается «уникальность» нашей страны как объекта санкций, которая заключается в том, что, несмотря на экономические эффекты, Россия готова нести определенные издержки ради отстаивания своей политической позиции на мировом рынке [2] и для оказания более сильного политического влияния необходимо применение более жестких экономических санкций [3].

С другой стороны, бесспорным является и тот факт, что по-настоящему значимые успехи Россия демонстрирует в самые сложные периоды своей истории, когда возникает мобилизация ее ресурсов в позитивном направлении. Не исключено, что и нынешние международные санкции выступают в роли своеобразного драйвера давно назревших прогрессивных преобразований, которые до недавнего времени откладывались до лучших времен.

Задача данной статьи состоит в выявлении и оценке тех положительных изменений, которые, несмотря ни на что, произошли в российской экономике после 2014 г.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ: ТЕНДЕНЦИЯ К ОЗДОРОВЛЕНИЮ

Негативное влияние санкций на внешнеторговые показатели России очевидно: общее снижение товарооборота России в период с 2013 по 2017 г. составило 30,7%, по экспорту — 32,3%, по импорту — 27,9% (табл. 1).

Приведенные в табл. 1 значения не вселяют большого оптимизма, однако попробуем разобраться, насколько сложившаяся ситуация драматична.

По данным таблицы видно, что пик падения товарооборота относительно 2013 г., лучшего в истории внешнеторговой деятельности современной России, приходится на 2016 г. Согласно расчетам общее сокращение внешней торговли в указанный период достигло 44,5%, экспорта — 45,9%, импорта — 42,1%. Однако очевидно и то, что на 2016 г. пришлось максимальное падение цены на нефть, одного из ключевых товаров, экспортируемых из России, в то время как в 2013 г. данный показатель находился на уровне пиковых значений (табл. 2). Если нивелировать влияние стоимостного фактора на экспортные характеристики, то падение в 2016 г. будет выглядеть менее устрашающим: общее — 37,0%, экспорта — 33,2%.

Тенденции к оздоровлению российской экономики наметились в 2017 г. Данный вывод подтверждается сразу несколькими результатами. Во-первых, относительно предыдущего года наблюдается значительный рост характеристик внешней торговли по всем направлениям: совокупного товарооборота — на 24,9%, экспорта — на 25,1%, импорта — на 24,5%. Во-вторых, стоимостной объем взаимного товарооборота 2017 г. показал седьмой результат в новейшей истории России. В-третьих, положительная динамика сохраняется и в 2018 г.: в I квартале текущего года по сравнению с аналогичным прошлым периодом наблюдается увеличение товарооборота — на 22,6%, экспорта — на 23,6%, импорта — на 20,8% (<http://russian-trade.com>).

Таким образом, можно констатировать, что влияние международных санкций не оказалось фатальным для России. Внешнеторговая деятельность страны хотя и была отброшена назад, но отставание составило несколько лет, а не десятилетия, как того можно было ожидать. Фактически по характеристикам внешней торговли страна вернулась к уровню 2010 г. Кроме того, вызванная санкциями турбулентность внешней торговли привела к изменениям товарной и географической структуры товарооборота. Оценим направление этих изменений.

СДВИГИ В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТОВАРООБОРОТА

Санкционный период оказался сложным в развитии отношений со многими торговыми партнерами России. Как было отмечено ранее, наиболее кризисным для нашей страны оказался 2016 г., что во многом связано с пиком падения цены на нефть. Однако и негативное влияние санкций в указанный период, по всей видимости, также

Таблица 1 / Table 1

Показатели внешней торговли России в 2013–2017 гг., млн долл. США /
Indicators of foreign trade of Russia in 2013–2017, mln. \$US

Показатель/год	2013	2014	2015	2016	2017	Изменение, %
Товарооборот	842 233	782 927	526 275	467 753	584 050	69,3
Экспорт	527 266	496 944	343 597	285 491	357 083	67,7
Импорт	314 967	285 982	182 678	182 262	226 966	72,1

Источник / Source: Внешняя торговля России / Russian Foreign Trade.

Таблица 2 / Table 2

Основные характеристики экспорта сырой нефти из России /
Main characteristics of crude oil exports from Russia

Показатель/год	2013	2016	2017
Объем, млн т	236,6	254,8	252,6
Стоимость, млн долл. США	173 670	73 676	93 306
Доля в структуре экспорта, %	32,9	25,8	26,1
Среднегодовая цена на нефть марки Brent, долл. США за баррель	108,8	44,0	54,4

Источник / Source: Организация Объединенных Наций / United Nations.

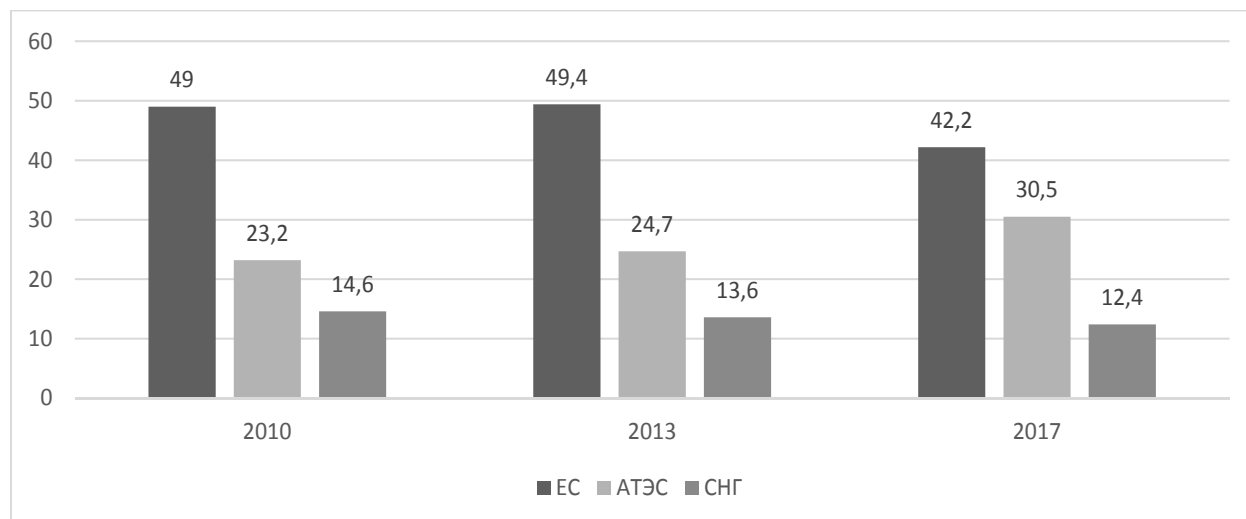
достигло своего максимума, поскольку резкое сокращение стоимостных показателей внешней торговли происходило не только за счет стремительного снижения экспорта (на 46% относительно 2013 г.), что вполне объяснимо при снижении стоимости одного из ключевых экспортируемых товаров, но и максимального падения импорта (на 42% относительно того же периода). На этом фоне происходила структурная перестройка товарооборота, в частности, связанная с его географией. Рассмотрим произошедшие перемены.

На протяжении многих лет основным торговым партнером России являлись страны ЕС, доля которых в российском товарообороте достигала 50%. Несмотря на то что и в настоящее время они занимают ключевые позиции во внешней торговле России, введение санкций и продовольственного эмбарго заметно снизило эффективность торгового сотрудничества (см. рисунок). Так, падение стоимостных параметров товарного оборота с такими странами, как Германия, Нидерланды и Италия в 2013–2017 гг. составило 33, 48 и 56% соответственно. При этом отдельные авторы отмечают, что антироссийские санкции только за один год обошлись Европе значительно выше, чем, например, иранские — за послед-

нее десятилетие [4]. Однако в числе европейских стран имеются и такие, с которыми Россия в рассматриваемый санкционный период не только не снизила товарооборот, но и, наоборот, сумела его нарастить. К их числу относятся Болгария (прирост 18,1%), Португалия (7,3%), Румыния (6,1%), Дания (5,9%) (<http://russian-trade.com>).

Снижение доли стран ЕС происходило в пользу государств Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), в основном Китая, доля которого во внешней торговле России к 2017 г. достигла 15%. Несмотря на сокращение товарооборота между двумя странами в период 2013–2015 гг. на 28%, в 2016 г. наметилась положительная тенденция, в результате чего за 2 года взаимный товарооборот увеличился на сумму 23,4 млрд долл. США (36,8%) (<http://russian-trade.com>).

Другими значимыми внешнеторговыми контрагентами России в Азии в рассматриваемый период стали Южная Корея, Турция, Индия, Сингапур и Вьетнам, лидер по наращиванию торгового сотрудничества с Россией. Его доля во внешней торговле России в период 2013–2017 гг. выросла почти в 2 раза, а стоимостные характеристики увеличились на 32% [5].

Структура внешней торговли России по группам стран / Structure of Russia's foreign trade by groups of countries

Источник / Source: Внешняя торговля России / Russian Foreign Trade.

Таблица 3 / Table 3

Динамика внешней торговли России и США в 2013–2017 гг. / Dynamics of foreign trade of Russia and the USA in 2013–2017

Показатель/год	2013	2014	2015	2016	2017
Место в товарообороте России	10	8	8	5	6
Доля в товарообороте России, %	3,28	3,73	3,98	4,33	3,97
Товарооборот, млрд долл. США	27,6	29,2	20,9	20,3	23,2
Экспорт, млрд долл. США	11,1	10,7	9,5	9,4	10,7
Импорт, млрд долл. США	16,5	18,5	11,5	10,9	12,5

Источник / Source: Внешняя торговля России / Russian Foreign Trade.

Интересна траектория развития торговых взаимоотношений между Россией и США. Несмотря на далеко не самые простые политические отношения двух стран, а также постоянное усиление не только санкционного давления Америки на нашу страну, но и ее психологического воздействия на европейские страны относительно России, нельзя сказать, что внешнеторговое сотрудничество между США и Россией за последние 5 лет претерпело существенные изменения. Более того, практически все эти годы значимость США в российском товарообороте неуклонно росла. Страна, занимавшая в 2013 г. 10-е место во внешней торговле России, к 2017 г. только усилила свои позиции, переместившись на 6 строчку. При этом ее доля в российском экспорте увеличилась с 2,11% (14-е место) до 3,0% (10-е место), в импорте — с 5,24% (3-е место) до 5,51%

(3-е место). Несмотря на сокращение стоимостных характеристик взаимного товарооборота на 16%, их падение нельзя назвать катастрофичным. В основном оно произошло по части импорта (24%), в то время как на российские экспортные поставки санкции не оказали практически никакого влияния (-4%) (табл. 3).

Подводя итоги анализа географических изменений товарооборота России под влиянием международных санкций, на наш взгляд, следует отметить два положительных момента. Прежде всего, санкции показали готовность нашей страны нивелировать потери внешнеторговых партнеров за счет диверсификации торговых рынков и наращивания экономического сотрудничества с новыми контрагентами. Подобно западным странам, компенсировавшим потери от российских контрсанкций за счет других

Таблица 4 / Table 4

**Экспорт легковых автомобилей в страны дальнего зарубежья и СНГ /
Export of passenger cars to foreign countries and CIS countries**

Показатель/год	2013	2017	Индекс изменения
Всего, шт.	137934	84400	0,61
Страны дальнего зарубежья, шт.	6235	32518	5,22
Страны СНГ, шт.	131699	51882	0,39

Источник / Source: Организация Объединенных Наций / United Nations.

Таблица 5 / Table 5

Динамика структуры экспорта и импорта России, % / Dynamics of the Russian export and import structure, %

Товарная группа	Вид операции	Годы		Изменение, п.п.
		2013	2017	
Минеральные продукты	экспорт	71,5	60,4	-11,1
	импорт	2,2	2,0	-0,2
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	экспорт	3,1	5,8	2,7
	импорт	13,7	12,7	-1,0
Машины, оборудование и транспортные средства	экспорт	4,4	6,0	1,6
	импорт	46,6	45,6	-1,0

Источник / Source: Внешняя торговля России / Russian Foreign Trade.

рынков [6], в России также была проведена существенная работа по усилению внешнеторгового сотрудничества со странами, значение которых во внешней торговле РФ ранее было менее значимым.

Ярким примером диверсификации сбытовых рынков является экспорт легковых автомобилей, сокращение которого с 2013 г. составило почти 40%. Такое падение было вызвано катастрофическим снижением экспорта в страны СНГ (61%), в основном в Казахстан (82%) и Украину (83%). Однако часть потерь российским экспортерам удалось компенсировать за счет взрывного роста экспорта легковых автомобилей на рынки дальнего зарубежья (табл. 4). Например, в Чехию экспорт легковых автомобилей из России вырос практически в 500 раз: с 33 шт. в 2013 г. до 15 772 шт. в 2017 г. И работа в направлении поиска перспективных рынков сбыта продукции российского машиностроения только набирает свои обороты. В частности, изучаются перспективы экспорта российских автомобилей в такие страны, как Франция, Великобритания, Германия, Испания, Италия [7].

Другим положительным моментом влияния международных санкций на российскую экономику,

на наш взгляд, является усиление значимости во внешнеторговой деятельности России таких стран, как Китай, США, Индия, что, с учетом масштабов их экономик, позволяет говорить о внешнеторговых приоритетах нашей страны в пользу сотрудничества с экономически сильными странами.

ИЗМЕНЕНИЯ В ТОВАРНОЙ СТРУКТУРЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

По линии товарной структуры произошло, по крайней мере, два значимых положительных сдвига. Во-первых, наметилась тенденция на снижение ресурсной зависимости России, что говорит о качественных изменениях в российском производстве в сторону увеличения глубины переработки. Во-вторых, сделан существенный шаг к обеспечению продовольственной безопасности страны, что проявляется в почти двукратном увеличении доли продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в структуре экспорта России при наметившейся тенденции к ее снижению в структуре импорта (табл. 5).

Таблица 6 / Table 6

**Динамика экспорта России по отдельным товарным группам /
Dynamics of the Russian exports by individual product groups**

Товарная группа	Ед. измерения/год	2010	2013	2017	Индекс изменения, 2013–2017
Минеральные продукты					
Нефть сырая	млрд долл. США	128,1	173,7	93,3	0,54
	млрд тонн	230,1	236,6	252,6	1,07
Нефтепродукты	млрд долл. США	69,7	110,3	60,1	0,55
	млрд тонн	131,7	153,4	155,25	1,01
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье					
Мясо крупного рогатого скота	тыс. долл. США	5,9	7700,4	14 449,0	1,88
	тонн	1,1	1203,7	2545,5	2,11
Овощи	млн долл. США	62,3	245,5	490,0	2,00
	тыс. тонн	212,9	588,5	1560,9	5,65
Пшеница	млн долл. США	2069,0	3482,7	5791,0	1,66
	тыс. тонн	11 848,1	13 796,3	33 026,0	2,39
Животные масла и жиры	тыс. долл. США	233,5	390,9	2774,5	7,10
	тонн	402,7	225,9	2111,4	9,35
Сахар, патока, мед	млн долл. США	29,2	63,7	341,7	5,36
	тыс. тонн	164,7	453,9	1301,5	2,87
Машины, оборудование и транспортные средства					
Паровые котлы и др. паронагреватели	млн долл. США	41,2	162,2	178,2	1,10
	тыс. тонн	3338,2	14 825,1	21 883,7	1,48
Турбореактивные двигатели	млн долл. США	766,3	1581,5	1547,3	0,98
	шт.	330	407	444	1,10
Ядерные реакторы и их детали; тепловыделяющие элементы	млн долл. США	1369,5	1444,3	1293,3	0,90
	тыс. тонн	1265,5	979,7	4912,0	5,01
Автомобили легковые	млн долл. США	255,4	1497,0	1320,2	0,88
	шт.	40 894	138 433	84 400	0,61
Самолеты (более 15 000 кг)	млн долл. США	0	1118,7	1562,3	1,40
	шт.	0	54	52	0,96

Источник / Source: Организация Объединенных Наций / United Nations.

Несомненно, большую роль в снижении доли минеральных продуктов сыграло падение цен на основные энергоресурсы, однако анализ динамики экспорта и импорта отдельных неминеральных товарных групп показывает позитивные сдвиги в сторону усиления не только их стоимостных характеристик, но и физических объемов (см. табл. 3). По таким продовольственным товарным группам, как мясо, овощи, пшеница, сахар, животные масла можно видеть многократное повышение экспорта в 2017 г. относительно 2013 г. Если же оценить индекс изменения характеристик экспорта с 2010 г., то его значение существенно вырастет, достигнув, в отдельных случаях, тысячекратной величины¹.

Несмотря на то что по машинам, оборудованию и транспортным средствам наблюдается не столь ярко выраженная положительная динамика, позитивные сдвиги присутствуют и здесь. Ранее уже отмечалось резкое увеличение (в 5,22 раза) экспорта легковых автомобилей в страны дальнего зарубежья; наблюдается существенный прирост физических характеристик экспорта энергогенераторных машин и оборудования; а также стоимостных — по экспорту самолетов. Кроме того, по данным ФТС России, в 2017 г. был показан абсолютный стоимостной рекорд по экспорту таких товаров машиностроения, как реактивные двигатели, ядерные реакторы, котлы центрального отопления; термическое, фильтровальное и холодильное оборудование; машины для обработки почвы; лазеры и приборы спецоптики, а также по ряду других позиций. В целом экспорт машин, оборудования и транспортных средств в 2017 г. составил 28,1 млрд долл. США, что не только на 14,6% превышает результат предыдущего года, но и является вторым результатом в истории современной России, незначительно уступающим показателю 2013 г. (28,8 млрд долл. США). При этом существенно изменилось соотношение поставок в дальнее зарубежье и страны СНГ, усилив позиции первых: 70:30 в 2017 г. против 58:42 в 2013 г. (<https://sdelanounas.ru/blogs/104056/>).

Разворот России в сторону экспорта неминеральных товаров подтверждает устойчивый рост коэффициента экономической сложности, характеризующего диверсифицированность экспортируемых товаров, значение которого с 2013 по 2016 г.

выросло с 0,0671 до 0,235, переместив нашу страну с 55-го на 48-е место (<http://atlas.cid.harvard.edu>).

Конечно, опрометчиво говорить о подъеме отечественного машиностроения как о свершившемся факте. На текущий момент существует множество проблем, в том числе сопряженных с отставанием в развитии российского электронного и электротехнического оборудования, чем обусловлена его низкая доля в структуре экспорта России [8]. Однако развитие машиностроительной отрасли России является неотъемлемой частью и одним из перспективных направлений роста технологичности и сложности российского экспорта [9].

Таким образом, можно констатировать, что введенные антироссийские санкции существенно не повлияли на генеральную тенденцию в развитии экспорта ключевых товарных рынков, на которых на протяжении всего времени с 2010 г. наблюдался достаточно устойчивый рост, в то время как ответные контрсанкции со стороны России имели негативный эффект для зарубежных производителей. Например, только сокращение импортных поставок мяса и мясной продукции в 2017 г. относительно 2013 г. составило 4,1 млрд долл. США (60,4%), заставив бывших зарубежных партнеров России заняться поисками новых рынков сбыта данной продукции. Более того, Россия была вынуждена сделать разворот в сторону своих внутренних возможностей, что в первую очередь выразилось в развитии импортозамещения в нашей стране.

ТРЕНДЫ В ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИИ

Наверное, одним из наиболее ярких положительных эффектов от введения санкций можно считать развитие импортозамещения в России, нацеленное на повышение национальной и экономической безопасности страны. С июня 2015 по апрель 2018 г. было осуществлено более 1000 проектов импортозамещения преимущественно в аграрнопромышленном (АПК) и военно-промышленном (ВПК) комплексах, машиностроении, IT-секторе и ряде других отраслей (<https://sdelanounas.ru/blogs/106833/>). Результатом их реализации, например, в мясной отрасли стала возможность самообеспечения страны мясом птицы — на 100%, свининой — на 90%, говядиной — на 65% [10]. Достигнуты успехи и в других отраслях АПК. Так, в 2017 г. Россия впервые не производила сахар из импортного сырья, доля которого еще несколько лет назад достигала практически 50%. Развитие новых технологий выращи-

¹ Например, объемы экспорта мяса крупного рогатого скота в физическом выражении выросли в рассматриваемый период 2314 раза. В стоимостном выражении значение данного показателя составляет 2449 раз.

вания, хранения и транспортировки сахарной свеклы позволило отказаться от использования в качестве сырья для производства сахара импортного тростникового сахара-сырца и повысить результативность свеклосахарного комплекса России почти в 5 раз (http://www.agroinvestor.ru/regions/news/29637-rossiya-ne-proizvodila-sakhar-iz-syrtsa/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com).

Помимо АПК, программа импортозамещения эффективно реализуется в военно-промышленной сфере, где прекращение российско-украинского военно-технического сотрудничества, на долю которого приходилось 4,4% российского военного импорта (<https://www.rbc.ru/newspaper/2014/06/18/56be74729a7947299f72ceef>), ускорило развитие отечественного производства в военной сфере. В частности, на НПО «Сатурн» было налажено производство корабельных газотурбинных двигателей для ВМФ; петербургское АО «Климов» освоило выпуск вертолетных двигателей ТВЗ-117; российский аналог украинского двигателя для учебно-боевого самолета Як-130 был создан на предприятии Соколиной Горы НПЦ газотурбостроения «Салют» (<https://novorossia.su/news/ukrainozameshenie-kak-rossiyskiy-vpk-obhoditsya-bez-produkcii-zapadnogo-sosed>). Всего в рамках реализации данной программы в России развернулось производство по 186 позициям, которые ранее импортировались с Украины (<http://tass.ru/politika/4103932>). Несмотря на то что процесс разработки и налаживания серийного производства продукции для ВПК является длительным и достаточно сложным, российская оборонная промышленность сумела получить значительные преимущества от сложившейся негативной геополитической ситуации.

Кроме ВПК и АПК, неплохие успехи демонстрирует программа импортозамещения в ИТ-секторе, где на фоне роста российского программного обеспечения (ПО) снижается доля зарубежных ИТ-решений и активно реализуется практика перехода российских организаций и компаний на использование российского ПО [11]. В числе флагманов импортозамещения находятся такие отечественные ИТ-компании, как «1С», практически монополист российского рынка автоматизации бухгалтерского учета; «Лаборатория Касперского», продукты которой составляют значительную часть российского рынка информационной безопасности; корпорация «Галактика», один из лидеров в части прикладного ПО для управления производственной

и финансовой деятельностью, и ряд других вендоров². Применение собственных информационных разработок и независимых технологических решений позволило успешно запустить национальную платежную систему «Мир», что позволило сократить зависимость финансового сектора от внешних факторов и международных платежных систем.

Конечно, было бы слишком оптимистично уповать на успехи импортозамещения. По мнению многих российских экономистов, данная программа оправдывает себя в секторах, связанных с безопасностью страны (АПК, ВПК, ИТ-сфера), в то время как в остальных случаях приносит экономике больше вреда, чем пользы (<https://www.bbc.com/russian/features-39671210>). Тем не менее нельзя отрицать и ее положительное воздействие на экономику страны, сопряженное с началом нелегкого пути к подъему отечественного производства и раскрытием его внутреннего потенциала.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ: РАЗВОРОТ В СТОРОНУ ВНУТРЕННИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Любые санкции, как правило, имеют две стороны: финансовую, действие которой ощущается практически сразу после введения, и технологическую, имеющую отложенный эффект. Потенциальная опасность технологических санкций заключается в том, что они не сильно заметны в краткосрочном периоде, пока функционирует техника и оборудование, закупленные ранее. Однако ее устаревание (особенно моральное) может болезненно отразиться в перспективе на развитии России. Именно поэтому перед страной встает острая необходимость в совершении технологического рывка, особенно учитывая тот факт, что имеющихся разработок хватит только на ближайшие 2–3 десятилетия (<http://tass.ru/ekonomika/516>).

Позволим себе выразить сдержанный оптимизм, отметив, что определенная работа в этом направлении уже началась. Для подтверждения своих слов остановимся на двух примерах, первый из которых связан со строительством на полуострове Ямал завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) — одного из самых масштабных проектов в нефтегазовой сфере за последние годы, а второй относится к сверхсовременным разработкам ВПК.

² 5 главных препятствий импортозамещения ИТ-решений. Аналитический обзор TAdviser.

Проект строительства завода СПГ, идея которого была заложена в Комплексный план по развитию производства сжиженного газа на полуострове Ямал в 2010 г., по своей сути является крупномасштабным международным предприятием. При суммарной инвестиционной стоимости в 27 млрд долл. США практически 45% было вложено китайскими партнерами, владеющими 29,9% акций (Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) — 20%, Фонд Шёлкового пути — 9,9%). Главным держателем акций «Ямал СПГ» является ПАО «НОВАТЭК», доля которого составляет 50,1%. Еще один акционер компании — французская нефтегазовая компания Total (20%) (<https://www.rbc.ru/business/05/12/2017/5a266c2c9a794747585042ac>).

Особенностью реализации данного проекта является то, что он строится с нуля в суровых природно-климатических условиях Крайнего Севера, которые, с одной стороны, позволяют сократить себестоимость производства сжиженного газа за счет низких температур, с другой стороны, существенно усложняют строительные и эксплуатационные работы, а также создают экстремальные условия для жизни и работы людей. Примечательно, что каждое новое строительство заводов СПГ на северных территориях требует поиска новых технологических решений для процесса сжижения, в то время как на южных заводах применяются типовые технологии [12].

Риски строительства подобных заводов в России в настоящее время напрямую связаны с отсутствием собственных технологий крупнотоннажного производства СПГ: на «Ямал СПГ» используется технология американской компании Air Products, на «Сахалине-2» была применена технология британско-нидерландского концерна Shell [13]. Непростые политические и экономические взаимоотношения с международными партнерами и потенциальная возможность усиления санкций, направленных на запрет использования иностранных технологий сжижения, заставляют искать альтернативные решения на внутреннем рынке. Так, проектирование дополнительной четвертой очереди «Ямала СПГ» было заказано ведущему российскому центру по управлению проектированием, поставками, логистикой и строительством «НИПИГАЗ». В 2018 г. НОВАТЭК запатентовал собственную технологию сжижения природного газа «Арктический каскад», рассчитанную на использование российского оборудования. Разработка аналогичной технологии для производства около 1 млн тонн СПГ ведется НПО

«Криомаш» по заказу энергетической корпорации «Газпром» [14].

Помимо вышесказанного, следует отметить, что негативное влияние санкций на трубопроводные газовые проекты России, поставившее под угрозу закрытия многие из них, заставило задуматься о диверсификации газовых поставок и вступить в мировую борьбу за лидерство на мировом рынке СПГ, открыв тем самым новые перспективы для нашей страны. В случае успешной реализации планируемых СПГ-проектов доля России на мировом рынке СПГ может увеличиться почти в 4,5 раза: со скромных 4,5% до 20%.

Возросшее политическое напряжение в мире заставило Россию серьезно подойти к вопросам не только энергетической, но и стратегической безопасности страны, ускорить процессы ее модернизации. Результатом стало создание сверхсовременного вооружения, анонсированного В.В. Путиным в Обращении к Федеральному собранию в марте 2018 г.

Разработки и испытания новейшего вооружения ведутся по всем направлениям. Но уже сейчас можно говорить о качественном прорыве, совершенном Россией в области создания нового поколения ядерного и термоядерного вооружения, в развитии беспилотных технологий, а также лазерного и гиперзвукового оружия. За последние 5–7 лет в России были созданы технологии, аналогов которым на сегодняшний день в мире нет.

Что позволило России совершить данный технологический прорыв? На наш взгляд, сложилась уникальная ситуация, когда, с одной стороны, накалившаяся политическая обстановка фактически заставила Россию мобилизовать усилия в данном направлении. С другой стороны, имеющийся у страны задел времен Советского Союза вкупе с современными компьютерными технологиями позволили ускорить работу российских конструкторских бюро и научных организаций. Таким образом, были не только созданы уникальные новейшие разработки, но и доведены до ума отдельные проекты советских времен.

Подтверждением последнего, например, является создание нового ракетного комплекса с тяжелой межконтинентальной ракетой «Сармат», в конструкции которой применены хорошо зарекомендовавшие себя ранее технологические решения Государственного ракетного центра имени Макеева (<https://nstarikov.ru/blog/90760>). Еще одним современным российским достижением является беспилотный подводный аппарат с глубиной по-

гружения более 1000 метров, что для подводных лодок само по себе является уникальным явлением: например, глубина погружения подлодок США не превышает 450 метров. Уникальной особенностью разработанной подводной лодки является ее оснащение инновационной ядерной энергоустановкой, имеющей сверхмалые габариты при сверхвысокой энерговооруженности, скорость перемещения которой примерно в пять раз превышает скорость любого подводного или надводного корабля. Взрыв подобной ракеты на большой глубине способен вызвать цунами высотой 450 метров (<https://www.youtube.com/watch?v=8pbgfrdiZTc>). Однако данная разработка тоже уходит корнями в советское прошлое: подобные малоразмерные ядерные энергетические установки уже в конце 60-х гг. прошлого столетия применялись на советских разведывательных спутниках.

Таким образом, расчет на то, что санкции подорвут экономику России, ослабят ее не только экономически, но и стратегически, оказался не вполне верным. Несмотря на то что российский

военный бюджет почти в 12 раз меньше американского, наша страна смогла не только активизировать возрождение военной промышленности, но и создать стратегическое преимущество, на которое на текущий момент времени нет ответа ни у одной страны мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что было бы неразумно отрицать тот масштабный негативный эффект, который наносят международные санкции экономике нашей страны. Тем не менее время идет, рынок приспосабливается к новым условиям, и перед Россией встает задача выработки новой экономической парадигмы, ориентированной на развитие страны в сложившейся в мире геополитической обстановке. И именно в этом, на наш взгляд, международные санкции способны оказать самую значимую услугу России — развернуть ее в сторону внутреннего потенциала страны, заставив рассчитывать на свои собственные ресурсы и возможности.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету на 2018 г. (тема «Методика оценки влияния немонетарных факторов на динамику инфляции», шифр АААА-А18-118052490081-5).

FUNDING

The article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the financial University for 2018 (topic “Methods of assessing the impact of non-monetary factors on the dynamics of inflation”, code AAA-A18-118052490081-5).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Russel M. Sanctions over Ukraine: Impact on Russia. EPRS: European Parliamentary Research Service. Briefing; 2018.
2. Gould-Davies N. Economic effects and political impacts: Assessing Western sanctions on Russia. Bank of Finland. *BOFIT Policy Brief*. 2018;(8).
3. Christie E. H. The Design and Impact of Western Economic Sanctions against Russia. *The RUSI Journal*. 2016;161(3):52–64. DOI: 10.1080/03071847.2016.1193359
4. de Galbert S. A Year of Sanctions against Russia — Now What? A Report of the CSIS Europe Program; 2015.
5. Гладков И. С. Внешняя торговля России в 2017 г.: разворот на взлет. *Власть*. 2018;(3):38–46.
6. Узун В., Логинова Д. Российское продовольственное эмбарго: потери западных стран несущественны. *Мониторинг экономической ситуации в России*. 2016;14(32):24–29.
7. Зуев А. Б., Левина Е. А., Покатович Е. В. Экспортный потенциал российской автомобильной промышленности: оценка направлений и объемов. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2016;4(37):115–129.
8. Савинов Ю. А., Абрамова А. В. Международная торговля машинами и оборудованием: динамика и структура. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2017;(1):32–47.
9. Туровец Ю. В. Машиностроительная отрасль как перспективное направление технологического экспорта России. *Торговая политика*. 2016;(3/7):84–122.

10. Фомин А.А. Импортзамещение в АПК — приоритетное направление социально-экономического развития России. *Московский экономический журнал*. 2017;(4):18–32.
11. Щербинина М. Ю., Крюкова А. А. Импортзамещение в ИТ-сфере. *Карельский научный журнал*. 2016;4(17):213–216.
12. Крюков О.В. Развитие технологий производства сжиженного природного газа. *Химическая техника*. 2015;(1):41–50.
13. Голубева И.А., Мещерин И.В., Дубровина Е.П. Производство сжиженного природного газа: вчера, сегодня, завтра. *Мир нефтепродуктов. Вестник нефтяных компаний*. 2016;(6):4–13.
14. Искендеров П.А. Российская индустрия сжиженного природного газа: риски и перспективы. *Знание*. 2018;5–3(57):5–12.

REFERENCES

1. Russel M. Sanctions over Ukraine: Impact on Russia. EPRS: European Parliamentary Research Service. Briefing; 2018.
2. Gould-Davies N. Economic effects and political impacts: Assessing Western sanctions on Russia. Bank of Finland. *BOFIT Policy Brief*. 2018;(8).
3. Christie E. H. The Design and Impact of Western Economic Sanctions against Russia. *The RUSI Journal*. 2016;161(3):52–64. DOI: 10.1080/03071847.2016.1193359
4. de Galbert S. A Year of Sanctions against Russia — Now What? A Report of the CSIS Europe Program; 2015.
5. Gladkov I. Foreign Trade of Russia in 2017: Return to Growth. *Vlast'*. 2018;(3):38–46. (In Russ.).
6. Uzun V., Loginova D. Russian Food Embargo: Minor Losses in Western Countries. *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii*. 2016;14(32):24–29. (In Russ.).
7. Zuev A. B., Levina E. A., Pokatovich E. V. Export Potential of the Russian Automobile Industry: Evaluation of Directions and Volumes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya*. 2016;4(37):115–129. (In Russ.).
8. Savinov Y. A., Abramova A. V. International trade in machines and equipment: dynamics and structure. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 2017;(1):32–47. (In Russ.).
9. Turovets Yu. V. Machinery building industry as a perspective direction of the Russian technological export. *Torgovaya politika*. 2016;(3/7):84–122. (In Russ.).
10. Fomin A. Import substitution in agriculture is a priority socio-economic development of Russia. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*. 2017;(4):18–32. (In Russ.).
11. Shcherbinina M., Kryukova A. Import Substitution in the IT sphere. *Karel'skii nauchnyi zhurnal*. 2016;5(4(17)):213–216. (In Russ.).
12. Krukov O. Development of Liquefied Natural Gas Production Technologies. *Khimicheskaya tekhnika*. 2015;(1):41–50. (In Russ.).
13. Golubeva I. A., Meshcherin I. V., Dubrovina E. P. Liquefied natural gas production: Yesterday, Today and Tomorrow. *Mir nefteproduktov. Vestnik neftyanykh kompanii*. 2016;(6):4–13. (In Russ.).
14. Iskenderov P. A. Russia's LNG: Risks and Chances. *Znanie*. 2018;(5–3):5–12. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Александровна Екимова — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия
n.ekimova@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natal'ya A. Ekimova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, leading researcher of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia
n.ekimova@bk.ru

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-93-108
УДК 336.71(045)
JEL E5

Роль банков и фондового рынка в экономике Германии

Б.Е. Зарицкий,

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-002-5877-2623>

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Цель статьи – проанализировать особенности современного состояния банковского сектора и фондового рынка ФРГ. Реструктуризация оказавшихся в эпицентре финансового кризиса 2008–2009 гг. земельных банков, продолжающиеся поиски путей санации терпящего убытки Deutsche Bank, сокращение объемов межбанковского кредитования на фоне предстоящего свертывания политики «количественного смягчения» ЕЦБ – таковы лишь некоторые черты развития банковской системы Германии в последние годы. С другой стороны, после серии неудачных попыток Deutsche Boerse создать альянс с крупнейшими мировыми биржами Франкфурт рассчитывает после выхода Великобритании из ЕС взять у Лондона реванш в борьбе за звание европейской финансовой столицы.

Методы. На основе анализа публикаций ЕС, ЕЦБ, Бундесбанка, профильных германских ведомств, монографий и статей российских и зарубежных авторов в настоящей публикации показаны изменения в структуре банковского сектора ФРГ, сильные и слабые стороны фондового рынка Германии. Автор использовал системный и историко-статистический подходы, что позволило проанализировать тему исследования комплексно, в ее динамике, систематизировать статистические данные, сформулировать некоторые выводы относительно возможных сценариев дальнейшего развития событий.

Результаты. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. затронул банковскую систему Германии сильнее, чем это принято считать. Ведущие банковские институты страны – Deutsche Bank и Commerzbank – находятся в сложном финансовом положении. Относительно небольшие размеры и низкий уровень рентабельности большинства немецких банков являются серьезными ограничителями их международной активности. Между тем, фондовый рынок Германии остается недостаточно развитым и играет подчиненную роль в финансировании предприятий.

Перспективы. Результаты данного исследования могут быть полезными при оценке долгосрочных перспектив социально-экономического и инновационного развития Германии, которая остается крупнейшей экономикой Евросоюза.

Ключевые слова: банковский кредит; рынок ценных бумаг; универсальный банк; рентабельность; депозит; акции; облигации; деривативы; биржа; эмиссия ценных бумаг; финансовый рынок; венчурный капитал

Для цитирования: Зарицкий Б.Е. Роль банков и фондового рынка в экономике Германии. *Мир новой экономики.* 2018;12(4):93-108. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-93-108

The Role of Banks and Stock Market in the German Economy

B.E. Zaritskiy,

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-002-5877-2623>

ABSTRACT

Relevance. The purpose of this article is to analyse particular features of the modern situation in of the banking and stock market sectors of the Federal Republic of Germany. Some of the topical characteristics of the development of the German banking system during the last years are as follows:

The restructuration of the Lands Banks, which was in the centre of the financial crisis of 2008–09;

Continuing attempts to reorganise the Deutsche Bank which was and is in continued failure of profits;

The decrease in inter-banking credits on the background of expected abandonment of the policy of “quantitative easing”.

On the other hand, following a series of unlucky attempts by Deutsche Boerse to establish an alliance with the largest World's Stock Exchanges, Frankfurt hope to get even with London and become European “financial capital” after Brexit completed.

Methods. By analysis of publications edited by EU, ECB, Bundesbank, related German agencies, and also books and articles written by Russian and foreign authors this text demonstrates the changes within the structure of the German banking sector and the strong and weak aspects of the stock market of this country. The author used system's approach and historical and statistical methods to allow the making of a holistic analysis of the selected topic in its development, as well as ranging statistical data properly and drawing up some conclusions regarding the eventual scenario of further development.

Results. This research provided a background for the conclusion that the world financial and economic crisis of 2008–09 has more strongly affected the German banking sector than in former considerations. The leading banking institutions of the country such as Deutsche Bank and Commerzbank are in a hard financial situation. Relatively limited capital adequacy and low level of profitability of the majority of German banks represent important limits for its international activities. Meanwhile, the German stock market remains underdeveloped and therefore plays a subordinated role in financing companies.

Prospects. The outcomes of this research could be useful for the assessment of long-term perspectives of the socio-economic and innovative development of Germany which remains the biggest economy of the EU.

Keywords: banking credit; stocks exchange market; universal bank; profitability; deposit; shares; bonds; derivatives; stock exchange; issuance of securities; financial market; venture capital

For citation: Zaritskiy B.E. The role of banks and stock market in the German economy. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):93-108. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-93-108

Соотношение банковского кредита и ценных бумаг как источников финансирования компаний существенно отличается в разных странах. В зависимости от того, в какой мере они опираются на тот или иной источник, финансовые системы принято делить на «**основанные на банках**» (bank based financial system) и «**основанные на рынке ценных бумаг**» (market based financial system) [1]. Финансовая система Германии представляет собой типичный пример так называемой банкоцентричной модели, в отличие от англо-саксонских стран, ориентированных на финансовый рынок. Именно банковский кредит, а не эмиссия ценных бумаг, является в ФРГ главным внешним источником финансирования бизнеса. В 2017 г. размер немецкого банковского сектора (как отношение совокупных активов к ВВП) составил 260%, а активы банков США менее 70% ВВП (<http://www.bankenverband.de/fachthemen/unternehmensfinanzierung-c/positionspapier-zur-rolle-der-banken-bei-der-finanzierung-der-europaeischen-wirtschaft.pdf>).

СТРУКТУРА БАНКОВСКОГО СЕКТОРА

На вершине пирамиды в структуре банковской системы Германии находится *Немецкий Бундесбанк*, центральный банк ФРГ, который является составной частью Европейской системы центральных банков (ЕЦБ). Бундесбанк принимает участие в выполнении задач ЕЦБ, связанных преимущественно с поддержанием стабильности цен и обеспечением внутренних и международных расчетов. Утратив после введения евро функцию эмиссионного центра, Бундесбанк, тем

не менее, сохраняет за собой функцию «банка банков», «банка государства» и «управляющего валютными резервами». Помимо этого, в определенных пределах Бундесбанк сохранил за собой и контрольную функцию, хотя основной круг задач, связанных с осуществлением надзора за банковской деятельностью, решает Федеральное ведомство по надзору за финансовым рынком (BaFin.). Для регулирования денежного обращения и кредита используются следующие инструменты:

- установление процентных и дисконтных ставок по операциям Бундесбанка;
- операции на открытом рынке;
- резервные требования к кредитным учреждениям, которые обязаны держать минимальные резервы на счетах в Бундесбанке в размерах, определяемых Бундесбанком;
- оказание услуг в качестве финансового агента Федерального правительства и правительств земель. Банк может предоставлять им льготные кредиты в пределах, определенных в законе лимитов, а эти государственные органы обязаны держать свои ликвидные средства на жиросчете в Бундесбанке.

Немецкий Бундесбанк — государственное юридическое лицо. Его уставный капитал принадлежит федерации, которая распоряжается его прибылью, остающейся после обязательных отчислений. С одной стороны, Бундесбанк обязан осуществлять поддержку государственной экономической политики. С другой — при исполнении предписанных законом функций он не обязан подчиняться указаниям правительства, что обеспечивает проведение

Таблица 1 / Table 1

Структура банковского сектора ФРГ (2016 г.) / The structure of the banking sector in Germany (2016)

Тип банков	Кол-во институтов	Кол-во отделений	Кол-во занятых, %	Доля в активах, %	Доля в кредитах предприятиям, %	Доля в кредитах физ. лицам, %
Частные	231	9 407	23,3	40,5	26,7	31,4
коммерческие банки						
Сберегательные	413	12 233	36,3	15,0	23 Д	23,7
кассы						
Земельные банки	7	—	3,5	11,2	13,7	1,9
Кооперативные банки	1.009	11860	25,3	10,3	17,6	23,9
Банковский сектор, всего	1338	33 914	100	100	100	100

Источник / Source: https://bankenverband.de/media/publikationen/16112017_Zahlen_und_Fakten_web.pdf.

в жизнь принципа автономии и независимости центрального банка [2].

По организационно-правовой форме немецкие банки делятся на:

- частные коммерческие банки;
- публично-правовые институты;
- кооперативные банки.

По выполняемым функциям их можно разделить на:

- универсальные банки;
- специализированные банки.

Немецкие банки в своем абсолютном большинстве универсальные, т.е. они предлагают, как правило, весь спектр банковских услуг.

Количество банковских институтов и их филиальной сети в ФРГ имеет устойчивую тенденцию к сокращению. Глобализация и обострение международной конкуренции вынуждают немецкие банки к снижению издержек, оптимизации своей деятельности и сокращению количества отделений. По данным на конец 2016 г., в Германии функционировало в общей сложности 1888 банков (в 2005 г. — 2344) и 34 тыс. банковских филиала (в 2005 г. — 46,4 тыс.), в которых было занято 609 тыс. чел. (в 2005 г. — 693 тыс. чел.) (табл. 1).

Первая группа немецкого банковского сектора — частные коммерческие банки — включает крупнейшие частные универсальные банки страны

(гросбанки), региональные банки, частные банкирские дома, филиалы иностранных банков, частные ипотечные банки, строительные сберегательные кассы и банки с дистанционной формой обслуживания (интернет-банки). Количество частных банков в Германии относительно невелико — 281, но по объему активов, кредитной активности и количеству занятых они играют значимую роль в экономической жизни страны.

Относящиеся к этой группе *Deutsche Bank* и *Commerzbank* — два крупнейших банка с более чем столетней историей. Первый из них относится к категории глобальных системно значимых финансовых концернов. Не случайно поэтому стремительное ухудшение финансового положения *Deutsche Bank* в последние три года вызывает серьезную озабоченность у экспертов, включая аналитиков МВФ.

Традиционную и старейшую отрасль немецкого кредитного дела представляют так называемые частные банкиры, которые имеют сегодня в своем распоряжении около 80 банкирских домов, основанных в XVIII в. и даже раньше. В эту группу входят все те банки, деятельность которых осуществляется на базе правовой формы единоличного собственника (сегодня при создании новых банков такая правовая форма не допускается) или на базе правовой формы товарищества — открытое торговое общество (ОТГ), командитное товарищество (КТГ). По

своей структуре, размеру, специализации банкирские дома сильно отличаются друг от друга. Крупнейший из них — банкирский дом Оппенгеймов. Узость капитальной базы, отсутствие или ограниченность филиальной сети, проблемы с подбором высококвалифицированных менеджеров высшего звена — факторы, сдерживающие развитие банкирских домов. Однако их сильной стороной остается индивидуальный подход к клиентуре.

В группу частных коммерческих банков входят также филиалы иностранных банков. В Германии представлены сегодня свыше 300 иностранных кредитных учреждений из более чем 50 стран с сетью из почти 1000 дочерних структур, филиалов и представительств.

К категории *публично-правовых институтов* относятся земельные банки, сберегательные кассы, строительные сберегательные кассы, банковская группа KFW.

Сберегательные кассы, возникшие в XIX в. после объединения Германии в 1871 г., изначально были ориентированы на работу с населением и малым бизнесом. В эпоху экономического подъема крупные частные коммерческие банки были нацелены прежде всего на сотрудничество с промышленностью и не проявляли заинтересованности ни в клиентском обслуживании физических лиц, ни в кредитовании малого бизнеса. Тогда и возникли государственные сберкассы, основная цель которых, как декларировалось в их уставе, заключается не в получении прибыли или увеличении стоимости акционерного капитала, а в «служении общественному благу».

Сложившаяся специализация, когда коммерческие банки занимались преимущественно кредитованием крупных промышленных предприятий и обслуживанием внешнеторговых операций, а сберегательные кассы — работой с населением и малым бизнесом, многие годы сохранялась и после Второй мировой войны. Только в 1990-е гг. в условиях большей открытости европейских финансовых рынков и усиления конкуренции крупные немецкие коммерческие банки повернулись лицом к мелкому клиенту. Ритейл вновь вошел в моду. Тогда-то и возник конфликт интересов, который и сегодня является темой острых политических дискуссий, когда речь заходит о путях реформирования банковского сектора Германии. Немецкие коммерческие банки забросали жалобами собственное правительство и Еврокомиссию, обвиняя сберкассы в нарушении правил честной конкуренции: мол, те

пользуются государственными гарантиями и имеют возможность не закладывать риски в стоимость кредита. Подробнее об этом речь пойдет ниже, пока же отметим лишь, что «служение общему благу» обходится дорого: финансовое состояние многих сберегательных учреждений Германии вызывает серьезные опасения. Удельный вес «плохих кредитов» на их балансах до финансового кризиса 2008–2009 гг. был существенно выше, чем в коммерческих банках.

Превратившись сегодня, по сути, в универсальные банки, сберкассы во многом сохранили свою первоначальную специализацию: основная масса их клиентской базы — физические лица, самозанятые, владельцы малых и средних предприятий. Более 60% всего населения Германии имеют счета в сберегательных кассах и более половины от общего объема вкладов также размещены в сберегательных кассах. Собственниками сберегательных касс являются общины, города и округа. Государственный контроль за деятельностью сберегательных касс осуществляют ответственные за это земельные министры, а также BAFin. Каждая сберегательная касса обслуживает свою территорию, они обеспечивают 28% кредитов предприятиям и 29% кредитов физическим лицам (https://bankenverband.de/media/publikationen/16112017_Zahlen_und_Fakten_web.pdf).

Земельные банки — это своего рода «домашние банки» федеральных земель. Их задача — финансирование промышленных и инфраструктурных объектов, поддержка малого и среднего бизнеса. По отношению к сберкассам земельные банки выступают как бы в роли региональных центробанков (т.е. снабжают их льготными кредитами, принимают под определенный процент избыточную ликвидность, осуществляют взаиморасчеты и т.д.). За последние годы количество земельных банков сократилось: вместо существовавших ранее 11 банков осталось лишь семь.

Кооперативные банки представляют собой еще один важный сегмент в банковском секторе Германии. В городах они встречаются под названием Volksbank, а в сельской местности — под названием Raiffeisenbank.

Кредитная кооперация зародилась в Германии в конце XIX в. Товарищества, построенные по этому образцу, оказались весьма жизнеспособными и получили распространение по всей Европе, включая Россию. В начале XX в. модифицированная система европейского кооперативного кредита была принесена и развита в США [3].

Сегодня в Германии действуют около 1009 кооперативных банков. Это сравнительно небольшие учреждения, количество которых в последние годы постоянно сокращается в связи с их слиянием. Членами кредитных кооперативов являются более 15 млн частных лиц. Совладельцем кооперативного банка может стать теоретически любой при условии приобретения хотя бы одного пая. Несмотря на то что деятельность кооперативных банков по-прежнему концентрируется преимущественно на сберегательных вкладах и вкладах до востребования, а также на выдаче краткосрочных и среднесрочных кредитов своим членам, они предлагают сегодня своим клиентам универсальный ассортимент услуг. Постоянно растет и объем долгосрочных кредитов.

Главным институтом кооперативного сектора является DZ BANK AG — Центральный банк кооперативов. Он образовался в результате слияния двух банков — *Deutsche Genossenschaftsbank* и *GZ BANK*. DZ BANK занимает второе место в стране по размеру активов и имеет филиалы как в Германии, так и за рубежом. Банк обеспечивает кредитные кооперативы такими услугами, как денежные переводы, экспортное финансирование, доступ на международный финансовый рынок. Дочерняя DZ BANK компания (*UNION INVESTMENT*) предоставляет банковские услуги институциональным инвесторам, а также среднему и крупному бизнесу внутри страны и за рубежом.

Наряду с универсальными в Германии действует большая группа *специализированных банков*. Это прежде всего ипотечные банки, строительные сберегательные кассы (*Bausparkassen*), выдающие ссуды для индивидуального строительства, Немецкий почтовый банк, Депозитарный банк, кредитные учреждения со специальными задачами, среди которых особое место занимают *Ausfuhrkredit-Gesellschaft mbH* (кредитование экспорта в развивающиеся страны) и *Kreditanstalt fur Wiederaufbau* (кредиты для капиталовложений в экономически слабые регионы Германии). Другие банки со специальными задачами оказывают поддержку государственным программам поощрения промышленности, малых и средних предприятий, сельского хозяйства и т.д. В общей сложности на специализированные банки приходится около 25% рынка банковских услуг.

Новая тенденция в банковском бизнесе — это интернет-банкинг. Его появление вызвало настоящую революцию на рынке банковских услуг. 17 немецких интернет-банков не имеют обычного банковского офиса, связаться с ними можно только по фак-

су, телефону или e-mail. Интернет предоставляет и традиционным банкам широкие возможности сэкономить на стандартных операциях, прежде всего на проведении платежей: стоимость операций может сокращаться на 90%. Поэтому получившие большую популярность в 1990-е гг. интернет-банки сталкиваются с нарастающей конкуренцией со стороны традиционных банков на рынке онлайн-услуг.

Количество счетов, обслуживаемых там в режиме онлайн, увеличилось с 1,4 млн в 1995 г. до 62,8 млн в 2016 г. В частных банках их доля составляет сегодня 39,4%, в земельных банках и сберегательных кассах — 33,7%, в кооперативных банках — 36% (<http://www.bankenverband.de/fachthemen/unternehmensfinanzierung-c/positionspapier-zur-rolle-der-banken-bei-der-finanzierung-der-europaeischen-wirtschaft.pdf>).

Страхование банковских депозитов в Германии осуществляют три организации:

- фонд страхования депозитов частных банков;
- фонд страхования депозитов сберегательных касс;
- страховой фонд кооперативных банков.

В фонде страхования депозитов частных банков могут принимать участие все частные кредитные учреждения, имеющие генеральную лицензию Федерального ведомства по банковскому надзору (с 2002 г. — Федерального ведомства по надзору за финансовым рынком) и являющиеся членами Объединения немецких банков. Страхование подлежат практически все виды депозитов, за исключением межбанковских, а также некоторых долговых обязательств на предъявителя. *Deutsche Bundesbank* в системе страхования вкладов и депозитов не участвует и не оказывает на нее прямого воздействия. Прекращение деятельности банка в фонде влечет за собой его исключение из банковской ассоциации и, наоборот, выход банка из ассоциации ведет к его исключению из числа участников фонда.

Фонд страхования депозитов сберегательных касс является дополнительным средством защиты интересов вкладчиков, поскольку их особый статус как организаций, находящихся в ведении общин, городов и других административно-территориальных единиц, предполагает наличие у них государственных гарантий, что само по себе является залогом платежеспособности сберегательных касс. Общий фонд сберегательных касс складывается из нескольких региональных страховых фондов, поскольку вся деятельность сберкасс основана на принципе региональности — четко определенного

географического пространства ведения операций. Общий объем региональных фондов составляет 3% совокупных требований сберегательных касс к клиентам.

Другим элементом системы защиты интересов вкладчиков сберегательных касс являются страховые резервы земельных банков, создаваемые в объеме 1% суммарных вкладов. Для их формирования земельные банки ежегодно вносят 1% суммы вкладов клиентов. Максимальный объем резервов — 50% общей суммы вкладов.

Страховой фонд кооперативных банков осуществляет свою деятельность через Ассоциацию кооперативных банков. На специальном счете фонда хранится 10% резервных средств, а 90% размещаются на счетах региональных аудиторских объединений, которые управляют этими средствами по доверенности Ассоциации. Оказавшемуся в сложном финансовом положении кооперативному банку из средств фонда могут быть предоставлены процентные или беспроцентные ссуды, гарантии.

Банковский надзор в ФРГ совместно осуществляют два органа — Бундесбанк и Федеральное ведомство по надзору за финансовыми рынками (BaFin). Помимо национальных регуляторов, контроль за банковским сектором в странах ЕС осуществляет Европейское банковское управление (European Bank Authority) со штаб-квартирой в Лондоне (в связи с предстоящим выходом Великобритании из ЕС она в ближайшее время будет переведена в одну из столиц стран континентальной Европы — Б.З.).

В 2013 г. в Германии были законодательно закреплены на национальном уровне новые стандарты банковского регулирования, принятые Базельским комитетом по банковскому надзору (повышенные требования к качеству и структуре собственного капитала банков, к покрытию рисков, финансовому левериджу, ликвидности, а также внедрение финансового и антициклического буфера) (http://www.bundesbank.de/Redaktion/DE/Downloads/Veroffentlichungen/Monatsberichtsfaetze/2015/2015-04-bankensektor.pdf?_blob=publicationFile).

В дополнение к уже существующей на национальном и европейском уровне системе финансового контроля, в апреле 2014 г. Европарламент одобрил три ключевых закона, формирующие создание *Европейского банковского союза*, целью которого является снятие с налогоплательщиков финансовой ответственности за проблемные банки и ужесточение надзора за крупнейшими банками. Так появился

единый свод правил, призванный гармонизировать принципы деятельности европейских банков и систему гарантии по вкладам, создан *Единый надзорный механизм* (*Single Supervisory Mechanism*) во главе с ЕЦБ и *Единый механизм урегулирования банкротств* (*Single Resolution Mechanism*). Изначально предполагалось, что механизм SSM будет охватывать все банки еврозоны, но под давлением Германии их количество сократилось до 128 системно значимых банков (из них около 20 — немецкие).

Решение о создании *Европейского банковского союза* во многом стало реакцией на мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., который банковская система Германии пережила трудно, но без драматических последствий. Оперативно принятое федеральным правительством решение о предоставлении банкам и финансовым компаниям пакета помощи в размере 480 млрд евро (востребовано было около половины этой суммы), заявление о безлимитных гарантиях государства по вкладам населения, активное участие земельных властей в санации «своих» региональных банков позволили стабилизировать ситуацию и предотвратить панику. Тем более, что сберегательные кассы и кооперативные банки, работающие в основном на локальных рынках, напрямую не были связаны с проблемами, возникшими на мировых финансовых рынках.

ПОСЛЕДСТВИЯ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Тем не менее потери были. И весьма существенные. На грани банкротства оказался и был национализирован мюнхенский банк *Hypo Real Estate*, специализировавшийся на финансовых операциях с недвижимостью. За помощью к государству обратился *Commerzbank*, получивший 18 млрд евро на увеличение собственного капитала и еще 15 млрд евро государственных гарантий на пополнение ликвидности. Взамен государству был передан блокирующий пакет акций второго по величине частного банка страны.

Наиболее уязвимым звеном в банковском секторе ФРГ оказались земельные банки. Обретя относительную самостоятельность после отмены государственных гарантий, но не имея ясной концепции развития бизнеса, некоторые из них пустились в рискованные операции на рынке ценных бумаг, не обладая достаточным опытом работы в этом специфическом сегменте финансового рынка. В результате пять земельных банков (*Sachsen LB, West LB, HSH Nordbank, Bayerische LB u Landesbank Baden-*

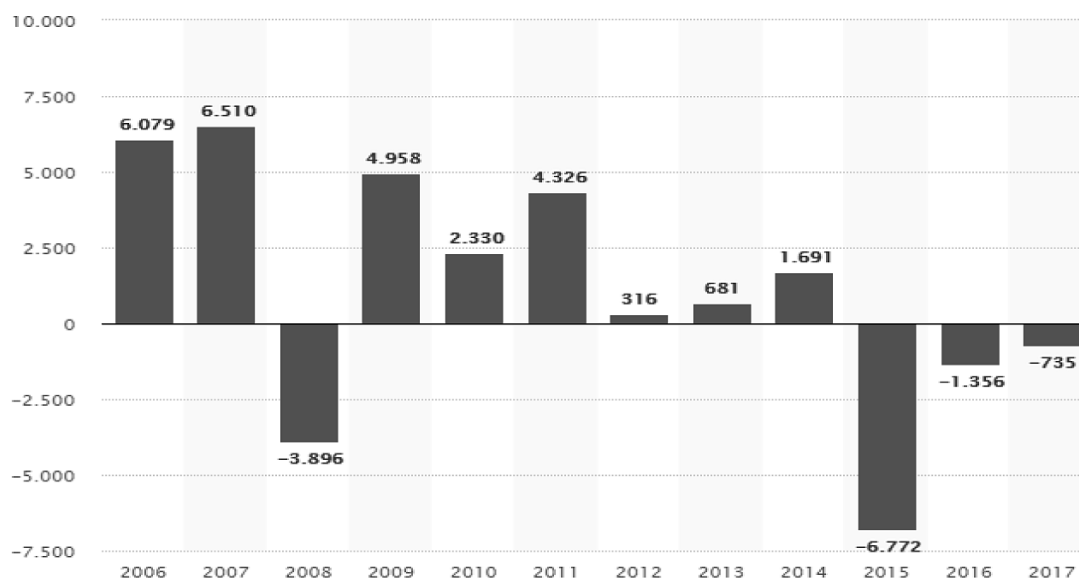

Рис. 1 / Fig 1. Прибыль/убытки Deutsche Bank в 2006–2017 гг. / Deutsche Bank's profits/losses in 2006–2017

Источник / Source: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/76928/umfrage/gewinn-deutsche-bank>.

Wuerttemberg), столкнулись с серьезными проблемами, и их решение дорого обошлось федеральному и земельным бюджетам.

Глава крупнейшего банка страны — *Deutsche Bank* — Й. Аккерман отказался от помощи государства и заявил, что его банк самостоятельно сумеет справиться с трудностями. Как показало дальнейшее развитие событий, масштаб трудностей был недооценен, а посткризисная стратегия руководства банка оказалась ошибочной. В 2015 г. из-за большого числа списаний и штрафов (менеджеров *Deutsche Bank* обвинили в манипуляциях со ставкой LIBOR) убытки *Deutsche Bank* составили 6,8 млрд евро, в 2016 г. — 1,4 млрд евро¹.

В июле 2016 г. *Deutsche Bank* оказался в «десятке» самых слабых европейских банков по результатам стресс-теста, который провели ЕЦБ, Европейское банковское управление (EBA) и Европейский совет по системным рискам (ESR). Долговая нагрузка банка (отношение заемных и собственных средств) составила 40:1. Ситуацию усугубляет проводимая ЕЦБ политика низких процентных ставок, что негативно сказывается на прибыли всех немецких банков [4]. Дополнительным ударом по финансовому положению *Deutsche Bank* стал *Brexit*: именно в Лондоне банк получал до 20% своей выручки. МВФ публично заявил, что *Deutsche Bank* представляет

главный системный риск для мировой финансовой системы. По экспертным оценкам, на его балансе находится незащищенных деривативов на сумму свыше 70 трлн долл. (<https://www.mmnews.de/vermischtes/19621-deutsche-bank-risiko>).

Новый директор *Deutsche Bank* Дж. Крайан начал болезненный процесс реструктуризации и корректировки политики банка: было объявлено, что в 2018 г. будет уволено 3000 сотрудников, закрыто 188 отделений в Германии и полностью свернуто присутствие банка в 10 странах. Однако рейтинговые агентства и инвесторы не оценили усилий руководства банка. Акции *Deutsche Bank* и его рыночная капитализация опустились до рекордно низкого за последние 30 лет уровня, а операторы одного из ключевых европейских индексов *Stoxx Europe 50* исключили *Deutsche Bank* из состава фондового индикатора. Масла в огонь подлило требование Минюста США заплатить штраф в размере 14 млрд долл. за якобы имевшие место махинации *Deutsche Bank* в торговле ипотечными ценными бумагами.

Эксперты считают, что ключевой проблемой *Deutsche Bank* остается оставшаяся практически неизменной и при новом руководстве его бизнес-модель, ориентированная почти исключительно на инвестбанкинг, доходность которого в последние годы имеет тенденцию к снижению [5]. В 2017 г. она упала, судя по финансовой отчетности *Deutsche Bank*, до минимального уровня — 1,3% на собственный капитал. По итогам 2017 г. совокупные убытки банка составили 735 млн евро (рис. 1).

¹ Die Details zum Milliardenverlust. Handelsblatt. 2016; 28 Januar; Deutsche Bank schreibt 1,4 Milliarden Euro Verlust. FAZ. 2017; 2 Febr.

Таблица 2 / Table 2

10 крупнейших банков ФРГ и их активы (млрд евро) /
Ten largest banks in Germany and their assets (billion euros)

1	Deutsche Bank AG, Frankfurt/M	1591
2	DZ Bank AG, Frankfurt/M	509
3	KfW Kreditanstalt fuer Wiederaufbau, Frankfurt/M	507
4	Commerzbank AG, Frankfurt/M	480
5	Unicredit Bank AG, Muenchen	302
6	Landesbank Baden – Wuerttemberg, Stuugart	244
7	Bayerische Landesbank, Muenchen	212
8	Landesbank Hessen – Thueringen Girozentrale, Frankfurt/M	175
9	Norddeutsche Landesbank Girozentrale, Hannover	175
10	ING – DiBa AG, Frankfurt/M	158

Источник / Source: https://bankenverband.de/media/publikationen/16112017_Zahlen_und_Fakten_web.pdf.

В апреле 2018 г. в руководстве *Deutsche Bank* вновь произошли изменения. Вместо ушедшего в отставку Дж. Крайна председателем правления стал К. Зевинг. Аналитики считают, что новое назначение свидетельствует о том, что *Deutsche Bank* окончательно меняет приоритеты своей активности и с рынка капитала и рискованных инвестиционных проектов готов переключиться на классическую банковскую деятельность.

Сложное положение одного из флагманов немецкой экономики — не единственная проблема немецкой банковской системы. Количество кредитных институтов в Германии продолжает существенно превышать европейский уровень, а их концентрация (доля активов пяти крупнейших банков) традиционно остается низкой. Относительно небольшие размеры и низкий уровень рентабельности большинства немецких банков являются серьезными ограничителями их международной активности (http://www.bundesbank.de/Redaktion/DE/Downloads/Veroffentlichungen/Monatsberichtsfaetze/2015/2015-04-bankensektor.pdf?_blob=publicationFile). За исключением *Deutsche Bank* здесь нет глобальных игроков «первой лиги». *Commerzbank*, находящийся сегодня далеко не в лучшей кондиции, крупным можно считать только в национальных рамках (табл. 2). Широкомасштабное присутствие государства в банковском секторе страны, как показал пример земельных банков, тоже не способствовало повышению эффективности кредитных учреждений Германии.

Одна из самых обсуждаемых тем сегодня в банковских кругах Германии — возможное слияние *Deutsche Bank* и *Commerzbank*. Идею озвучил нынешний министр финансов ФРГ О. Шольц (СДПГ) после того, как в сентябре 2018 г. *Commerzbank* по совокупности показателей выпал из национального списка «золотых фишек» — он впервые не вошел в главный биржевой индекс DAX 30. Немецкий министр, который в правительстве «большой коалиции» одновременно занимает пост вице-канцлера, высказался без обиняков: в стране лучше иметь один по-настоящему крупный и сильный банк, чем два проблемных (<https://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/deutsche-bank-und-commerzbank-frankfurter-banken-poker>). Состоится слияние двух банковских институтов с более чем вековой историей или нет, сказать трудно, но представить подобный сценарий еще несколько лет назад было вряд ли возможно.

ФОНДОВЫЙ РЫНОК: КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Сегодня трудно представить себе экономику любой страны без развитого фондового рынка. На территории современной Германии первые упоминания о торговле ценными бумагами (векселями) встречаются в конце XVI в. Датой рождения *Франкфуртской фондовой биржи* считается 1585 г., когда местные купцы договорились об использовании фиксированных курсов обмена различных денежных единиц. В конце XVIII в. начинается

торговля облигациями, а первая котировка акций датирована 1820 г.

После объединения Германии в 1871 г. центральную роль на фондовом рынке начала играть *Берлинская биржа*. Именно она стала центром торговли ценными бумагами периода грюндерства. Франкфурт вплоть до начала Первой мировой войны сохранял за собой роль ведущей площадки для торговли иностранными облигациями. Всего к концу XIX в. в Германии действовали уже 29 бирж.

В августе 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны почти все европейские и американские фондовые биржи временно прекратили работу. *Берлинская биржа* оставалась закрытой вплоть до конца войны. Ориентированная на иностранные ценные бумаги, *Франкфуртская биржа* также значительно пострадала в результате войны, к концу которой все зарубежные фондовые ценности исчезли из котировочных листов германских бирж.

В 1920-е гг. на фондовых рынках наступил период подъема, сопровождавшийся беспрецедентной биржевой активностью и спекуляциями. Эпицентром этого подъема стали США, где рынок за период 1921–1929 гг. вырос почти на 400%. Больше всего вырос фондовый рынок в Германии — более чем на 1000%, однако рост здесь имел больше номинальный характер и в значительной степени был связан с инфляционным фактором.

Экономический кризис 1929–1933 гг. оказался мировым. Начавшись в США, Великая депрессия перекинулась и на другие страны. Из крупных европейских стран больше всего пострадали Германия и Великобритания. Банковский кризис, спад производства не могли не отразиться и на состоянии фондового рынка. В 1931 г. германские фондовые биржи временно были закрыты. Основные биржевые индексы упали за период с июня 1928 г. (предкризисный максимум) по апрель 1932 г. (кризисный минимум) на 67,7%.

С приходом к власти в 1933 г. национал-социалистов контроль за деятельностью бирж, который раньше находился в компетенции соответствующих земельных органов надзора, был централизован. Общее количество биржевых площадок в 1935 г. сократилось с 21 до 9. *Франкфуртская биржа*, объединившись с *Майнхаймской*, утратила свое бывшее значение и превратилась в заурядную провинциальную площадку под новой вывеской — *Рейнско-Майнская биржа*. *Берлинская биржа* фактически прекратила свою работу в 1943 г. из-за введенных германским правительством ограничений на обращение акций [6].

После Второй мировой войны абсолютные размеры и значение фондовых рынков, как и в целом финансового сектора в экономике, повсеместно росли. В Германии в послевоенные годы большая часть операций совершалась на двух биржах — во Франкфурте и в Дюссельдорфе, причем разрыв между обеими биржами был относительно невелик. Вскоре Франкфурт окончательно потеснил Дюссельдорф и стал бесспорным лидером на биржевом рынке страны, хотя помимо Франкфурта и Дюссельдорфа продолжали действовать еще шесть региональных фондовых бирж — в Мюнхене, Гамбурге, Берлине, Штутгарте, Ганновере и Бремене.

Роль региональных бирж оставалась довольно существенной в торговле национальными облигациями (40%), иностранными акциями (21%) и иностранными облигациями (36%). Но на Франкфурт приходилось уже в общей сложности около 86% всего германского биржевого оборота по всем инструментам — в том числе 95% по акциям немецких компаний, 60% оборота в торговле немецкими облигациями и 100% в торговле фьючерсами и опционами [7].

В 1990-е гг. правительство ФРГ приложило серьезные усилия, чтобы ликвидировать отставание от зарубежных конкурентов в развитии рынка ценных бумаг. С его участием и поддержкой была разработана общенациональная стратегия развития финансовых рынков под названием «*Финансовая площадка Германия*» (*Finanzplatz Deutschland*). Был принят ряд законов, направленных на улучшение защиты прав инвесторов, повышение требований к отчетности листинговых компаний, упрощение процедуры эмиссии акций, впервые разрешена деятельность частных пенсионных фондов, усилена ответственность за предоставление ложной информации и т.д.

Важным этапом на пути консолидации немецкого биржевого рынка стало создание в январе 1993 г. на базе франкфуртской площадки *Немецкой биржи* (*Deutsche Boerse*), которая является сегодня оператором *Франкфуртской биржи* и представляет интересы всех немецких бирж (сегодня их осталось шесть: Бременская биржа прекратила свою деятельность, а Гамбургская и Ганноверская биржи объединились). Этой же цели — консолидации биржевого рынка — служило и создание нового общенационального контролирующего органа — *Федеральной службы по надзору за торговлей ценными бумагами* (*Bundesaufsichtsamt fuer den Wertpapierhandel, BAWe*) под руководством Феде-

рального министерства финансов. В 2002 г. Германия поменяла секторальную модель регулирования финансового рынка на интегрированную. Был создан мегарегулятор — *Федеральная служба по надзору за финансовыми услугами (BaFin)*, заменившая три специализированных органа контроля — за фондовым рынком, банковской системой и страховым сектором (http://www.deutsche-boerse.com/dbg_en/about-us/frankfurter-stock-exchange/histor-of-the-frankfurter-stock-exchange).

Благоприятным фактором для развития фондового рынка Германии стало принятие в 2002 г. закона об отмене налога на продажи крупных пакетов акций. Этот шаг не только позволил банкам и нефинансовым компаниям избавиться от значительной части своих непрофильных активов, но и дал мощный импульс к размыванию сложившейся в Германии системы перекрестного владения акциями, которая всегда отпугивала сторонних инвесторов своей непрозрачностью. Оздоровление корпоративного ландшафта, в свою очередь, привело к повышению уровня распыленности владения акциями и росту ликвидности фондового рынка. Доля акционерного капитала, находящегося в руках миноритарных инвесторов, увеличилась и достигла сегодня около 80%, что почти соответствует среднеевропейскому показателю. Только в Великобритании и Швейцарии он заметно выше.

DEUTSCHE BOERSE В ФАС И ПРОФИЛЬ

После реорганизации *Франкфуртская фондовая биржа (ФФБ)* и *Немецкая биржа* представляют собой фактически единый орган, хотя формально это различные учреждения. *Сама Немецкая биржа* — открытое акционерное общество с продажей акций любым инвесторам (сегодня свыше 80% акций Deutsche Boerse находятся в руках иностранцев).

Группа Deutsche Boerse предоставляет весь спектр услуг, необходимый в сфере биржевой индустрии: торговлю акциями, облигациями и производными инструментами, клиринг, расчетные услуги, хранение ценных бумаг, рыночную информацию и обслуживание электронных торговых систем (рис. 2).

Основные направления бизнеса группы Deutsche Boerse:

- с помощью электронной торговой системы *XETRA (Exchange Electronic Trading)* и Франкфуртской фондовой биржи *Deutsche Boerse* оперирует самой большой фондовой площадкой Германии и одной из самых больших электронных плат-

форм в мире. Торговая система *XETRA* предлагает инвесторам все котирующиеся на ФФБ ценные бумаги. С ее введением стало возможным осуществление онлайн-торговли, но при этом осталась торговля и на «паркете» через курсового маклера. Через зал исполняются небольшие заявки, крупные — через *XETRA*;

- *Eurex*, возникшая в 1998 г. в результате слияния немецкой биржи срочных контрактов (*Deutsche Terminboerse*) и швейцарской *SOFFEX (Swiss Options and Financial Futures Exchange)*, является глобальным лидером на рынке деривативов и клиринговых услуг. Создание *EUREX* заложило фундамент для развития трансъевропейского рынка производных финансовых инструментов. Терминалы доступа на *EUREX* расположены сегодня во всех европейских центрах, а также в Нью-Йорке, Чикаго, Токио, Гонконге и Сиднее. *The International Securities Exchange (ISE)*, дочерняя компания *Eurex*, является оператором платформы для торговли опционами и акциями в США;

- депозитарно-клиринговая система *Clearstream* предоставляет услуги по хранению и обслуживанию ценных бумаг;

- *Deutsche Boerse Market Data & Analytics* распространяет информацию с торговых платформ (цены, индексы, информация для индивидуальных клиентов), делая тем самым торговлю прозрачной;

- через свои вычислительные центры *ИТ-департамент* обеспечивает технологическим обслуживанием собственные платформы, а также предоставляет услуги другим международным сервисным провайдерам.

Deutsche Boerse имеет свои филиалы в Люксембурге, Швейцарии, Испании, Чехии, и США, а также представительства в Чикаго, Дубае, Гонконге, Лондоне, Москве, Нью-Йорке, Париже, Сингапуре и Токио. Благодаря интегрированной бизнес-модели *Deutsche Boerse* эмитенты извлекают выгоду из низких затрат на приобретение капитала, а инвесторы используют преимущества высокого уровня ликвидности и низких биржевых ставок.

Главный индекс немецкого рынка акций — **DAX**, определяется как средневзвешенное значение цен акций 30 крупнейших акционерных компаний. В качестве индикаторов состояния различных сегментов биржевого рынка используются также индексы **MDAX** (определяется на базе цен акций 50 крупнейших компаний, не включенных в DAX), **SDAX** (определяется на базе цен акций 50 крупней-

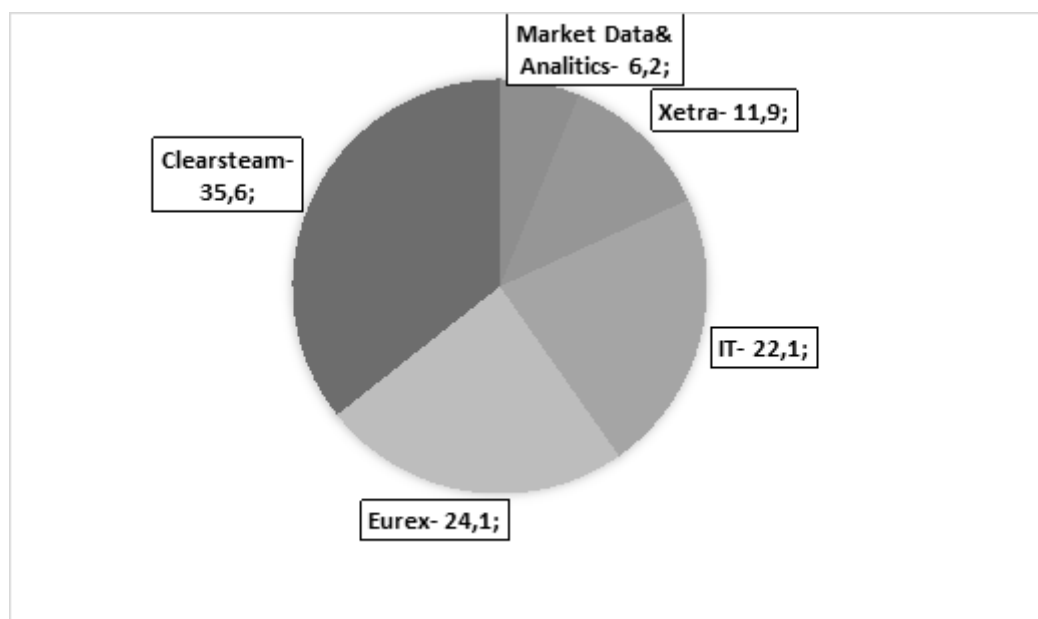

Рис. 2 / Fig 2. Оборот Deutsche Boerse по подразделениям, % / Deutsche Boerse turnover by division, %

Источник / Source: www.deutsche-boerse.com.

ших компаний, не включенных в MDAX), **TecDAX** (определяется на базе цен акций 30 высокотехнологических компаний), **DivDAX** (определяется на базе цен акций 15 компаний с наиболее высокими дивидендами).

Ценные бумаги, торгуемые на Немецкой бирже, делятся на три группы в зависимости от предъявляемых к ним требований листинга. Стандарт «Премииум» (**Prime Standard**) предполагает самый высокий уровень прозрачности с точки зрения объема и периодичности предоставляемой информации. Допуск к стандарту «Премииум» является одним из условий для включения компании в индексы DAX, MDAX, SDAX и TecDAX. Стандарт «Общий» (**General Standard**) основан на минимальных требованиях регулирования ЕС. Стандарт «Допуск» (**Entry Standard**) удобен для молодых, недавно созданных компаний, предполагает упрощенный и низкозатратный выход на рынок капитала.

Количество компаний, прошедших листинг на Франкфуртской бирже, традиционно меньше, чем на Лондонской фондовой бирже (LSE) или на пан-европейской бирже Euronext, созданной путем слияния Амстердамской, Брюссельской, Парижской и Лиссабонской фондовых бирж (рис. 3). Соответственно и рыночная капитализация листинговых компаний на Франкфуртской бирже ниже, чем у ее ближайших конкурентов (рис. 4). Такое положение дел во многом объясняется тем, что число компаний, организованных в форме акционерных об-

ществ, в Германии относительно невелико — менее 1 тыс. из почти четырех млн фирм. Подавляющее большинство предприятий, в том числе и крупных, функционирует в других организационно-правовых формах, не предусматривающих доступ к свободной торговле акциями на бирже (единоличное предприятие, полное товарищество, коммандитное товарищество, общество с ограниченной ответственностью и т.д.). Для них более привычным инструментом внешнего финансирования является банковский кредит.

В свое время один из старейших биржевых гуру, А. Костолани, говорил, что глубинные причины слабости фондового рынка в Германии кроются не столько в недостатках его регулирования, сколько в особенностях национального характера. Чрезмерная осторожность, постоянное стремление к стабильности, нелюбовь к риску, укоренившаяся привычка держать деньги «в чулке» или на накопительных счетах под твердые проценты — все это несовместимо с логикой развития биржевого бизнеса. Даже такие традиционно немецкие качества, как дисциплина и прилежание, иронизировал Костолани, на бирже скорее минус, чем плюс [8].

Все эти колкости можно было бы и опустить. Тем более что сказаны эти слова были 15 лет назад, а за это время в Германии многое изменилось. Многие, но не все. Стереотипы поведения населения в распоряжении своими свободными средствами оказались на удивление живучи. Львиную долю

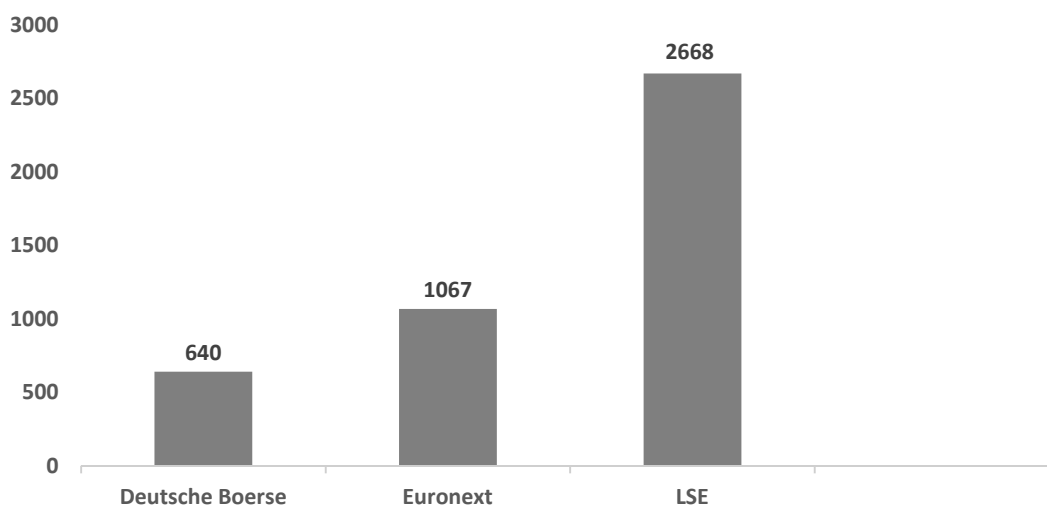

Рис. 3 / Fig 3. Количество листинговых компаний (на 10.01.2016) / Number of listed companies (as of 10.01.2016)

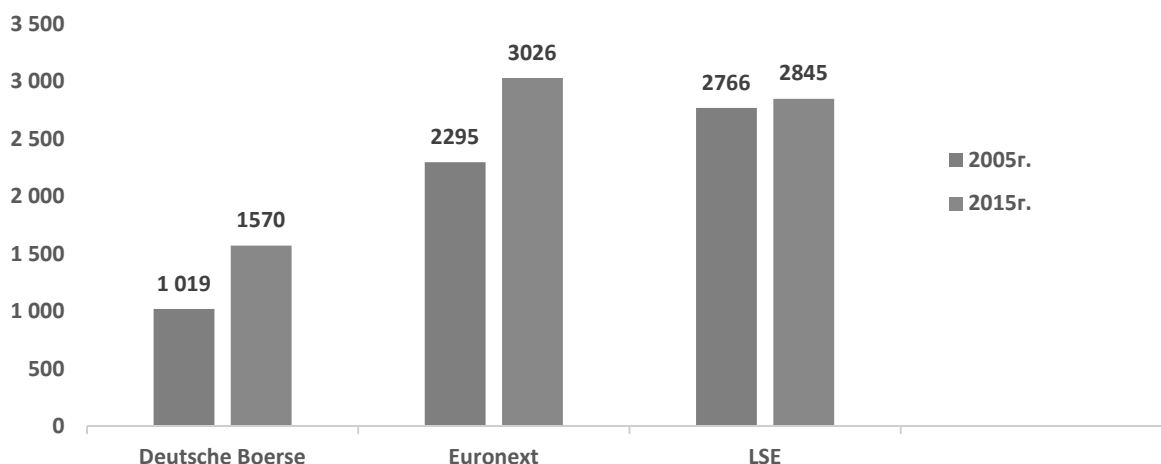

Рис. 4 / Fig 4. Рыночная капитализация листинговых компаний (в млрд евро) / The market capitalisation of listed companies (in billion euros)

Источник / Source: www.deutsche-boerse.com.

своих сбережений большинство немцев по-прежнему держат на банковских депозитах, несмотря на низкую эффективность такой формы накопления.

СТАНЕТ ЛИ ФРАНКФУРТ ФИНАНСОВОЙ СТОЛИЦЕЙ ЕВРОПЫ?

В 2017 г. в условиях практически нулевых процентных ставок по банковским вкладам количество граждан Германии, владеющих акциями либо паями в фондах акций, выросло до 10 млн чело-

век². В процентном отношении от численности населения это все равно значительно меньше не только по сравнению с США и Японией, но и с рядом стран континентальной Европы.

Существенным фактором, сдерживающим развитие фондового рынка в Германии, является специфика устройства немецкой пенсионной системы,

² 4 Zehn Millionen Deutschen haben Aktien. Handelsblatt. 2018; 19 Febr.

Таблица 3 / Table 3

10 крупнейших бирж мира (2017) / Ten largest exchanges in the world (2017)

Биржа	Объем торгов, млрд долл.	Капитализация, млрд долл.	Объем торгов / Капитализация
NYSE	15 905,3	20 754,4	0,77
Nasdaq-US	11 336,3	9 001,7	1,26
Shenzhen Stock Exchange	9 112,0	3 438,0	2,65
Shanghai Stock Exchange	7 563,4	4 674,5	1,62
Japan Exchange Group Inc.	5 812,9	5 584,1	1,04
LSE Group	2 157,2	4 019,9	0,54
Hong Kong Exchange and Clearing	1 957,3	3 814,7	0,51
Euronext	1 942,7	4 052,3	0,48
Korea Exchange	1 920,0	1 547,6	1,24
Deutsche Boerse AG	1 481,7	2 033,6	0,73

Источник / Source: The Global Financial Centres Index 21, March 2017.

где частные пенсионные фонды не располагают достаточными средствами для серьезной работы на финансовом рынке. Масштабы их инвестиционной активности несопоставимы с деятельностью американских, английских, голландских или швейцарских пенсионных фондов и выражаются в статистически ничтожных величинах, особенно на рынке венчурного капитала.

Тем не менее сама Deutsche Boerse, рыночная стоимость которой превышает 15 млрд долл., благодаря удачно выстроенной бизнес-модели, в основе которой заложен принцип диверсификации различных видов биржевой деятельности и источников получения прибыли, остается весьма успешным коммерческим предприятием. Но среди крупнейших биржевых площадок мира Deutsche Boerse заняла в 2017 г. довольно скромное 10-е место (табл. 3).

В условиях растущей конкуренции на международном биржевом рынке руководство Deutsche Boerse неоднократно предпринимало попытки укрепить свои позиции путем создания альянсов с другими биржами. Упомянувшееся уже слияние немецкой биржи срочных контрактов (*Deutsche Terminboerse*) и швейцарской *SOFFEX* (*Swiss Options and Financial Futures Exchange*), позволившее выстроить единую площадку для торговли фьючерсами и опционами, клиринговых расчетов по ним с едиными правилами, стало одним из наиболее

успешных примеров межнационального биржевого сотрудничества. Однако все остальные попытки такого рода по разным причинам закончились неудачей.

В 2006 г. не удалось договориться о союзе с европейской Euronext. В 2012 г. Еврокомиссия наложила запрет на объединение *Deutsche Boerse* с американской NYSE. По мнению Еврокомиссии, объединенная компания попадала в категорию «квазимонополии». Трижды срывались попытки слияния *Deutsche Boerse* и лондонской LSE. В первый раз это произошло в 2000 г., когда против выступили акционеры LSE. В 2005 г. сделку заблокировали акционеры *Deutsche Boerse*.

В марте 2016 г. франкфуртская *Deutsche Boerse* и Лондонская фондовая биржа (*LSE*) объявили, что им удалось, наконец, договориться. В июле акционеры обеих компаний проголосовали за слияние. Объединенная англо-германская биржевая группа могла стать первой в мире по выручке и второй по капитализации. Совокупная стоимость торгующихся на двух биржах компаний составила бы почти 5 трлн евро. По данным совместного исследования экспертов *LSE* и *Deutsche Boerse*, после объединения клиринг и торговля деривативами должны были стать основной статьей доходов объединенной биржи, заняв в ней не менее 37%.

Второй по значимости статьей доходов для биржи планировалось оказание информационных услуг

(28%). На торговлю акциями, валютой и облигациями в структуре доходов, по расчетам, приходилось бы 14%. (<https://www.trend.at/geld/fusion-deutsche-boerse-und-london-stock-exchange-aus-8010175>).

Последнее слово в одобрении сделки по слиянию *Deutsche Boerse u LSE* должна была сказать Еврокомиссия (ЕК). Вероятность одобрения этой сделки оценивалась достаточно высоко: *Deutsche Boerse u LSE* во многих областях не являются конкурентами, а, скорее, дополняют друг друга. LSE занимается главным образом индексами, клирингом и торговлей акциями, тогда как *Deutsche Boerse* большую часть прибыли получает от торговли фьючерсами. Таким образом, в случае объединения главной торговой площадки Великобритании с крупнейшей немецкой биржей должна была появиться новая площадка, которая по размерам и масштабу операций стала бы крупнейшей в Европе и смогла бы составить конкуренцию американским и азиатским биржам.

Но в марте 2017 г. европейские регуляторы объявили, что союз двух бирж, островной и континентальной, не состоится. По мнению ЕК, объединенная компания будет занимать слишком большую долю на рынке трейдинга и клиринга инструментов с фиксированным доходом. Иными словами, в результате объединения может появиться монополист на рынке торговли облигациями³.

Для Франкфурта, давно мечтающего отвоевать у Лондона статус европейской финансовой столицы, решение ЕК стало чувствительным ударом, но после решения о выходе Великобритании из ЕС, там надеются взять реванш. Расчет строится на том, что крупные международные банки и финансовые учреждения вынуждены будут задуматься о переезде на континент, поскольку *Brexit* лишит Лондон многих сегодняшних преимуществ. Одним из важнейших был так называемый *passporting* — паспортизация, которую англичане в свое время добились в ходе долгих и жестких переговоров.

Суть этого механизма, которым охотно пользуются прежде всего американские и швейцарские банки, заключается в том, что они могут беспрепятственно продавать собственные финансовые продукты по всему ЕС. При этом им достаточно соблюдать довольно либеральное законодательство Великобритании, игнорируя более строгие регуляторные нормы на континенте. Еще один «плюс», особенно с точки зрения инвестбанков из

США: открывая свои представительства в Лондоне, гиганты вроде Goldman Sachs или JP Morgan имеют возможность обойти жесткие законы, регламентирующие рынок труда в Германии или Франции. Но после выхода Великобритании из ЕС этой практике придет конец.

В своей борьбе за лондонское наследство Франкфурт рассчитывает на поддержку властей Еврозоны, которые ясно дали понять, что после выхода Британии из ЕС не станут терпеть положения, когда значительная часть финансовых операций с евро проводится за границей. Так, ЕЦБ уже долгое время предпринимает попытки взять под контроль глобальный бизнес по торговле процентными фьючерсами (обязательство приобрести или продать в условленную дату финансовый инструмент, цены на который зависят от процентных ставок, например облигаций или депозитов). По оценкам Банка международных расчетов, около половины подобных сделок, общий объем которых достигает 383 трлн евро, проходит через дочернюю компанию Лондонской фондовой биржи.

Франкфурт, где уже сегодня 156 иностранных банков имеют свои дочерние структуры и представительства, где расположена штаб-квартира Европейского центрального банка и Федерального банка Германии, может значительно выиграть от переноса такого бизнеса из Великобритании на континент. Эксперты из Ассоциации иностранных банков в Германии прогнозируют, что около 20 крупных банков значительно расширят свои франкфуртские штаб-квартиры или построят новые, и в течение следующих двух-трех лет здесь будет создано дополнительно от трех до пяти тыс. рабочих мест⁴. По результатам опроса, проведенного компанией Ernst & Young, из 222 крупных финансовых учреждений в Лондоне 19 серьезно рассматривают как место новой дислокации Дублин. На 2-м месте — Франкфурт-на-Майне, на 3-м — Люксембург. Есть и другие фавориты — Париж, Амстердам⁵.

Многие эксперты, однако, считают, что если LSE станет внешней для ЕС фондовой площадкой, то определенные потери для Лондона неизбежны, но массового исхода не будет. В сентябре 2018 г. в рейтинге глобальных финансовых центров Лондон уступил Нью-Йорку только одну позицию, заняв

³ EU untersagt Boersenhochzeit. *Handelsblatt*. 2017; 29 Maerz.

⁴ Brexit: nearly 20 banks have committed Frankfurt since vote to leave EU. *Independent*. 2018; 8 April.

⁵ Frankfurt is leading city for banks moving ahead of Brexit. *Financial Times*. 2018; 24 Sept.

2-е место. Франкфурт, по сравнению с предыдущим рейтингом, поднялся сразу на десять ступенек и занял 10-е место. Люксембург — на 21-м месте, Париж — на 23-м, Дублин — на 37-месте⁶. Иными словами, у Лондона в Европе значительное преимущество.

Изменит ли Brexit радикально эту картину? Ответить на этот вопрос однозначно пока трудно. Один из ключевых факторов, влияющих на решение компаний — национально нейтральная система регулирования в Лондоне — вряд ли претерпит изменения. Британская судебная система имеет высокую репутацию. Англоязычная среда куда более, чем какая-либо иная, привычна не только американским, но и европейским банкирам, независимо от национальности. Отсюда еще одно важное преимущество Лондона: доступ к квалифицированным кадрам здесь значительно шире, чем во Франкфурте или в Париже. Словом, вопрос о том, станет ли Франкфурт альтернативой лондонскому Сити, пока остается открытым.

* * *

Становление полноценного фондового рынка не самоцель, а один из важнейших источников финансирования предпринимательской деятельности. Динамичное развитие инновационного типа вообще трудно себе представить без активного участия фондового рынка и венчурного капитала, способных обеспечить быстрое перераспределение финансовых средств и гибкость рынков труда. В этом смысле банковский кредит является куда более консервативным источником финансирования. Трудно рассчитывать на получение кредита для инновационных, а значит, по определению рискованных проектов. Для молодых и небольших по размеру компаний, не успевших обзавестись ни кредитной историей, ни достаточным имуществом для залогового обеспечения кредита, эти трудности становятся и вовсе непреодолимыми. Именно поэтому за последние 15–20 лет на финансовых рынках практически всех развитых стран значительно вырос уровень секьюритизации, отражающий переориентацию компаний с банковского кредита на эмиссию ценных бумаг. Наиболее быстрыми темпами этот процесс развивался в странах с англосаксонской системой права, заметно медленнее — в странах континентальной Европы. Тем не менее, и там, и здесь увеличилась

доля капиталовложений, профинансированных за счет эмиссии акций и облигаций.

Если судить по абсолютным цифрам, не осталась в стороне от новых веяний и Германия. С 1980 по 2016 г. показатель капитализации фондового рынка здесь увеличился примерно в 17 раз. Заметно хуже выглядит отношение капитализации к ВВП. В 1980 г. оно составило в Германии всего 9%, в 1990–22% и достигло в 1999 г. своего максимального значения — 78%. Кризис мировых рынков акций привел к значительному снижению капитализации немецкого рынка. К концу 2002 г. показатель капитализация/ВВП опустился до 51%. В последующие годы рыночная стоимость акций, прошедших листинг на фондовых биржах Германии, стала расти и достигла 69% ВВП в октябре 2007 г. В марте 2008 г. она вновь снизилась до 57% и в 2016 г. находилась на уровне ниже 50% ВВП. Худшие показатели в ЕС имеют только Австрия, Италия и Португалия.

Сравнительный анализ данных о структуре источников финансирования немецких компаний за последние 40 лет свидетельствует о том, что, несмотря на значительное увеличение абсолютных стоимостных показателей эмиссии акций и облигаций, главным внешним источником привлечения финансовых средств по-прежнему остается банковский кредит. За последние 20 лет отношение эмиссий акций к объемам банковского кредитования колебалось в диапазоне от 1 до 4,7%. Германия остается одной из немногих европейских стран, где отношение банковских активов к ВВП намного превышает отношение капитализации рынка акций к ВВП (<http://www.bankenverband.de/fachthemen/unternehmensfinanzierung-c/positionsrapport-zur-rolle-der-banken-bei-der-finanzierung-der-europaeischen-wirtschaft.pdf>).

Несколько иная ситуация наблюдается с эмиссией корпоративных облигаций. До середины 1990-х гг. эмиссия облигаций у нефинансовых компаний составляла всего 0,1% от объемов банковского кредита. Только после введения евро объем эмиссии корпоративных облигаций стал быстро расти и к 2002 г. уже превысил объем эмиссии акций. Активно использовали этот инструмент немецкие компании после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., когда доступ к кредитным ресурсам банков оказался затрудненным. Однако в общей структуре финансирования предприятий этот источник и сегодня остается малозначимым и колеблется в пределах 2–3% от объемов банковского кредита.

⁶ The Global Financial Centres Index. 2018; 24 Sept.: 6.

С 1980-х гг. на финансовых рынках развитых стран стал расти выпуск коммерческих бумаг. Эта форма финансирования удовлетворяет краткосрочные потребности предприятий в денежных средствах и также является альтернативной банковскому кредиту. Наиболее быстрыми темпами рынок коммерческих бумаг рос в США, Канаде и Испании, где соотношение между задолженностью по коммерческим бумагам и банковским кредитом нефинансовых компаний за 1980-е гг. увеличилось на 5–7 процентных пунктов. В Германии нетто-задолженность по всем коммерческим бумагам составляет и сегодня не более 1,5–1,6% от объемов банковского кредита, а за 20 лет этот показатель увеличился здесь всего на 0,8 процентных пункта. Все исследования, проводившиеся как в самой

Германии, так и за рубежом, свидетельствуют, что главным инструментом финансирования нефинансовых компаний в ФРГ по-прежнему являются внутренние источники — амортизация и нераспределенная прибыль. Доля банков в финансировании предприятий за последние 40 лет фактически не снизилась и обеспечивает 20–30% всех используемых ими средств. Доля ценных бумаг, несмотря на рост абсолютных показателей, составляет менее 7%. Все это свидетельствует о том, что процессы секьюритизации получили в Германии значительно меньшее развитие не только по сравнению с США и Великобританией, но и с большинством стран континентальной Европы. Фондовый рынок остается здесь недоразвитым и играет сугубо подчиненную роль в финансировании предприятий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Рубцов Б.Б. Современные фондовые рынки. М.: Финансы; 2007. 925 с.
Rubtsov B.V. Modern stock markets. Moscow: Finansy; 2007. 925 p. (In Russ.).
2. Современная Германия. Экономика и политика. Белов В.А., ред. М.: Весь Мир; 2015. 718 с.
Modern Germany. Economics & Politics. Belov V.A., ed. Moscow: Ves' Mir; 2015. 718 p. (In Russ.).
3. Зарицкий Б.Е. Экономика ФРГ. М.: Магистр; 2010. 350 с.
Zaritskiy B.E. Germany's economy. Moscow: Magistr; 2010. 350 p. (In Russ.).
4. Зарицкий Б.Е. Политика ЕЦБ: позиция Германии. В сборнике: Мировая экономика и мировые финансы: глобальные проблемы и перспективы. Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции. Звонова Е.А., ред. М.: РУСАЙНС; 2017:121–130.
Zaritskiy B.E. ECB policy: Germany's position. In *Mirovaya ekonomika i mirovye finansy: global'nye problemy i perspektivy*. Kollektivnaya monografiya po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Zvonova E.A., ed. Moscow: RUSAINS; 2017:121–130 (In Russ.).
5. Sinn W., Schmudt W. Deutschlands Banken 2017: Metamorphose im laufenden Betrieb. Muenchen: Bain&Company; 2017. 87 p.
6. Merki C. (Hrsg.). Europas Finanzzentren. Geschichte und Bedeutung im 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Campus Verlag; 2005. 305 p.
7. Beckers T. Kapitalmarktpolitik im Wiederaufbau. Der westdeutsche Wertpapiermarkt zwischen Staat und Wirtschaft 1945–1957. Mainz: Franz Steiner Verlag; 2014. 445 p.
8. Pepler T., Wiendt A. Der deutsche Aktienmarkt im internationalen Kontext — Chancen und Herausforderungen für den Finanzstandort. Frankfurt am Main: Verlagsgruppe Knapp; 2007. 298 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борис Ефимович Зарицкий — доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики, МГИМО МИД России, Москва, Россия
borsar@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Boris E. Zaritskiy — Dr Sci. (History), Professor of the Department of World Economy, MGIMO-University, Moscow, Russia
borsar@mail.ru

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-109-116
УДК 33.012.7(045)
JEL P1

Диалектическая взаимосвязь типов денежно-расчетной системы и системы разделения труда

Л.В. Решетова,

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-3516-6444>

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является доказательство взаимосвязи расчетных механизмов и систем разделения труда, классификация денежно-расчетных систем в соответствии с различиями систем разделения труда и обоснование оптимальности общественно-государственной денежно-расчетной системы. Автор предлагает единые способы координации сферы базовых отраслей и сферы инновационного творческого труда в условиях цифровой экономики. Для координации разделения труда в базовых отраслях предлагается использовать межотраслевой баланс в рамках автоматизированной системы управления. Для координации видов инновационного творческого труда возможна система объединения сфер социального развития через «круговое авансирование». Указанные варианты координации могут быть реализованы при переходе к оптимальной денежно-расчетной системе. Денежно-расчетные инструменты координации сферы реального производства могут использоваться для достижения государственного регулирования в базовых отраслях экономики, а инструменты формирования вертикально-интегрированных звеньев, по крайней мере, в сфере инновационной творческой деятельности. Оптимальная денежно-расчетная система предполагает наличие внутренних денег – средств расчета. Такая система создает возможность для использования динамической модели межотраслевого баланса как инструмента цифровой экономики в сфере базового производства и инструментов эндогенных, денежно-расчетных способов формирования звеньев вертикального разделения труда для инновационной творческой сферы. Это способствует новаторскому и творческому труду, преодолению рыночных и плановых ограничений. Исследование возможностей денежно-расчетных инструментов в соответствии с тенденциями разделения труда в дальнейшем может определить и другие направления их использования.

Ключевые слова: денежно-расчетная система; разделение труда; круговое авансирование; объединение сфер социального развития; динамическая модель межотраслевого баланса; цифровая экономика

Для цитирования: Решетова Л.В. Диалектическая взаимосвязь типов денежно-расчетной системы и системы разделения труда. *Мир новой экономики*. 2018;12(4):109-116. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-109-116

Dialectical Interrelation of Types of Monetary and Settlement System and Division of Labour

L.V. Reshetova,

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia
LVResh@mail.ru

ABSTRACT

The relevance of the research the author connects to the necessity of selecting from the wide range of digital technologies the best instruments for economic development. The aims of the article are: to prove the interrelation between the settlement mechanisms and systems of the division of labour; the classification of monetary systems by the differences in the division of labour systems; the rationale the optimality of the public-state monetary and settlement system. The study was conducted using a dialectical method, positive and normative institutional and macroeconomic methods. The results of the study are possible to use unified methods of coordinating the sphere of basic industries and the sphere of innovative, creative work in a digital economy. The author proposes to coordinate the division of labour in the basic sectors and an inter-branch balance within the framework of an automated management system. To coordinate the types of innovative, creative work, a system of combining the spheres of social development through a “circular advance” is possible. These coordination instruments we can implement in the transition to the optimal monetary and settlement system. Monetary and settlement instruments for coordination of the sphere of real production can be used to achieve state regulation in the basic branches of the economy, and instruments for the formation of vertically integrated

links, at least, in the sphere of innovative, creative work. The optimal monetary and settlement system proposes the existence of endogen money – the means of account. Such a system makes it possible to use the dynamic model of the inter-sectoral balance as an instrument of the digital economy in the sphere of basic production and instruments of endogenous, monetary-calculating ways of forming links in the vertical division of labour for the innovative, creative sphere. It promotes to innovative and creative work, overcoming market and planning constraints. Investigation of the possibilities of monetary and settlement instruments can generate discussion and can determine other areas of their use.

Keywords: monetary and payment system; division of labour; circular; advancing; combining areas of social development; the dynamic model of the inter-sectoral balance; the digital economy

For citation: Reshetova L.V. Dialectical interrelation of types of monetary and settlement system and division of labour. *Mir novoj ekonomiki = World of the new economy*. 2018;12(4):109-116. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-109-116

Глобализм, новейший империализм, стал сферой господства фиктивного финансово-го капитала как результат сращивания производственного и банковского капитала. Именно финансовый, монетарный сектор стал основой глобальной экономики.

Количество денег влияет на объем производства, структуру производства и ассортимент товаров, а значит, и на глубину разделения труда. Следовательно, «деньги» как качественное и количественное понятие влияют на процесс разделения труда.

Согласно количественной теории денег, например монетаризму М. Фридмена, деньги являются фактором, влияющим на краткосрочные колебания деловой активности [1, с. 63–81].

Исходя из положений институциональной теории, деньги через возможное количество обменов (транзакций) устанавливают уровень или глубину разделения труда и, соответственно, многообразие и ассортимент товаров. Действительно, чем больше денежная масса, тем большее количество транзакций может состояться [2], тем глубже разделение труда и разнообразнее товарная масса. Напротив, недостаток денег приводит к бартерному, а значит, ограниченному обмену и к натурализации производства.

Следовательно, деньги и разделение труда — две стороны одного процесса. Достижение таких целей разделения труда, как повышение эффективности общественного производства, появление новых видов труда и новых видов продуктов и услуг, зависит от отношений или институтов, включаемых в понятие «деньги» или «денежная система». Одни институты определяют качественную сущность денег, их способность выполнять свои функции, а другие — количественную сторону денег, величину денежной массы. Деньги как институт можно рассматривать в качестве средства расширения производственных возможностей общества и фактора влияния на разделение труда и технологический прогресс.

В этом смысле, пользуясь методологией марксизма, можно считать, что деньги являются одними из базовых производственных отношений, в них, как и в товаре, отражаются все отношения, нормы и правила развития современного общества. Можно предположить, что после того, как уровень обобществления производства достигнет предельного (т.е. после того, как будет полностью исчерпан потенциал расширения капиталистических рынков), могут произойти кардинальные изменения в присвоении продукта и разделении труда. В частности, произойдет «снятие» частнокапиталистического присвоения. Новой формой присвоения станет неденежное распределение продукта труда.

В этом случае произойдет преобразование системы разделения труда. Возможно «снятие» отчуждения человека от результата труда и превращение труда в потребность, предполагающую усиление творческой составляющей труда в процессе технологического прогресса. Этой тенденции соответствует идея безусловного базового дохода, в которой деньги являются безвозмездным перемещением дохода общества всем людям, включая тех, кто «не вписался в рынок». Это открывает для них возможность пробовать себя в разных сферах жизни и находить те сферы, где труд становится первой жизненной потребностью.

Так как процесс перехода к инновационному творческому труду происходит постепенно, то в настоящий момент одновременно существуют сфера производства базовых благ, связанная с отчуждаемым, нетворческим трудом, и сфера неотчуждаемого, творческого труда. В первой сфере координация производства может осуществляться через рыночный механизм и (с учетом возможностей цифровых технологий) путем планирования на основе межотраслевого баланса. Во второй сфере (не поддающихся прогнозированию инноваций, особенных видов творческого труда, труда как потребности) рыночное и централизованное управле-

ние невозможно. Существование этих видов труда объективно, как и самозанятость, но предполагает их первоначальное финансирование, мультипликативный эффект которого в виде внешнего положительного эффекта и общих выгод превышает первоначальные затраты, но выражается в денежной форме. Здесь возникает взаимодействие денежной и неденежной систем — ситуация, когда издержки рассчитываются в денежной форме, а результат существует в неденежной.

Образуется необходимость внутренних механизмов создания расчетно-денежной массы, аналогичных посткейнсианским идеям эндогенных денег. Так, по мнению посткейнсианцев, предложение денег в современном рыночном хозяйстве формируется не внешними факторами, а эндогенно, т.е. создается внутри экономики за счет взаимодействия промышленных корпораций и коммерческих банков [3, с. 243–247].

Аналогом таких эндогенных денег может стать сеть блокчейн или другая расчетная система. Денежно-расчетная система заменяет собой традиционную рыночную сеть с денежным оборотом и формирует структуру разделения труда через расчетные инструменты — электронные деньги.

Блокчейн преобразует традиционный рынок, делает его схожим с организованной системой, а при централизованном управлении — с планом. Это может позволить развивать как рыночные, так и нерыночные сегменты российской экономики в их единстве и тем самым способствовать созданию сферы творческого труда, выходящей за пределы рыночной целесообразности, но способствующей реализации общественных целей.

Платежи в безналичных (электронных) национальных валютах внутри «замкнутого контура» позволяют как бы «раздавать» деньги, например, в качестве вознаграждения за использование определенного приложения, в качестве комиссии за «распределенный майнинг» или за предоставление «ценности сети».

Возникает основание для выплаты, например, безусловного базового дохода и создания соответствующего спроса для инновационного творческого продукта. Появляются и новые экономические звенья разделения труда в соответствии с субъектами нового спроса.

Для взаимных платежей в рамках таких сетевых структур можно сформировать собственную платежную систему с собственной расчетной валютой и собственным обменным пунктом, подконтроль-

ным государству эмиссионным центром. Созданные собственные расчетные средства позволят компенсировать недостаток инвестиционных ресурсов для развития инновационной творческой сферы.

Любая денежно-расчетная система является отражением обмена, а обмен — сущностью разделения труда. Оптимальная денежная система должна создавать денежный ресурс, соответствующий нетоварным выгодам или отдавать неденежным (плановым) инструментам сферу реализации функции обращения денег. Так, важнейшим инструментом координации производства базовых благ может быть межотраслевой баланс, а инструментом создания и координации связей в инновационной творческой сфере — «впрыскивание» денежно-расчетных инструментов в качестве ассигнований.

Государство в состоянии «запускать» и контролировать сферу, которая сама формирует сеть вертикально интегрированного комплекса, например по схеме «кругового авансирования» вертикально-интегрированных звеньев. В указанной схеме под технологиями понимаются самые разные идеи для развития как непосредственно производства, так и сферы услуг, а точнее — сферы развития человека (см. рисунок).

Данная схема позволяет создать связь производства и потребления. Производитель технологии сам создает новый вид труда как потребности, а вместе с тем — импульс от потребления к производству. В рыночной экономике эти две стороны существуют на общей базе денежных отношений. В нерыночном секторе заказ на инновационный творческий продукт формируется не платежеспособным спросом, а самим новатором. Консолидированным заказчиком как на базовые (легко учитываемые в плане блага), так и на новые потребности в творческом труде выступает государство. Однако реализовать заказ в базовых благах позволяет межотраслевой баланс, а формирование заказа на новые блага и виды труда возможно с помощью предложенной схемы «кругового авансирования» вертикально-интегрированных звеньев.

Схема позволяет использовать различные расчетные деньги: криптовалюту, безналичные «промышленные деньги», кредиты главных инновационных звеньев по пониженной ставке, внутрикорпорационные кредиты, а также — вводить в оборот реальные деньги после создания готового продукта. В последнем случае налоги выплачиваются в реальных деньгах, а в других случаях имеют расчетный, безналичный характер и могут быть отменены [4].

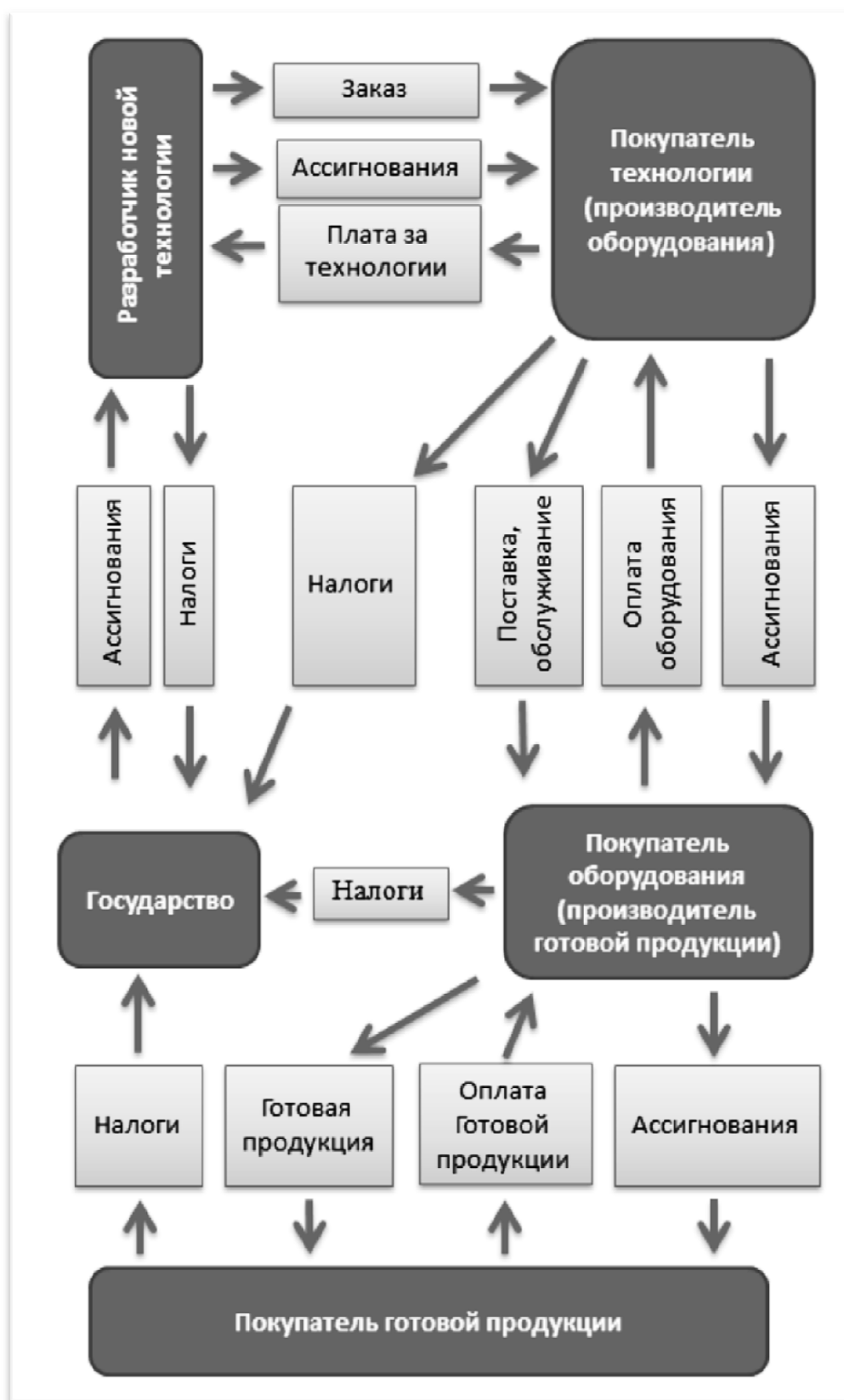

Схема «кругового авансирования» вертикально-интегрированных звеньев /
The scheme of “mutual advance” of vertically integrated links

Таблица / Table

Типы денежно-расчетной системы и типы системы разделения труда /
Types of monetary and settlement system and types of division of labour

Типы денежно-расчетной системы Факторы	1. Система финансового глобализма, основанная на долларе	Сетевые денежные системы, основанные на электронных деньгах		4. Государственная финансовая система, основанная на национальной валюте
		2. Цифровая система финансового глобализма	3. Общественно-государственная, денежно-расчетная система	
Мера и средства развития	Мировые деньги, преимущественно доллар США	Виртуальный капитал и электронные деньги, включая криптовалюты	Расчетные инструменты (электронные деньги, «промышленные деньги» и др.)	Национальная валюта, золото
Институты, создающие деньги	ФРС, центральные банки, коммерческие банки	ФРС, Центральные банки, коммерческие банки, институты цифровой экономики, ICO	Государственные банки, институты цифровой экономики, ICO	Государственные банки
Инструменты, механизм формирования	Эмиссия доллара и национальных валют	Эмиссия доллара и национальных валют, блокчейн	Автоматическая система управления, экономическая киберсистема, блокчейн и др.	Эмиссия казначейских бумаг, экономическая киберсистема
Выгоды	Сеньоражный доход, процент	Процентный доход, снижение транзакционных издержек, повышение скорости совершения сделок	Координация звеньев реального сектора и формирование инновационной творческой сферы	Обеспечение национальной экономики необходимой денежной массой
Вертикальная интеграция как вертикальное разделение труда	Центры добавленной стоимости преимущественно у стран центра	Определяется аддитивными технологиями, Интернетом вещей и другими цифровыми технологиями в рамках ТНК	Цифровые технологии под контролем общества создают возможность разделения труда по разнообразию потребностей в труде	Центры добавленной стоимости контролируются государством
Системы разделения труда	Сетевая система разделения труда финансового глобализма	Цифровая сетевая система разделения труда финансового глобализма	Общественно-государственная, цифровая система разделения сфер социального развития	Государственная система разделения труда базового сектора

Используемые расчетно-денежные инструменты можно рассматривать как преобразованные деньги, а вместе с соответствующими институтами — как особую денежно-расчетную систему. Расчетные деньги могут временно замещать настоящие деньги для реализации интеграционных связей в процессе производства.

Организация «кругового авансирования» вертикально-интегрированных звеньев по принципу «инвестиционного денежного оборота» предпо-

лагает существование государственного фонда или другого инвестиционного института. Таким институтом может быть банк развития, венчурный фонд или даже обычный коммерческий банк, который может выдавать низкопроцентные или беспроцентные кредиты [5].

Представим типы денежно-расчетной системы, рассматривая существующие денежные системы как частные случаи абстрактной расчетно-денежной системы (см. таблицу).

Первая и вторая денежно-расчетные системы отражают оборот частных денег или монополию частных банков на выпуск банкнот и монет, служащих законным средством платежа. Первая система формируется монополией частных банков ФРС [6, с. 109–117], вторая денежная система основывается на коммерческих банках, создающих безналичные деньги, направляемые на последующее кредитование реального сектора. Здесь же появляются криптовалюты как сетевые частные деньги. Российская банковская система в такой долларовой-центричной сетевой системе не имеет возможностей обеспечить достаточное внутреннее инвестирование [7, с. 176; 8].

Четвертый вариант денежно-расчетной системы и, соответственно, четвертый вариант системы разделения труда предполагает монополию государства на выпуск национальной валюты. Это модель казначейского денежного предложения. В более полной форме такая модель оказалась реализованной в социалистической системе. Однако упрощенно и современную денежную систему обычно представляют государственной. Первой и четвертой денежным системам соответствует теоретическая база кейнсианства. Дж. М. Кейнс считал денежную массу экзогенной, предполагал, что количество денег в экономике контролируется центральным банком, что «в капиталистической экономике деньги связаны с процессом создания капитальных активов и контроля» [9]. В этом отношении его подход почти не отличается от неоклассической макроэкономической традиции, включая ее современные ветви: монетаризм и «новую классическую школу».

Во второй и третьей денежно-расчетных системах расчетные средства создаются преимущественно под долговые обязательства банков и фирм, векселя, или иным способом — в целях финансирования расширенного воспроизводства, создания условий для максимизации инвестиционной и инновационной активности. Теоретической базой формирования этих систем можно считать посткейнсианство. Целевая эмиссия денег для кредитования инвестиций в успешно развивающихся странах не приводит к инфляции, так как результатом эмиссии является повышение эффективности производства и расширение объемов выпуска товаров, благодаря чему снижаются издержки, растет предложение товаров и повышается покупательная способность денег.

Во второй системе формированию эндогенной денежной массы способствуют разнообразные фи-

нансовые инновации, осуществляемые коммерческими банками в целях получения желаемой прибыли: сделки с соглашениями об обратном выкупе, стратегии управления пассивами, при которых пассивы формируются самими банками, секьюритизация и др.

Как вторая, так и третья системы получают импульс дальнейшего развития при использовании цифровых технологий. Автоматическое создание электронных денег стимулирует финансовый сектор во второй системе и создание расчетных денег вертикально-интегрированными производственными звеньями в сферах реального производства в третьей модели. Предположим, что вторая модель предполагает глобальный масштаб, всячески стремится к расширению. Действительно, распространение финансовых инструментов в мире идет более агрессивно, имеет больший эффект масштаба, чем распространение производственных технологий.

Третья модель может успешно функционировать на макрорегиональном уровне. Действительно, она может существовать при реализации протекционистских тенденций в мировой торговле. Создаются платежные средства и электронные деньги для автономных хозяйственных систем. Взаимный контроль над движением электронных денег обеспечивается через механизмы блокчейна и другие инструменты, выполняющие координирующую институциональную функцию. Целевое использование денег можно гарантировать. Сеть блокчейн заменяет собой традиционную рыночную сеть и формирует структуру разделения труда через электронные деньги. Такая модель — независимая от коммерческих банков система макрорегионального сетевого регулирования на основе цифровых технологий. Механизм блокчейна может обеспечить насыщение экономики платежными средствами, дать возможность привлечения новых инструментов финансирования и инвестиций. Блокчейн рассматривается как ключевой инструмент нового цифрового уклада, системы монетарных институтов, позволяющий обеспечивать взаимное соблюдение обязательств, прежде всего, в инвестиционной деятельности, без опасения санкций и недостатка ликвидности.

Такая денежно-расчетная система может создать инвестиционный денежный оборот как основу вертикальной интеграции и стимулировать развитие инновационного реального сектора. Организация внутреннего денежного оборота предполагает су-

ществование государственного банка или другого инвестиционного института.

Основным недостатком первой — долларовой денежно-расчетной системы — является неэквивалентность отношений между центром и периферией. Недостатки четвертой — национально-государственной системы: ограниченность информации о возможностях производства и потребностях населения, замкнутость экономического, воспроизводственного контура. Проблемой второй системы является хаотичность и непредсказуемость развития цифровой экономики в финансовой сфере, возможная дегуманизация экономики.

Представляется, что эти недостатки в целом снимаются при переходе к третьей денежно-расчетной системе и, соответственно, к общественно-государственной, цифровой системе разделения сфер социального развития — аналогу системы разделения труда.

Действительно, для развития реального сектора в базовых отраслях материального производства сбор данных и оцифровка информации может способствовать получению достоверной информации для планирования и прогнозирования. Данная информация обеспечит формирование воспроизводственного контура на уровне макро-региона, создание соответствующих вертикальных и горизонтальных связей, создание независимой, основанной на внутренних потребностях кредитно-денежной системы. Этот процесс значительно упрощается при явной и неявной национализации расчетных инструментов, например в случае огосударствления электронных кредитных денег на уровне национальной экономики. Смысл новой системы монетарных институтов заключается в замещении доллара в международных расчетах другими валютами и электронными деньгами, автоматическими системами управления (проект Киберсин, ОГАС [10], единой информационной системой расчетов по государственному оборонному заказу, электронными расчетами на базе блокчейн и др.). Электронные расчетные системы способствуют использованию межотраслевого баланса

как инструмента координации сферы реального производства для достижения государственного суверенитета в базовых отраслях экономики.

Так, денежные инструменты являются переходными и их следует использовать, по крайней мере во внешнеэкономической сфере, до тех пор, пока это способствует расширению разделения труда и росту эффективности производства. Если разделение труда перестанет приносить социально-экономический эффект, а тенденции по возникновению комплексного труда (противоположные разделению труда) станут социально-эффективными, то монетарные механизмы иссякнут.

Оптимальная денежно-расчетная система создает возможность для использования динамической модели межотраслевого-межсекторного баланса как инструмента цифровой экономики для сферы реального производства и позволяет создавать внутренние деньги — средства расчета для «выращивания» новых инновационных комплексов и укрепления уже имеющихся. Такая система включает институты формирования эндогенных, денежно-расчетных способов создания звеньев вертикального разделения труда для инновационной творческой сферы.

Описанная оптимальная система дает возможность развития нового разделения труда в соответствии с требованиями национальной безопасности и потребностями человека. Разделение труда как выбор сферы приложения труда в зависимости от разнообразия потребностей становится характеристикой технологического и социального развития, человек оказывается не «частичным работником», а участником комплексного «труда-развития».

Таким образом, общественно-государственная, денежно-расчетная система развития обеспечит государственное регулирование базовых отраслей экономики и сформирует общественно-государственную, цифровую систему разделения сфер социального развития. Это позволит использовать современные технологические возможности для повышения суверенитета и конкурентоспособности России, даст импульс для социального развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фридман М. Капитализм и свобода. Пер. с англ. М.: Новое издательство; 2006. 117 с.
2. Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2013. 160 с.
3. Блауг М. Джоан Робинсон. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономикс; 2009. 384 с.
4. Решетова Л.В. Трансформации систем общественного разделения труда в сетевой экономике. *Философия хозяйства*. 2017;(4):124–135.

5. Решетова Л.В. Социально экономические аспекты формирования модели реального технологического развития России. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017;3(348):491–503.
6. Хазин М.Л. Слом бреттон-вудской системы как инструмент глобализации. Что дальше? Глобальная экономика в XXI веке: диалектика идеалов и реалии конфронтации: кол. авторов. Альпидовская М.Л., Грязнова А.Г., Карамова О.В., Соколов Д.П., ред. М.: РУСАЙНС; 2017. 154 с.
7. Капканщиков С.Г. Структурная политика Российского государства в механизме преодоления «голландской болезни». Монография. Ульяновск: УлГУ; 2015. 258 с.
8. Нуреев Р.М. Теории развития: дискуссия о внешних факторах становления рыночной экономики (неоклассические модели и их леворадикальная критика). *Вопросы экономики*. 2000;(7):141–151.
9. Kregel J.A. Aspects of Keynesian Theory of Finance. *Zhurnal post keynsianskoy ekonomiki. Journal of Post Keynesian Economics*. 1998;21(1):111–133.
10. Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика; 1975. 159 с.

REFERENCES

1. Fridman M. Capitalism and freedom. Transl. from Engl. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2006. (In Russ.).
2. Auzan A.A. The economy of everything. How institutions define our life. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2013. 160 p. (In Russ.).
3. Blaug M. Joan Robinson. 100 Great Economists after Keynes. Transl. from Engl. St. Petersburg: Ekonomikus; 2009. 384 p. (In Russ.).
4. Reshetova L.V. Transformation of systems of social division of labor in the network economy. *Filosofiya ekonomiki*. 2017;(4):124–135. (In Russ.).
5. Reshetova L.V. Socio-economic aspects of the formation of the model of real technological development of Russia. *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'*. 2017;3(348):491–503 (In Russ.).
6. Khazin M.L. The Breaking of the Bretton Woods system as a tool for globalisation. What's next? The global economy in the XXI century: the dialectic of ideas and the realities of confrontation. Alpidozsky M.L., Gryaznova A.G., Karamova O.V., Sokolov D.P., eds. Moscow; 2017. 154 p. (In Russ.).
7. Kapkanshchikov S.G. Structural policy of the Russian state in the mechanism of overcoming the “Dutch disease”. Monograph. Ulyanovsk: UGU; 2015. 258 p. (In Russ.).
8. Nureyev R. M. Development theories: discussion of external factors of market economy formation (neoclassical models and their left-wing radical criticism). *Voprosy ekonomiki*. 2000;(7):141–151. (In Russ.).
9. Kregel J.A. Aspects of Keynesian Theory of Finance. *Journal of Post-Keynesian Economics*. 1998;21(1):111–133.
10. Glushkov V.M. Macroeconomic models and principles of OGAS construction. Moscow: Statistika; 1975. 159 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лиля Владимировна Решетова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Института экономики и бизнеса, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия
LVResh@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lilya V. Reshetova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Economic Theory, Institute of Economics and Business, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia
LVResh@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ» ЗА 2018 Г.

№ 1

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА*Ленчук Е.Б., Филатов В.И.***Российская экономика: поиск эффективной стратегии6***Бирюков П.А.***Влияние качественных изменений структуры экспорта товаров на экономический рост в России в 2014–2016 гг..... 22****ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***Воронов Ю.П.***К реальному человеку. Долгий путь экономической теории (о Нобелевской премии по экономике 2017 г.)..... 36****МЕНЕДЖМЕНТ***Герасимова Е.Б.***Комплексный анализ устойчивости деятельности организации: методология и технология стандартизации 46***Щеглова Т.Л.***Новый российский хозяйственный учет для новой экономики 56***Жевнов Д.А.***Инновационное развитие бизнеса.****Статистический контроль процессов в методике «Шесть сигм»..... 66***Шапкин И.Н.***«Корпоративная экономика». Истоки современной неокорпоративной практики западноевропейских стран..... 78****ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА***Чернов В.А., Тихова А.Д.***Интегрированный менеджмент устойчивого развития: методологические предпосылки и их практическая реализация..... 92***Каравев А.К., Понкратов В.В.***Основы балансовой механики Вольфганга Штютцела 104***Куприянова Л. М., Соколинская Н.Э.***Фундаментальный анализ эмитента ценных бумаг 114***Хайретдинова Э.М., Зубенко В.А.***Источники и формы финансирования инновационной деятельности в Германии..... 124****КНИЖНАЯ ПОЛКА***Амирханова Ф.С.***Промышленная политика: современные вызовы цифровизации 132**

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

*Эскиндаров М.А., Абрамова М.А., Масленников В.В., Амосова Н.А.,
Варнавский А.В., Дубова С.Е., Звонова Е.А., Криворучко С.В.,
Лопатин В.А., Пищик В.Я., Рудакова О.С., Ручкина Г.Ф., Славин Б.Б., Федотова М.А.*

Направления развития финтех в России:

экспертное мнение Финансового университета6

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Щербаков Г.А.

История экономических кризисов: экономико-математическая

верификация результатов 24

Ларионов А.В.

**Регулирование структуры страхового портфеля как механизм
снижения рисков деятельности страховых компаний.....**

40

Тамаров П.А.

Перспективы развития российской платежной инфраструктуры

в контексте трансформации глобальной финансовой системы 48

МЕНЕДЖМЕНТ

Гаибов Т.С.

Критерии в классификации рисков проектного финансирования

в целях управления рисками портфеля специализированного кредитования 58

Золотарюк А.В., Чечнева И.А.

**Возможности разрешения проблем микрофинансовых организаций
с применением интеллектуальных методов машинного обучения.....**

66

Ульянова М.Е.

Факторы повышения конкурентоспособности вузов:

международный контекст 72

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Бауэр В.П., Подвойский Г.Л., Котова Н.Е.

Стратегии адаптации компаний США

к цифровизации сфер производства..... 78

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Побываев С.А., Селиванов А.И., Трошин Д.В.

Проблемы применения методологии пороговых значений

для определения состояния социально-экономических систем..... 90

Симочкин Д.И.

Объединяя экономику и психологию: теоретические

и практические аспекты (Нобелевская премия по экономике 2017) 98

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Козлова С.Б.

Институциональные ограничения в сфере государственных

жилищно-коммунальных услуг Москвы 110

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Байнов В.А.

Зарубежный опыт проведения политики импортозамещения 122

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА*Агеев А.И.*

Управление цифровым будущим.....	6
---	----------

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА*Ивантер В.В.*

Механизмы экономического роста.....	24
--	-----------

Балацкий Е.В.

Ущерб России от международных санкций: переосмысливая факты.....	36
---	-----------

Казанцев С.В.

Оценка влияния антироссийских санкций на топливно-энергетический и оборонно-промышленный комплексы России.....	46
---	-----------

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА*Красавина Л.Н.*

Страны БРИКС: участие в реформе управления Международным валютным фондом, Группой Всемирного банка. Каковы результаты?	58
---	-----------

Подругина А.В.

Ужесточение финансового регулирования: влияние на кредитный цикл США.....	68
--	-----------

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА*Видмант О.С.*

Прогнозирование волатильности финансовых временных рядов ансамблями деревьев	82
---	-----------

Барбашова Н.Е., Герасимова Ю.В.

Проблемы соответствия между целями, инструментами и финансовыми потоками в региональной политике	90
---	-----------

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*Дрогобыцкий И.Н.*

Генетика социокультурных систем.....	98
---	-----------

Лукачева О.В.

Методические аспекты идентификации банковских кризисов.....	108
--	------------

МЕНЕДЖМЕНТ*Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Морева Е.Л.*

Современные тенденции развития механизмов государственного стимулирования обрабатывающей промышленности в развитых странах.....	118
--	------------

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР*Бобков В.Н.*

Характеристики неустойчивости стандартной и нестандартной занятости в современной России.....	128
--	------------

Стерник С.Г., Мирончук Я.С., Филатова Е.М.

Оценка среднерыночной доходности инвестиций в девелопмент жилой недвижимости в Московской области	140
--	------------

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ*Григорьев Л.М., Бриллиантова В.В., Павлюшина В.А.***Евразийский экономический союз: успехи и вызовы интеграции.....6***Балацкий Е.В., Юревич М.А.***Прогнозирование инфляции:****практика использования синтетических процедур 20****ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА***Басаев З.В.***Цифровизация экономики:****Россия в контексте глобальной трансформации 32***Перелет Р.А.***Экологические аспекты цифровой экономики..... 39****МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА***Головнин М.Ю., Никитина С.А.***Современные тенденции динамики международных потоков капитала 46***Ушкалова Д.И.***Эволюция специализации России****во взаимной торговле со странами ЕАЭС 57***Ревенко Л.С., Ревенко Н.С.***Отраслевое сотрудничество стран БРИКС:****потенциал и приоритеты реализации..... 67***Барышников П.Ю.***Преимущества и недостатки подписания всеобъемлющего экономического****и торгового соглашения (СЕТА) для экономик стран ЕС и Канады 77****ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА***Екимова Н.А.***Международные санкции в отношении России: неявные выгоды..... 82****ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА***Зарицкий Б.Е.***Роль банков и фондового рынка в экономике Германии 93***Решетова Л.В.***Диалектическая взаимосвязь типов денежно-расчетной****системы и системы разделения труда 109**